

ՅՐԶԿՆԱՅ: ԵՎԿՐԻՐԷՂ:

ԿՈՄՈՒՆԱ:

#ՅՐԶԿՈՄՈՒՆԱՆՆՅ

#ԿՈՅՆԻԵՆՆՅ

#ՄԵՆՏԱԿՈՄ

#ՔԱՅՄԻՄԵՆՆՅ

Ярослав Высогорец

**ВОСПОМИНАНИЯ. СНОВИДЕНИЯ.
МЕДИТАЦИИ. РАЗМЫШЛЕНИЯ.**

Книга 1

ОЧЕРК В 50 ГЛАВАХ

We are such stuff as dreams are made on, and our little life is rounded with a
sleep

The Tempest. William Shakespeare

Всем, кто любит или любил меня; всем, кого я любил или люблю; моим учителям: *Василию Степановичу Гузняеву, Карлу Густаву Юнгу, Карлосу Кастанеде, Сергею Мельникову, Николаю Константиновичу Рериху, Михаилу Афанасьевичу Булгакову, Анне Андреевне Ахматовой, Сергею Геннадьевичу Чинёнову*, посвящается моя первая, а может и единственная, кто знает, книга.

В конце многих глав есть список песен, которые, так или иначе, ассоциируются у меня с их содержанием. Заморачиваться с прослушиванием песен во время чтения, или нет — личное дело читателей. Когда главы данной книги выкладывались в вк, слушать прикреплённую музыку было довольно удобно. С целой книгой — картина принципиально иная, но вдруг кому-то будет не лень. Легальные бесплатные варианты прослушивания — музыка вк (ныне, увы, с рекламой), яндекс музыка и т.п.

На обложках и форзацах книги (Белуха и Ольхон) — фотографии, сделанные мной в путешествиях. Внутри книги есть не только мои фотографии и рисунки, но и несколько иллюстраций и фотографий неизвестных мне людей: *девушка с виолончелью, глаза: векторный и с космосом внутри, девушка на обрыве, шаманский орёл, снеговики*. Благодарю неизвестных мне авторов за размещение перечисленных рисунков в интернете. Если их использование в данной книге противоречит интересам авторов, либо вызывает у них какие-либо негативные эмоции — прошу написать об этом сообщением в мой единственный аккаунт в социальных сетях: <https://vk.com/5tran9er>, либо на почту: strangerindarkness@yandex.ru для того, чтобы, при указанных обстоятельствах, я убрал эти иллюстрации из книги, либо заменил их другими.

Любви Вам, дорогие читательницы и читатели, добра, света, жизненной энергии, красоты и чистоты. Живите осознанно, честно, в первую очередь — перед самими собой. Живите сегодня, сейчас, развивайтесь, мечтайте, творите, чудите.

Высогорец Ярослав Владимирович, в соавторстве со Вселенной и её всемогущим Создателем, представляет читательнице/читателю сей плод своих медитативных, сновидческих, когнитивных и эпистолярных трудов. Планета Земля. Различные города и страны континентов Евразии и Африки. 2015-2018 г.

#Chapter 1

Сон 22.10.2015

Дрессировщик мумий тролль

Сон 1

Сегодня мне снился сон, в котором было четыре действующих лица. Моё собственное сознание было помещено в малознакомое тело худого черноволосого юноши лет двадцати. Вторым персонажем был водитель неприглядного серого фургона, который перемещал всю нашу банду из пункта А в пункт Б в одном из городов мира сновидений. На шофёре был идеально выглаженный классический чёрный костюм, белая рубашка, чёрный галстук и скромные прозрачные очки. Вёл себя он очень тихо, благовоспитанно и даже слегка по-ханжески. У него была маленькая коричнево-рыжая обезьянка с большими умными карими человеческими глазами и хипстерским хохолком, изящно уложенным набок. За четвёртого в этой компании был Илья Лагутенко в большой подростковой кепке с огромным, абсолютно плоским, козырьком, наполовину закрывавшим лицо селебрити.

Поездка не была примечательной и в её финале мы припарковались у двухэтажного строения, похожего на ангар. Окружающим миром уже успела завладеть тёплая летняя ночь, поэтому здание освещалось мягким, пушистым светом уличных фонарей. После того, как мы зашли внутрь, водитель исчез, и мумий тролль начал обучать обезьянку различным трюкам.

Сначала Илья научил обезьянку сидеть на чётких пацанских корточках. Затем — загибать пальцы в рок-мудру (средний и безымянный согнуты и слегка прижаты к ладони, а остальные — разогнуты и растопырены). После того, как он добился от своей подопечной изящного выполнения этих двух приёмов, он научил её говорить фразу: «Пссс. Пацаны, шухер!» Я серьёзно, именно этой фразе Лагутенко обучил маленькую коричнево-рыжую хипстерскую обезьянку в моём сне.

При произнесении заклинания из девяностых распальцованная обезьяна чётко сидела на кортах. Выглядело это невероятно смешно, но тролль почему-то был уверен, что водителя это жутко разозлит, да и я тоже почему-то в этом не сомневался.

На уже описанных мной успехах мумий тролль не остановился и научил обезьянку ещё одному трюку. В результате одного обезьянка подходила к человеку вплотную, брала его за лацканы пиджака, а из всей нашей компании в пиджаке был только водитель, придвигалась своим лицом к лицу жертвы, и, пронзительно глядя в глаза, выстреливала лирическим пацанским заклинанием: «Держииись, братуха!»

Стоит ли добавлять, что по замыслу мумия этот трюк должен был разгневаться водителя фургона до крайности, и стоит ли добавлять, что этот скетч почему-то и мне казался очень обидным для хозяина усовершенствованной обезьянки. Может быть, это связано с тем, что водитель был интеллигентом, не зря же он, в конце концов, носил костюм, галстук и очки.

Далее происходили ещё какие-то смешные события, но, к сожалению, я вылетел из сновидения, потому что проснулся от звука своего смеха во сне. При этом какое-то время я был в осознанном сновидении, ощущая себя и там, и здесь одновременно, смеясь во сне, и слушая свой смех вне сна.

Утром я попытался предаться размышлениям на тему смысла описанной фантазмагии и паноптикума, коим является моё подсознание, но ничего осмысленного по этому поводу не проявилось.

Примерно через час я включил компьютер и зачем-то зашёл в видеозаписи. Первой папкой, которую я там увидел, была папка с названием «Цоец». Я удивился, откуда у меня вообще Виктор и пошёл смотреть дальше. В папке обнаружилось две записи. Первая называлась «Артцой» и содержала мои лирические наигрыши на тему «Звезда по имени солнце». Правда в этих наигрышах «звезду» узнать было довольно сложно, и она скорей походила на что-то из «Мельницы», а то и вовсе из «Estatic Fear». А вот вторая запись называлась примерно так: «Малыш, мумий, смешной». И, о чудо, там оказалась песня Цоя/Мумий тролля про волнующие танцы малыша под игру на электрогитаре с овердрайвом и какие-то странные танцы в исполнении меня. И я совершенно не помню, когда, зачем и как делал эту запись. Вроде не бухаю и не наркоман, но временные отрезки, тем не менее, перманентно пропадают из фокуса моего восприятия.

По поводу размышлений — я, вероятно, допишу их, когда хотя бы примерно пойму, что Лагутенко хотел рассказать мне этой гопниковской дрессировкой обезьяны представителя водительской интеллигенции.

Сон 2

Талантливая обезьянка перекочевала в следующую фазу сна, переодевшись в черепашку ниндзя — Леонардо. При этом она почему-то была с шестом, как Донателло. Но она была именно Леонардо, в этом не может быть никаких сомнений. Хотя и с шестом.

Это несоответствие почему-то постоянно и довольно серьёзно раздражало моё сновидческое сознание. Впрочем, ещё сильнее смешило. Причём как-то всё вместе и всё разом — и мумий в этой своей неадекватной подростковой кепке, и распальцованная обезьянка-черепашка ниндзя, сидящая на кортах и произносящая пацанские мантры, и ханжеский гнев водителя, и несоответствие характерного черепашьего оружия, и собственное раздражение, и даже собственный смех.

Это было нечто, похожее на идеальный цирк, хотя к цирку у меня с детства очень конкретное, вязкое отвращение. Вероятно, потому что всё в нём — фальшивка, дешёвая, почти всегда вульгарная. Фальшивка, в которую не верят ни артисты, ни зрители. Бывают, разумеется, исключения, но они крайне редки.

Данный скетч был больше похож на воплощение самой идеи цирка — хохмы ради хохмы, веселья ради себя самого, *а это и есть единственное условие искренности, когда действия осуществляются не ради ожидаемой выгоды, но ради самих действий, ради их идеи, первоисточника, шаблона. То же самое происходит и с чувствами. Поэтому и любовь может быть настоящей только тогда, когда ей достаточно одной себя.*

Как и дружба. Как и духовный поиск. Как и всё под этими изумительным небом, днём — освещаемым великим и прекрасным солнцем, а по ночам — другими бесконечно далёкими звёздами и луной, отражающей солнечный свет. Так, по крайней мере, нас когда-то давно учили в одной советской общеобразовательной средней школе.

#Chapter 2

Сон 28.10.2015

Серебристый ягуар

В самом начале этого сна я вылез на улицу через окно. Окно смотрело на юг и располагалось на первом этаже квартиры каких-то незнакомых мне людей в «пентагоне». Так назывался район в городе, где я живу, по улице Орловской в лихие девяностые.

Выходил именно через окно я по той причине, что за мной была погоня. Эта погоня была обусловлена тем, что я работал наркотороном в Миассе, и за мной охотился мой начальник наркоторона. За ним, в свою очередь, охотились другие наркотороны, потому что ещё один наркоторон толкал от нашего имени некачественный, левый товар. Таким образом, наркотороны охотились за моим боссом, он охотился за мной, а я собирался скрываться от них на Гоа.

Во дворе меня ждал мой волшебный серебристый автомобиль-ягуар с металлическими хромированными рельефными лапами поверх колёс. Я на бегу заскочил в авто, быстро завёл его, и через несколько мгновений мой техногенный друг, симбиотический продукт машиностроения и магии, стремительными прыжками понёс меня и какую-то не очень знакомую, но крайне сексуальную мулатку в крошечных шортиках, аппетитно обнажавших длинные стройные загорелые ноги в аэропорт. Помимо шортиков на мулатке была очень простая, миниатюрная, открывавшая аккуратный пупок, белая майка. У девушки были чувственные влажные

губы и густые чёрные, спадающие на спину, локоны волос. Наиболее волнующая часть стройных линий спины игриво пряталась под крохотной маечкой, оставляя немного пищи для фантазии. У мулатки были необычайно острые контуры лица, красивые выразительные скулы и огромные чёрные глаза. Пахла она чем-то сдержанно-сладким, и я очень хотел улететь с ней на Гоа.

Я не помню того момента, когда она оказалась со мной в одной машине, но почти весь сон я провёл с ней. И практически весь этот сон я проездил на великолепном волшебном, сверкающем серебром, автомобиле-ягуаре, который перемещался при помощи мышечных сокращений металлических лап и вращения колёс одновременно. На этом крафтовом ягуаре я, вместе с зачётной мулаткой, ехал в Челябинск по М5, чтобы дальше из Баландино улететь радоваться жизни на Гоа.

Самым примечательным в этом сне был автомобиль. Хотя мулатка тоже была хороша, но именно ягуар был квинтэссенцией волшебства данного сновидения. Это была удивительно органичная, законченная, лаконичная смесь форм автомобиля и большой кошки, хищника, предпочитающего охотиться под палящим солнцем столь далёких от нас американских континентов.

Жаркий летний солнечный свет стремительными потоками лился на прохладный кузов цвета старинного серебра. Шкура кузова была покрыта живыми готическими текстурами, в которых мощные линии мышц и сухожилий проступали сквозь плавные линии классического автомобильного дизайна. Также ягуар обладал стремительными мощными лапами с выпущенными когтями, готовыми вонзиться и в шкуру асфальта, и в шкуру потенциальной жертвы. И я с бесконечным наслаждением наблюдал, как эти лапы, расположенные сверху колёс, вновь и вновь взлетали стремительными прыжками над серым асфальтом нашей Южно-Уральской саванны М5.

#Chapter 3 Сон 06.11.2015

Сон 1

Я неспешно прогуливался по какому-то малознакомому городу неопределённой эпохи. Уличные фонари щедро разливали потоки лимонного света прямо в туман, которого было так много повсюду вокруг, что казалось, будто туман — продукт дыхания самого города.

Улицы были покрыты камнем, но это не была современная брусчатка с плоскими, механически обработанными, гранями. Камень был природный и кривоугольный. Форма каждого камня этой брусчатки не была упрощена механической обработкой, но сохраняла свою естественную самобытность.

Что-то похожее на полигональную кладку. Кромки камней при этом не были слишком острыми, словно их предварительно обработало своей настойчивой лаской море. А то и вовсе к текущему моменту времени по ней успела пройти армия подкованных железом боевых слонов. Носорогов, мамонтов, гигантских рептилий?

Пространство между невысокими, в основном — двухэтажными домами, было как будто достаточным для двухстороннего движения транспорта, но самого транспорта не наблюдалось. Даже лошадей или каких-нибудь карет. На улице были только пешеходы в одежде из какой-то неопределённой эпохи. Все женщины были в изящных длинных платьях, украшенных кружевами и вышивкой. Платья были без декольте, и как будто даже с корсетами. Мужчины были одеты более демократично: в свитеры, кардиганы, костюмы и даже фраки. Джинсовой одежды, кроссовок, футболок, как и обнажённых участков тела, помимо кистей рук и лиц, у прохожих не наблюдалось.

Я не спеша прогуливался сквозь туманное дыхание города вдоль описанной пешеходной улицы, когда около одного из двухэтажных домов услышал лирическое пение скрипки из ground-floor. Остановившись на брусчатке в тёплом свете фонаря, я стал с неожиданным наслаждением слушать музыку. Как-то уж слишком много времени мне понадобилось, чтобы понять, что играет не одна скрипка. Вторая, менее заметная, была за ритм-секцию, а первая рисовала и рисовала волшебные музыкальные узоры в светящемся уличном тумане. Вскоре я заметил вывеску, гласящую, что сие есть музыкальный магазин. Спустившись по ступенькам и осторожно открыв входную дверь, я неожиданно попал в самый настоящий храм музыки.

У стены, за стеллажами музыкальных инструментов, играли двое. Для удобства, назову их продавцом и ассистентом. Продавец был самым великолепным скрипачом под луной из всех, что я слышал к настоящему моменту жизни. Именно его вдохновенная игра и привела меня в этот музыкальный магазин.

Скрипач-виртуоз был крепким мужчиной с недлинными кудрявыми тёмными волосами и широко раскрытыми, почти безумными глазами. Он безо всякого видимого напряжения играл музыку, отзывавшуюся во мне закатными извержениями вулканов, бирюзовыми горными реками и ледяными водопадами, лёгким шёпотом восточного ветра и таинственным мерцанием лунной дорожки на чёрной глади полуночного озёра. Мне сложно назвать возраст музыканта, однако судя по сети морщин, протоптавших множество тропинок на его лбу, области около глаз и крыльев носа, можно было бы предположить, что ему было около пятидесяти. Глаза были крайне молодыми и живыми — глазами двадцатилетнего юноши. Тело было крепким и выглядело лет на 35. Можно

сложить три числа и разделить на три. Шутка. Жаль, но в подобных случаях наиболее объективную информацию сообщают именно контурные карты, нарисованные морщинами.

Ассистент был менее приметным человеком лет сорока с красивыми тёмными волосами до плеч. Он играл на скрипке какие-то простые ритмические партии и стоял слегка поодаль, в тени таланта первого музыканта.

Слух мой откровенно наслаждался, а взгляд бегло скользил по стеллажам с музыкальными инструментами, украшавшими сей храм. Но скользил он лишь до тех пор, пока не остановился на двух совершенно удивительных, неземных виолончелях.

Они были светло-бежевыми, с яркой, выразительной древесной текстурой. Когда я всматривался в эту текстуру, сквозь неё проступали линии изысканного, а порой даже мистического орнамента. Причём чем дольше я смотрел, тем богаче и выразительнее становился орнаментальный рисунок. При расфокусировке взгляда узоры прятались обратно под тонкую кожу древесины.

Я смотрел на эти удивительные виолончели так долго, что музыка успела остановиться. Скрипач-виртуоз подошёл ко мне, представившись продавцом, и одобрил мой выбор, сказав, что это, безусловно, лучший товар во всей его лавке. Одна из виолончелей, как утверждал продавец, была выполнена в классическом японском стиле. На её поверхность был нанесён

неброский и лаконичный, но очень изящный растительный орнамент. Вторая же являла собой акт совершенного творчества какого-то безумного гениального художника, подобного самому скрипачу-продавцу.

Бежевая древесина обеих виолончелей как будто светилась изнутри. Верней, сквозь неё сочился мягкий, тёплый, какой-то даже родной, что ли, свет. Живые тёмные струны контрастировали со светящейся воздушностью древесины корпусов своей материальностью, реальностью, конкретностью.

Продавец предложил мне купить одну из виолончелей. Цена первой была 210 тысяч рублей, второй — 280. Во сне я прикинул и решил, что прямо сейчас не смогу найти столько денег, максимум тысяч 50. Обидно, но выходит, что даже во сне я нищеврод.

Я извинился перед продавцом за то, что не могу купить ни одну из этих изумительных виолончелей, но выразил восхищение перед их мистической красотой. Помимо этого, я отдал дань уважения его неординарному мастерству скрипача. Скромно улыбнувшись, тихим голосом музыкальный гений ответил мне, что нет ничего постыдного в бедности материальной в отличие от бедности духовной.

Эту же фразу, слово в слово, я услышал несколькими годами позже в деревне Наггар от владельца гестхауса, где я останавливался на ночлег. Деревня располагается в живописной долине реки Куллу штата северной Индии со звучным именем Химачаи Прадеш, и знаменита тем, что в ней находится красивейший парк с музеем Николая Константиновича Рериха.

Мастер скрипки добавил, что он сам долгие и долгие годы был беден, и не мог позволить себе купить достойные инструменты, после чего даже хотел мне подарить что-то из недорогих музыкальных аксессуаров, но я вежливо отказался.

Сон 2

В этом сне я находился в огромном чужом мегаполисе, где обитало множество людей, машин и домов. Пожалуй, даже too many. В мегаполисе меня ожидали разные официальные дела, после которых я должен был встретиться с женщиной. В моих воспоминаниях/видениях она выглядела лет на тридцать пять и была очень красивой. Может быть даже более красивой, чем в молодости, а я помнил её и в молодости. Вы наверняка знаете, есть такие удивительные женщины, которые, вопреки законам природы, с годами хорошеют. У героини сновидения были темные волосы, уложенные в аккуратную причёску, которую я бы назвал удлинённым каре; чистая, светлая, почти белая, кожа, и большие, светящиеся, ярко-голубые глаза. Руки её были удивительно тонкими, некоторым может даже показаться, что чересчур. Впрочем, не только они отличались изяществом, но и всё её тело было стройным, воздушным, невесомым и прекрасным.

Хотя с неба и лил дождь, всё пространство вокруг было наполнено светом и теплом. Этакий грибной дождь в городе. Грязь вроде и попадалась то там, то здесь, но она не заполняла собой всё пространство улиц, как это происходит здесь и сейчас, в нашем суровом Южно-Уральском ноябре.

Даже когда дождь перешёл в ливень, он каким-то загадочным образом сумел остаться тёплым и дружественным. Казалось, что тепло сознания дождя распространялось даже на людей, перманентно спешащих по своим делам, а то и вовсе на всю демоническую сущность огромного бесчувственного бетонного мегаполиса.

Я по каким-то непонятным причинам никак не мог добраться до проспекта Победы, где меня ждала прекрасная, вымокшая под дождём, женщина. Даже ценой невероятных ментальных усилий в попытках сконцентрироваться на решении этой задачи, я никак не мог представить себе, ни как этот проспект выглядит, ни место, где он находится, хотя сам город и казался мне знакомым. Может быть, в сновидениях просто не работает GPS позиционирование, «2ГИС» и всякие «google maps».

И ещё в течение всего сна меня не покидало чувство, что мне очень, очень нужно встретиться с этой женщиной. И, несмотря на всю степень желательности и даже необходимости данной встречи, у меня ничего не выйдет, как бы сильно я не пытался. Этакое когерентное осознание полезности, крайней важности и даже необходимости, и одновременно — обречённости на неудачу любых попыток по осуществлению сего намерения. Вообще бессилие — одно из самых отвратительных чувств, подобно тому, как трусость — худший из пороков, по мнению странника лунных дорог, Понтия Пилата.

#Chapter 4 Сон 12.11.2015

Народ не любит царей и цариц,
В нем зависть сильнее, чем голод.
Жрецы делят власть и любовь юных жриц.
Египет, как чаша, расколот.

Река моя, Нил, Восходящее Солнце,
Река моя, Нил, нам расстаться придется.
Тростник шелестит, поклоняясь Восходу,
И тени бросает на вечную воду.

Я в белых одеждах плыву, улетаю,
Вернусь ли на землю, не знаю, не знаю.
К воротам Осириса, все отрицая,

Я в белых одеждах плыву, улетаю...

М. Пушкина

С ночи, когда мне приснилось данное сновидение, прошла целая неделя, но обстоятельства были против того, чтобы я спокойно сел и описал его, а обстоятельства бывают премного сильнее нас. С другой стороны, неописанный сон держит память в своих стенах, паттерне, контексте, и сегодня я ощущаю уже, пожалуй, крайнюю степень необходимости простится с ним, перевести его из сферы личного в сферу противоположную. Всего в этом сне было две сюжетные линии.

Сон 1

Первая включала в себя соревнования по фигурному катанию. Арена была полна людей и искусственного яркого, слепящего света. Ощущение себя во сне было многослойным. Я пребывал и в телах участников, когда они исполняли свои программы, и на зрительских местах арены, яркой, светлой, шумной, праздничной и противоестественно чистой. Чистой чистотой, которой нет ни в одном из знакомых мне миров. Даже стёкла вокруг катка, а они почему-то там были, как на хоккейных стадионах, как будто не задерживали свет фонарей, висящих где-то на недостижимой высоте, но, напротив, усиливали его. Третий же слой был изолирован от реальности — как обычно бывает, когда смотришь соревнования по фигурному катанию где-то перед бездушным экраном, пытаюсь поймать хоть каплю настоящих чувств, праздника, транслируемого через эфирный фильтр электрического киселя.

Было представлено 12 программ, по шесть мужских и женских. Тех участников мужчин, чьи программы можно было увидеть онлайн, звали Андреями. Всех Женщин, участниц онлайн-трансляции звали Маринами. Я заранее знал, что все они займут места с четвертого по шестое. Знал и как участник, и как зритель. Впрочем, один Андрей надеялся, что поднимется на третье место, но этому не суждено было случиться. Третье место было кем-то закреплено за Женей.

Программы от шестого к четвёртому месту логично становились лучше, шестые места были исполнены недостатков, четвёртые — уже гораздо более достоинств. Глядя на шестые программы доминантным было чувство неловкости за происходящее, на четвёртые — чувство гордости от сопричастности к добротной степени совершенства сего действия.

Программы первых трёх мест по какой-то неизвестной мне причине были недоступны ни для просмотра, ни для участия. Как будто бы я опоздал на них, безоговорочно и безвозвратно.

Когда соревновательная эйфория поутихла, пришло время ожидания объявления оценок. Сначала три Андрея заняли положенные им места. Третье место занял Евгений. Фрагменты его программы, показанные при объявлении результатов, были ощутимо слабее программы третьего Андрея. Это немного беспокоило моё чувство справедливости. Впрочем, совсем чуть-чуть. Первого и второго лауреатов мне не показали. Почему — кто знает.

Наконец, на арену вышел конференсье для того, чтобы торжественно объявить результаты соревнований. Все знали, что оценки немного несправедливы, но все также знали, что ничего не изменить. И, видимо для того, чтобы еще больше обострить это чувство несправедливости, конференсье выкинул одну забавную штуку.

Когда очередь дошла до третьего Андрея, он достал из кармана деревянную медаль, ехидно улыбнулся и звонко объявил: «A-a-a-a-nd по-о-о-о-w. For the fourth place. A Wo-o-o-o-o-o-oden medal takes... Андрей». Андрей он произнёс на чистейшем русском языке. Всё остальное — на чистейшем англо-саксонском. Когда конференсье увидел ехидные улыбки на лицах публики и тёмную печать печали на лице призёра деревянной медали, он добавил уже безо всякого пафоса и растянутых звуков: «A wooden medal for the fourth place — it's a little bit more than dust». Такие дела. Ощущение несправедливости и жестокости окружающего мира окрепло, но я немного осознался и простился с этим чувством, ибо от лукавого оно. Как и любое ЧСВ. Впрочем, любые соревнования изначально ориентированы на укрепление ЧСВ.

У женщин все Марины заняли положенные им места. Это было действие уже исполненное логики и справедливости. Второе и третье место мне не были показаны — ни программы, ни участники. А вот первое место... Первое место заняла женщина на танке!

Она исполняла программу на танке на катке. Причём не на катке, где проходили соревнования, но на катке, вокруг которого шли реальные боевые действия. По ходу исполнения динамичной программы на танке победительница ритмично палила по зданиям, живой силе и технике врага. Это было симпатично, но грубо и как-то бессмысленно, что ли. Впрочем, она была хороша бесчувственной красотой эффективной машины для убийств.

Далее пришло какое-то подспудное ощущение, что пара других медалисток тоже имеет отношение к танкам и войне. Впрочем, это ощущение так и осталось ощущением, не более того.

Ещё меня занимало присутствие во всех персонажах данного сна, и женских, и мужских. Я ощутил здесь Юнговские Аниму и Анимус, индийские Пурушу и Пракрити, как они есть. И не могу сказать, что сие мне понравилось или нет, но могу сказать, что ощущение было очень странным и незнакомым.

Марины и Андреи, вместе со светящейся ареной и танком, красиво разрушающим некрасивый антропный мир, исчезли, и на смену им пришёл двор дома, где я живу.

Сон 2

События сна разворачивались в летнем светлом и дружественном дворе. Я спускался домой по этому двору наискосок через небольшой пустырь от ул. Инструментальщиков со стороны парка. Солнце было причудливо жарким и жёлтым, а трава сочной и зелёной, как будто сновидение было обработано в HDR. На втором этаже моего подъезда полным ходом шла свадьба. Из окон играла весёлая, громкая и бессмысленная музыка.

Свадебную церемонию вели два негра-тамады. Эти два негра были ключевыми символами данного сна. Сразу же после появления, они разделились. Первый, атлетичный, молодой и жизнерадостный пошёл ко мне навстречу, а второй, толстый, уродливый и злой — в подъезд, на свадьбу. Моё сознание начало разрываться на части два полярных ощущения. Первое, глубинное, ощущение, состояло в том, что эти негры — есть два проклятия, от которых я не успел избавиться в ходе своего существования в данной реинкарнации, то есть два актуальных проклятия прямо здесь и сейчас. Два проклятия, которые сон явил мне в крике о том, что пришло время избавиться от них.

Второе чувство, было поверхностным и лёгким, но, в то же время, более явным и громким, как голос в верхних регистрах. И состояло оно в том, что врагом является лишь толстый негр, а атлетичный негр — друг. Более того, частично я и есть атлетичный негр. Даже его цвет казался мне более светлым. Толстый же был уродливо чёрным. Вообще, чёрный цвет — один из моих любимых цветов, но этот чёрный был отвратителен. Кожа негативного негра была покрыта рытвинами, из-под толстых губ торчали жёлтые зубы, большой живот отвратительно свисал на штаны. Оба африканца были по пояс голыми, остальные люди на свадьбе были полностью одеты, как это и принято у нас на Руси.

Когда я спустился к подъезду, где живу, атлетичный негр совершил обходной манёвр вдоль домов по улице Инструментальщиков, собрав там небольшую, человек в десять, компанию и направился с ней ко мне. Незнакомые люди, сопровождавшие его, источали веселье и безразличную радость, столь характерные для подобных праздников. Толстый негр, тем временем, расположился в дверях подъезда, словно часовой.

Стоило мне попытаться пройти мимо него, как он усилил оборонительную позицию в дверях подъезда и отказался пропускать меня, дерзко вопрошая, кто я такой. Я ответил, что он отлично знает кто я такой, и что лучше ему проваливать подбору-поздорову. Он оскалился, но не

сдвинулся с места. Кулак мой сжался и уже практически полетел в его противную физиономию, но в этот момент две мысли почему-то пришли в мою голову. Первая — что драться со свадьбой не самая лучшая и благостная затея, да и вообще — их слишком много, и победить вряд ли получится, кроме того — нет никаких причин омрачать праздник остальным людям. Вторая мысль была о том, что я обещал себе не вестись на первую волну гнева, зачастую беспричинную и явно чужеродную относительно моего светлого начала. Когда первая волна гнева угасла, я повернулся к атлетичному негру и кивнул затылком на уродца. Атлет подал рукой какой-то знак толстяку, и тот испарился.

На этом активная фаза сна кончилась и две сущности с двумя антагонистичными идеями начали разрывать мой разум на части. Они сходились на том, что жирный уродец — это проклятье. А вот атлет?

Первая уверенно заявляла, что он тоже был проклятьем, а вторая — что благословением. С этими мыслями я и прошёл через фазу осознанного сновидения в пробуждение.

Итак, проклятье жирного негра. Он толстый, ленивый, злобный и уродливый. Очевидное, даже слишком, проклятье. Пара последних лет моей жизни прошли под флагом борьбы с ленью, злостью, под флагом стремления к ментальной и физической красоте, свету, чистоте и добру. Однозначную победу в этой битве не одержала ни одна из сторон, но мне очень хочется верить, что динамика хотя бы немного положительная. Хотя, как раз в этот холодный ноябрь апатия всё чаще и чаще холодными северными морскими приливами с неприятным градиентом алчно поглощает мою некогда солнечную душу.

А вот как понимать символ атлетичного негра — это вопрос. С одной стороны, негр в моём сне априори изображает проклятье. Так говорит кто-то внутри меня. С другой стороны, он атлет, лёгкий, весёлый и решает проблемы щелчком пальцев.

Если это проклятье, то, вероятно, это проклятье самолюбования, упоения мнимой силой, уверенностью, которые на самом деле куда менее реальны, чем кажутся. Нарциссизм, который периодически заходит на огонёк. Весёлость, под которой скрывается циничное безразличие ко всему антропному, и в первую очередь к самому себе. Эти два безразличия слишком часто живут во мне, и, более того, слишком часто они и есть я.

Если негр — благословение — то это пахота в тренажёрке в погоне за силой и функциональностью. Гормональные выплески эйфории из метаболитов адреналина, стимулируемые предельными анаэробными подходами. Сублимация всех горестей и печалей окружающего мира и диалог с вечностью во времена перерывов между подходами, заполненных пустотой отсутствия внутреннего диалога. Карабканье по склонам скал вертикально вверх, навстречу изумительной лазури навечно прекрасного

неба. Карабканье вверх, через преодоление сомнений и слабостей, сквозь боль и усталость. Только вперёд, шаг за шагом, вдох за вдохом.

Сущность, заявляющая о том, что первый негр — проклятье, кхтоническая, глубокая и интровертированная. Вторая — лёгкая, поверхностная, воздушная. Она — как быстрое заклинание, как курок «Desert Eagle» под указательным пальцем. Активная сила, операционная система, управляющая перманентной жизнедеятельностью.

И эти сущности в конфликте. О, это сладостное чувство двойственности, упоение весенними авитаминозными ароматами шизофрении, проклятия, что так настойчиво и безапелляционно взывают к собственной аннигиляции.

Эпилог

Мрак ночи милостив. Печаль светла. Морской прибой неустанно колышет мириады вселенных на волнах синусоид вечности. Вселенных, бесконечно реальных и безгранично иллюзорных одновременно.

Струны арф Светлых Богов колеблются, ритмично стряхивая с себя золотую пыльцу на широко раскрытые глаза умеющих видеть. На широко раскрытые глаза вечной двойственности. В этих краях нет места монотеориям махасидхов. Здесь — царство вечного безумия, скрывающегося под снежными покровами безразличных глаз, глядящих сквозь вселенные ледяных вьюг на все эти бесчисленные, столь удивительно разные, и столь характерно одинаковые чудеса антропно-эгрегорического безумия.

Wardruna – Solringen

#Chapter 5 Сон 02.12.2015

Вот и пришла очередь самого волшебного из уже увиденных мной в этом декабре снов. Жаль, прошла уже целая неделя с момента сновидения, и многое из него уже скрыто под неумолимостью пелены прожитых дней и ночей. Но, под аккомпанемент Джимми Хендрикса, звуков аргентинского танго и работающего фрезерного станка с ЧПУ, при помощи сделанного в утро сновидения черновика, мороженки и апельсиновой кружки теплого чая с шиповником, я попробую эту пелену сорвать. Или хотя бы приоткрыть.

В двух сюжетных линиях того сна был грязный танцор Патрик Суэйзи. Сам не знаю почему, никогда не был поклонником его актёрского таланта. Жаль, что героинями сновидческих сюжетных линий не были Шарлиз Терон или Пета Уилсон.

Сон 1

В одной из сюжетных линий было два хулигана и я. Я был кем-то вроде лилипута, сантиметров около сорока ростом, а злодеи-хулиганы стреляли по мне-маленькому камнями из рогатки. Стреляли они по очереди. Первый хулиган был неловким и не слишком метким, полёт его камней был предсказуем, а большинство выстрелов были направлены «в молоко». Так что мне, лилипуту, даже доставляла удовольствие лёгкость, с которой я уклонялся от выпущенных из рогатки первого хулигана камней.

В тот момент, когда уже казалось, что война выиграна вчистую, на сцену вышел второй хулиган. Им был Патрик. Он натянул резинку рогатки и выпустил камень. Поначалу мне казалось, что уклоняться от его выстрелов будет также легко, поскольку камень полетел слишком высоко и влево от меня. Но затем его траектория неожиданно выровнялась и он, как самонаводящаяся ракета, полетел напрямик в цель. По мере того, как камень приближался, траектория его стала практически параллельной земле и полностью совпала с направлением моего бега. Надо ли говорить, что скорость полёта камня была существенно выше моей. Но это был не единственный фокус в шляпе Патрика. По мере приближения ко мне, камень рос. И это не было игрой перспективы. В момент, когда камень долетел до меня, он превратился в огромный валун, основанием около метра в диаметре и примерно в два раза большей высоты.

В момент, когда между нами оставался десяток-другой сантиметров, я резко нырнул вправо, вытянув руки вперёд, и кувыркнулся полувбок-полувперёд. Булыжник со свистом улетел дальше. Лёгкие жадно схватили воздух, и тот прошёлся по ним огненной плетью. Я повернулся к хулигану Патрику, который с удивлением заправлял в рогатку второй снаряд. Видимо он тоже не ожидал, что кто-то может увернуться от этой самонаводящейся растущей штуковины.

В этой сюжетной линии ему было лет 16-18, и я испытал что-то, похожее на уважение к его умению стрелять из рогатки по лилипутам. Причём сам я не испытывал ни чувства несправедливости — как так, большие дядьки стреляют камнями по маленькому лилипуту, ни чувства страха. Напротив — я испытывал удовольствие от азарта и адреналина этой злодейской забавы.

Чувство обиды. Оно такое привычное здесь, в этом современном мире. Внутри каждого из нас сидит маленький брюзга, который обижается на всех и вся. Внутри каждого сидит раздутое, гипертрофированное эго, любое покушение на которое мы готовы безжалостно карать смертной казнью. А во сне не было внутреннего диалога, не было эго, не было чувства обиды и страха, была просто злодейская игра, и в эту игру играли две стороны.

Сон 2

Дальше я был мальчиком, росшим с родителями. У нас был свой небольшой домик, и как будто это не было роскошью, а, даже наоборот, мы были не слишком обеспеченной семьёй. Мне было лет 10, или около того, а отцом моим был выросший и повзрослевший Патрик. Мама моя была блондинкой, красивой, стройной и взрослой, с улыбающимися печальными голубыми глазами. Папка Патрик работал на старой, почему-то обязательно старой, лесопилке, полной декаданса, а то и вовсе на каком-то вредном производстве, чуть ли не на АЭС, где периодически случались выбросы?! Кармический бумеранг за стрельбу булыжниками по лилипутам?

По причине тяжёлой работы, папка Патрик постоянно имел проблемы со здоровьем, из-за чего отчаянно и самозабвенно бухал. Мама же была этакой женой декабриста и терпеливо переживала все невзгоды, включая проблемы с деньгами, которые почему-то тоже имели место в нашей работающей семье.

Жена декабриста где-то работала, но где и кем — мне неизвестно. Она была обижена на Патрика из-за недостатка внимания к ней как к женщине, а он вроде бы и любил её, причём её одну, но был груб, чёрств и глуп. Мама же была ласкова, терпелива и вежлива, но у меня было такое чувство, что у неё был другой мужчина, в котором она находила те внимание и ласку, которые не получала от отца. Вот такой странный сюжет: первый любит и не гуляет, но груб и чёрств, вторая — гуляет и не любит, но ласкова и заботлива.

У нас были какие-то сложные взаимоотношения по ходу этого сна с папой Патриком из-за того, что у него были загадочно и нелогично возвышенные идеи по поводу того, каким он был замечательным отцом, но на самом деле и в этой роли он был груб, чёрств и глуп. К тому же Патрик много работал, из-за чего у него почти не оставалось времени на семью. А в то время, когда он не работал, он бухал. Впрочем, он не был злым или плохим человеком. Просто у него был такой аркан. У всех нас был такой аркан. Я понимал, что ничего не изменить, потому не парился.

Честно говоря, дальнейших подробностей из этой линии я вспомнить не могу, поэтому перейду к третьей фазе.

Сон 3

В этом сновидении была моя соседка и на тот момент ещё секретарь на нашей кафедре Наташа Т. с детьми и мужем. Наташа постоянно страдала от безэмоциональности мужа. Что бы она ни делала, ей не удавалось увидеть никаких эмоций с его стороны. Он работал, обеспечивал семью, но было такое чувство, что он персонаж компьютерной игры. Как будто всё, для чего он был создан — работать и быть отцом семейства. Казалось бы, не самый плохой набор качеств для мужчины, но Наташа считала иначе.

И вот случился один забавный эпизод.

Муж Наташи отвёл сына в садик, и пошёл на работу, а сын сбежал из садика и самостоятельно вернулся во двор дома, где мы жили. Подъезды дома, в котором жила семья Т., смотрели вслед уходящему солнцу, сквозь ресницы богатых ярко-зелёных крон деревьев во дворе. Эти деревья были когда-то кем-то посажены, и теперь выросли стройным зелёным отрезком, строго параллельным и равным по длине жилому пятиэтажному дому. Стоял горячий, солёный от пота, солнечный и радостный летний день. Именно такой праздничный день цинично выбрал сын Наташи для побега из садика и проворачивания своей аферы по расколдовыванию безэмоциональности отца. После побега из садика, сын Т. зашёл домой, взял там домашний фикус, вышел из квартиры, закрыл за собой дверь, спустился на улицу и подошёл к забору, стоявшему неподалёку от линии деревьев, держа фикус в вытянутых руках. Фикус был большой и красивый. Мальчишка Т. аккуратно выкопал совком ямку около забора, посадил в неё фикус, и прикопал ямку обратно.

Не знаю уж, зачем он это сделал, но это был ключ к эмоциональной печати его отца. Когда тот шёл по улице и увидел, как его сбежавший из садика сын сажает домашний фикус у забора, напротив смотрящих на запад подъездов и окон дома, он расстроился почти до слёз, но ругать сына не стал. Наверное, этой опции не было в программном обеспечении идеального отца семейства.

Вместо того чтобы ругать своё чадо, старший Т. пошёл в садик и высказал все свои претензии воспитательнице — почему, дескать, его сын среди бела дня сбежал из садика, и пересаживает домашний цветок во двор. Воспитательница дала гениальный ответ — она сказала: «Вы знаете, детей так много, и все они так похожи!»

Самое удивительное в этой истории с воспитательницей было то, что муж Наташи внутренне согласился с тезисом о детской одинаковости. Видимо в этот момент он осознал, как сложно работать воспитательницей в детском саду. После этой знаковой фразы воспитательница зачем-то достала и показала старшему Т. фотографию девочки лет пяти-шести в праздничном, но каких-то состаренных тонов платье. Девочка была с круглой головой, большими, широко открытыми глазами, слегка недовольными сжатыми губами и огромной красивой густой светлой чёлкой до самых глаз.

Похожую фотографию мне как-то показывала моя первая девушка и, по совместительству, первая неплатоническая любовь, Лена Х. На той фотографии она также напряженно сидела на стульчике, прижимая левой рукой к своему детскому телу пластмассового зелёного советского крокодила. Возможно, это был Геннадий. Ну а какие ещё могли быть крокодилы в Советском Союзе? На той фотографии она была также недовольна окружающим миром, круглолица, и обладала такой же

восхитительной и нелепой чёлкой. Впрочем, во сне была не маленькая Лена, а просто похожая на неё девочка.

Фотография девочки с чёлкой до глаз, как символ абсолютной идентичности детей, окончательно убедила мужа Наташи в невинности воспитательницы, и он с чувством облегчения пошёл домой. Наташа же, в свою очередь, испытала облегчение от того, что её муж может испытывать эмоции, пусть и в контексте довольно странной мизансцены. Сын их был счастлив от того, что пересадил фикус. Ведь именно под забором, во дворе, напротив подъездов, смотрящих вслед уходящему солнцу, было место, предназначенное данному фикусу распределителем фикусовых судеб.

Таким образом, все персонажи стали немного счастливее. И даже воспитательница в детском саду испытала облегчение, от того, что люди могут понять не самые очевидные сложности её, воспитательницы, работы.

Сон 4

Четвёртая сюжетная линия происходила в родительской квартире на пятом этаже панельного дома в динамо-дистрикте. Мы жили вчетвером, с родителями и братом. Была ночь, родители спали в зале, брат в спальне, я же сидел на кухне перед крошечным импортным телевизором JVC с выпуклой лампой и смотрел что-то интересное.

В какой-то момент я захотел сделать себе чай, встал с маленького диванчика, на котором лежал под одеялом, и пошёл ставить чайник. Я хотел осуществлять все манипуляции максимально бесшумно, потому что была ночь и все уже спали, но, как назло, всё выходило чудовищно громко. В какой-то момент я полез в шкаф рядом с газовой плитой и уронил кастрюлю с мукой на пол. Помимо того, что это было очень шумно, я ещё и рассыпал муку по кухне. Я даже выдохнул от расстройства, как-то замер и приготовился, что сейчас придут взрослые и станут ругаться. Главное ведь, что ругаться было за что, и даже толком сказать в своё оправдание мне было нечего. Но никто не пришёл.

Я прибрался, налил чай, сделал громкость звука в зомбоящике ещё тише и залез обратно под тёплое, нежное одеяло, где почувствовал себя самым счастливым человеком на земле.

Несмотря на то, что я описываю эти линии последовательными, последовательными они не были. Первые три линии были переплетены между собой как нити ДНК и постоянно переходили одна в другую. Из кухни на Динамо я смотрел глазами подростка лет 14 на события, трёх предыдущих линий. Причём время от времени я видел эти события в крошечном пузатом телевизоре. Смотреть было интересно, и разум мой даже был занят какими-то аналитическими процессами, происходившими по поводу событий, переживаемых в тех слоях.

Ещё в этом сне была очень классная училка. Она была в узком кожаном костюме, плотно обтягивающем её прекрасную фигуру, а в правой руке вместо указки у неё был здоровенный мачете. Судя по уверенным линиям полётов мачете в воздухе, руке учительницы была хорошо знакома прохлада стальной тяжести этого оружия. И, судя по всему, пользовалась она этим ножом-мечом не только для того, чтобы дерзко показывать информацию школьникам на доске. А именно этим она и занималась во сне! Дескать, вот, смотри, Машенька, я показываю тебе своим мачете на правило, что «жи и ши» надо писать через *И*. Не могу не отметить, что, судя по эвристическому опыту данного сна, мачете в руках сексуальной учительницы в обтягивающей кожаной одежде неплохо стимулирует память школьников.

Учительница была просто космос. Конкуренцию ей среди всех учителей мира могла составить разве что моя бывшая учительница по философии в головном ЮУрГУ. Это была потрясающей красоты женщина с колоссальным количеством внутреннего света. К сожалению, не помню ни её имени, ни фамилии. Вроде Ольга. Помню, как-то она заболела, и пару в огромной двухэтажной лекционной аудитории вела её мать — женщина, удивительно похожая на свою дочь, но на 20-30 лет старше. Обе обладали утончённой, аристократической красотой из другого века. Портрет матери я видел спустя несколько лет на кафедре философии, когда сдавал кандидатский минимум. А вот о философе-дочери, прекраснейшей из учительниц, я больше никогда и ничего не видел, и не слышал.

Школьная же училка с мачете была, пожалуй, антиподом светлой учительницы философии, этакой сексуальной Ларой Крофт в звене среднего образования Российской Империи.

В какой из фаз сна была училка, я, честно говоря, не помню, но такое чувство, что она стоит особняком. Также особняком стоит момент, когда, я вышел на улицу из какого-то здания через большую, добротную деревянную дверь. Вроде бы это была дверь в среднюю общеобразовательную школу под номером 4 по улице Орловской, где мне была передана система знаний прекрасного советского образования, ещё не изуродованного всякими там «егэ». В этом здании я совершенно неожиданно посетил концерт «метлы», побыл на нём пару минут в эмоциональной эйфории, вышел на улицу через упомянутую дверь и был втянут в паутину, сотканную различными слоями этого волшебного сновидения.

И ещё был отрезок времени, в котором я в ОС смотрел на себя на кухне, когда тот, кухонный я, смотрел на других меня в следующих слоях сновидения. Это ощущение кристально чистого волшебства, волшебства со вкусом ледяной воды горных ручьёв, живущих высоко над облаками.

Сон какое-то время препятствовал тому, чтобы быть описанным и пересмотренным, поэтому только спустя неделю он оказался здесь. Лишь

спустя эту неделю печати были сломаны, покровы сорваны, туман развеян, *а нежная зимняя ночь, тем временем, уже настойчиво шепчет мне свои заклинания под пронзительным сиянием северных звёзд.*

Jimmy Hendrix – Little wing

Танго из к/ф «Мистер и миссис Смит»

Лондонский симфонический оркестр – тема из к/ф «Пираты Карибского моря»

Лестница Фионна – Зимняя ночь. Чёрная кошка. Анахата

Муся Тотибадзе – Баллада о детях Большой Медведицы

#Chapter 6

Сон 04.12.2015

Волшебный зелёный медведь

Этот сон тоже не сказать, чтобы был так уж сильно наполнен волшебством, ради которого стоило бы марать электронную бумагу, но в нём был очень прикольный зелёный медведь.

Я ехал в Златоуст, за плечами был верный друг «Татонка», а все мои мысли были о предстоящем походе, горах и ночёвках в лесу. Мысли были приятными.

Впрочем, перед походом мне предстояло выполнить один квест в самом Златоусте. Квест был в том, чтобы подписать у кого-то в Златоустовском филиале ЮУрГУ рабочие бланки. Бланки содержали в себе какие-то сведения о читаемых мной дисциплинах по автоматизации конструкторского и технологического проектирования в машиностроении. Всего было два бланка, по выходу из автобуса я начал их заполнять и запорол второй бланк. У меня были ещё листы белой бумаги — видимо, как раз на случай того, что я запорю какой-нибудь бланк. Я успел заполнить один из белых листов информацией из бланка, когда увидел, что у всех листов были исключительно аккуратно и методично отрезаны верхние правые уголки. Я немного расстроился, но потом решил, что сначала вернусь из похода, а там уж решу на свежую голову, что можно сделать в данной ситуации, после чего убрал всю чистую бумагу с бланками в рюкзак и пошёл в лес.

Почему-то путь в горы шёл не по лесу, но вдоль дороги, по которой ездили машины. Может быть, это была дорога на Магнитку, но только с совсем другим, очень плотным трафиком. Вечерело, тьма окутывала окружающий мир, но поток машин не уменьшался.

Ближе к ночи я уже подумывал, где бы поставить палатку — возле дороги делать это сильно не хотелось, а нужного поворота почему-то всё не

было и не было. Поток машин, наконец, уменьшился и вот уже ревущую реку автомобилей сменил скромный ручеёк редких велосипедистов и квадроциклистов. Я решил, что зашёл достаточно глубоко, кроме того уже чересчур темно и поздно для дальнейших перемещений по лесу. После принятия данного решения, я отошёл метров на 50 от дороги вглубь леса и начал ставить палатку.

В процессе установки палатки, при ближайшем рассмотрении, мне чем-то не понравилось выбранное место, из-за чего я скинул все вещи обратно в рюкзак, взял уже поставленную палатку за дуги и пошёл искать более подходящее для приятных лесных сновидений место.

Неожиданно на дороге выбежал испуганный чувак, то ли с квадроцикла, то ли с велика, глаза бедолаги были широко раскрыты, и он кричал что-то вроде: «Ааааа, медведь!» За ним на дорогу действительно вышел медведь. Он косолапил, был важен и спокоен, как принято у медведей, весь вид его был полон достоинства, как и подобает образу царя лесов русских. А ещё он был зелёным. Это я отчётливо увидел, когда он встал на задние лапы и зашагал на них вдоль скудно освещённой дороги.

Я захотел сфотографировать этого прикольного мишку, но у меня был очень неудобный объектив — «полтинник» с неотключаемым автофокусом. Сначала мне пришлось чуть ли не бежать за медведем, потому что зума у объектива, соответственно, не было, а автофокус всё время ловил фон вместо животного. Но, в конце концов, мне удалось достаточно качественно сфотографировать волшебного зелёного медведя. После фотосессии Потапыч помчался вдоль дороги. Он был зелёный, блестящий, переливающийся, и бежал на задних лапах. Я знал, что медведи могут ходить на задних лапах, но этот медведь просто сбежал с горки, как, в общем-то, и подобает волшебному переливающемуся зелёному медведю. Летящей походкой он переместился в сторону небольшой деревни, и чуть ли не махал мне при этом передней/верхней правой лапой/рукой.

#Chapter 7 Сон 08.12.2015

Сон 1

Основная сюжетная линия данного сновидения была связана с войной. По визуальному ряду было похоже на Великую Отечественную войну, и мы ехали на неё в грузовике. Сначала нас, воинов, было двое. Мы располагались сзади кабины, сидя на крошечной скамейке. Однако эта часть сна сильно затёрта в памяти.

Далее мы оказались в открытом кузове грузовика вчетвером — седовласый, тщедушный с виду, но твёрдого характера дедушка с

большими мечтательными светлыми глазами, молодая красивая девушка, худой парень, а за четвёртого был я.

Мы ехали в кузове грузовика, настроение было тревожное, разговоры приглушёнными, а общее состояние — алертным. Когда грузовик начал подниматься в гору, дедушка спокойно сообщил нам, что за горой засада и надо лиять, тем более водителю ничего не угрожало лишь в том случае, если нас не найдут. Видимо мы были чем-то вроде контрабанды.

Когда грузовик достиг вершины горы, мы спрыгнули на землю, и увидели, что впереди действительно была засада. Вооружённые люди снизу динамично поднимались по склону горы, другая часть вооружённых сил неприятеля оставалась у подножия. Дедушка сказал нам бежать вниз с холма, сам же он пока посмотрит за ситуацией и, если что, прикроет. У меня было такое чувство, что он постоянно видел на пару ходов вперёд, но сегодня почему-то даже этот бонус нам не помогал.

Мы побежали втроем вниз горы — девушка, худой парень и я. Когда моя напарница по войне сбегала красивыми пружинистыми прыжками вниз с горы, я не мог не обратить внимания на тёмные волны её роскошных волос. При беге эти волны с завораживающей ритмичностью колыхались, рассыпаясь брызгами по красивым и сильным, но очень женственным плечам и спине. Цвет волос был каштановым, длина — сантиметров на десять ниже плеч, а запах — как у ромашкового поля, покрытого прохладной утренней росой.

Когда мы добежали до основания горы, то увидели, что навстречу нам бежит отряд вооружённых людей. Такое чувство, что это были немцы, и такое чувство, что они говорили по-русски. Слегка нелогично, но ведь это же сон.

Я первым увидел отряд, бегущий нам навстречу, поэтому подал сигнал своим боевым товарищам и нырнул на землю в траву. Было ощущение, что отряд не знал, где точно мы находимся, поэтому нырок остался незамеченным. Нырнув, я быстро отполз направо к опушке леса.

Совсем недалеко был огромный то ли овраг, то ли карьер. Он был важным атрибутом данного сна и это я отчётливо понимал. А вот в чём именно заключалась его важность — нет. Я полз по мягкой ароматной лесной траве и раздумывал, что находится в этом карьере, и не получится ли там спрятаться, а, может быть, напротив, там кишмя кишат враги, и тогда там нам и придёт конец. Мои напарники почему-то всё ещё бежали во весь рост, и я крикнул им, чтобы они падали на землю, и они послушались, но было слишком поздно.

Один немец из отряда поисковиков-преследователей заметил подозрительное движение в нашей стороне, и вместе с ещё одним солдатом быстро, но осторожно, с пистолетом наготове, пошёл в нашу сторону.

У худого парня находился наш единственный пистолет, кроме того в нём было очень мало патронов. Я сказал парню, чтобы он кинул мне пистолет, и добавил, чтобы они оба лежали на земле и не шевелились. Сам я тем временем максимально быстро и незаметно влез по веткам на огромную толстую сосну, ствол которой был настолько широк, что можно было рассчитывать на незаметность сего маневра. Где-то на высоте метров четырёх-пяти я остановился, и аккуратно выглянул из-за ствола сосны. Лёгкий лесной ветер наполнил ароматами мою грудь. Такое чувство, что на пороге смерти обоняние обострилось до уровня собачьего, настолько яркими и живыми были запахи, как в той медитации, где я увидел Её в одной из своих прошлых жизней, в той медитации, где я узнал Её по запаху.

Немцы подошли к моим, неподвижно лежащим на земле, товарищам и строго прикрикнули на них. Смысл был такой: «а ну-ка быстро — руки вверх и за нами шагом-марш». В глазах парня была какая-то обречённость, в глазах девушки страх и что-то ещё очень странное. Однако времени размышлять, что же там такое, в её глазах, катастрофически не было, поэтому я быстро и как-то даже слишком хладнокровно сделал два хедшота, спрыгнул с дерева, снял с трупа одного немца оружие с патронами, со второго сказал сделать то же самое худому, и мы поползли в сторону карьера.

В этом месте целостность сна стала распадаться. С одной стороны, открылось что-то вроде ясновидения, и я увидел отряды немцев, подбирающихся к нам со всех сторон — и с горы, и с противоположной стороны, и из-за леса за карьером. Карьер тоже был как будто крайне небезопасен. В голове прокатилось что-то вроде отчаяния и смирения — и мне показалось, что примерно это ощущение я увидел в глазах девушки. И в глазах деда. Вероятно, именно по этой причине худой был таким инертным. Видимо мы все были в той или иной степени ясновидящими, дедушка самым сильным, остальные слабее. Такой а-ля военный Гарри Поттер.

После этого я задумался, насколько этично было оставить деда одного на вершине горы и использовать друзей в качестве приманки. В тот момент, когда эти действия происходили, на сомнения не было времени, поэтому всё происходило на автомате. Но когда время появилось, пришли сомнения. Также я задумался о том, как бы всё тут переделать, чтобы никто не погиб.

Но, какое бы наше местоположение я не определял своими мыслями: находится ли нам на опушке леса перед карьером, в самом карьере, у подножия горы, на вершине горы, и даже в кузове грузовика, какую бы линию событий я не моделировал — ответ при любых наших действиях всегда был один и тот же. И этот ответ был — смерть. Возможно, мне не хватало фантазии или глобальности мышления. Ведь раз я мог влиять на пространство и время, я, вероятно, мог бы переместить нас всех куда-нибудь в тыл врага. А то и вовсе на какую-нибудь Кубу, где я смог бы

лучше присмотреться к своей боевой подруге. Хотя мы ведь спасали Родину, а это куда важнее всяких там эротических фантазий.

Причём во время моделирования вероятного будущего я уже понимал, что всё вокруг — сон, и от этого чувство слепого, липкого бессилия изменить судьбу было ещё острее. Данный диссонанс вытряхнул меня из сновидения, и я проснулся.

Сон 2

Следующий сон был наполнен уже не насилием и войной, но юмором и весельем. Мы играли с моей, шоколадного цвета, гиперпушистой кошкой Ньюшей. Я сидел у входной двери в коридоре квартиры, где живу сейчас, и, судя по всему, был огромен. Ориентируясь на интерьер коридора, можно предположить, что рост мой составлял около 6 метров.

Суть игры была в том, что я, сидя на корточках, скрёб ногтями обои под потолком, а Ньюша, в ответ на эти действия, выбегала из зала и исключительно медленно и коварно кралась в моём направлении. Примерно в метре-двух от меня она вставала на задние лапы, после чего становилась похожа на прямоходящего медведя Балу из «Маугли», увеличивалась в размерах в несколько раз, и, из стойки на задних лапках, прыгала на меня. В прыжке Ньюша слегка ударяла передней лапкой куда-то в область моего правого плеча, после чего убегала в комнату, и всё повторялось снова.

Я улыбался во весь рот, а Ньюша, переходя в атаку из стойки на задних лапах, временами была поразительно похожа не только на Балу, но и на Булгаковского кота-бегемота.

#Chapter 8

Сон 24.12.2015

Е373чт. Часы на обеих руках. Правое плечо. Снова Гоа

Этим утром я проснулся, чтобы звонить в скорую и полицию, потому что на моих глазах белый Ситроен (или Пежо) с номером е373чт протащил по дороге на расстояние метров 20-30 темноволосого большеглазого мальчика лет восьми.

Мы опаздывали на автобус, который отъезжал от Предзаводской, в Челябинск, а в Челябинск мы ехали, чтобы лететь на Гоа. В итоге мы успели, и нам достались счастливые места, которые были в самом начале автобуса, благодаря чему мы счастливо избежали каких-то проблем при посадке. Об этих проблемах нам чуть позже рассказали пассажиры из задней части автобуса.

По приезду в Челябинск мы ожидаемо оказались на улице первыми. На выходе из автобуса стояла женщина, которая ревностно осмотрела нас

на предмет провоза различных запрещённых к перевозке предметов/веществ. Женщина была средних лет, с холодными серыми глазами, русыми волосами и невозмутимым выражением лица.

Первой она досматривала мою бабушку, которая очевидно тоже летела на Гоа. Оказалось, что у бабушки одеты часы на обеих руках. Женщина-секьюрити заставила её снять одни часы и убрать в кошелек, а тот — в сумку. Не знаю уж, зачем бабушке было двое наручных часов? И чем они помешали таможеннице? Увидев в сумке зубную пасту, секьюрити-вумен сказала, что на Гоа запрещена любая зубная паста и вообще чистка зубов. Такие дела.

Вторым досматриваемым из нашей команды был я. Таможенница долго пристально смотрела в одну точку на моём правом плече. Я был в белой майке-алкоголичке, и плечо было обнажено. Очевидно, вокруг буйствовало суровое Южно-Уральское лето, поскольку одеты все были крайне легко. Роста Таможенница была такого, что эта точка на моём плече в точности соответствовала уровню расположения её глаз. После процедуры пристального созерцания плеча, она сказала, что я могу идти, и приступила к осмотру следующего человека.

Я стал переходить дорогу. Визуально это была дорога ул. Победы, примерно на дом выше ул. Инструментальщиков и на пару домов ниже ул. Романенко. То есть это снова был Миасс, хотя мы и приехали в Челябинск. Когда я начал переходить дорогу, меня чуть не сбил автомобиль. Я опёрся левой рукой о капот и, оттолкнувшись от него, перепрыгнул авто вместе с надвигающейся опасностью.

Следующее, что я увидел — белый Ситроен (или Пежо), вроде как это была именно та машина, которая чуть не сбита меня, сбивает маленького мальчика лет 8 и тащит его вверх почти до самой ул. Романенко по асфальту. Я побежал вверх, чтобы помочь мальчику и сфотографировать номер машины нарушителя. Авто остановилось секунд на пять, после чего водитель надавил на газ, словно ничего не случилось, или для того, чтобы свидетели происшествия не успели его запомнить. Однако я успел разглядеть номер. Проговаривая его тихим голосом, чтобы не забыть, я побежал к мальчику. Он был с длинной чёлкой, темноволосый, большеглазый и напуганный. Мальчик сидел на бордюре у края дороги, что-то в нём было сломано, но он был жив, и такое чувство, что жизни его больше ничего не угрожало. Оценив ситуацию, я решил звонить в скорую и полицию, и проснулся уже с телефоном в руке, ожидая, когда он включится (перед сном я обычно выключаю все телефоны и компьютер).

Проснувшись, я произнёс вслух номер негодяйского автомобиля: e373чт. Очевидно, это какое-то послание. 373? Симметричность? If rice even rich? После чего улыбнулся — мне в очередной раз снится поездка в Гоа. В этом году я уже пару раз туда собирался, но Гоа как будто пока что против

того, чтобы принять меня. Собственно, и во сне я уже второй раз туда не доезжаю.

#Chapter 9
Сон 14.01.2016

Сон 1

В этом сне, как это часто бывает во снах, местность сложилась из нескольких ареалов: площади перед головным ЮУрГУ в Челябинске и морского побережья. Буквально — головной ЮУрГУ стоял метрах в 50 от песчаного морского пляжа. Я бы не взялся назвать море. По цвету воды и её плотности, а также по букету запахов соли, растворённой в морском бризе, оно, пожалуй, было похоже на Средиземное, Эгейское или даже Южно-Китайское.

На песчаном пляже северо-восточней главного входа был установлен огромный батут, перед которым стояла небольшая, в пару этажей, вышка для прыжков. Желающих было немного, но изредка кто-нибудь прыгал. Батут обладал странным качеством — человек прыгал на него примерно с высоты второго этажа, а пружинил на высоту многоэтажки. Причём каждый новый человек взлетал на непредсказуемую высоту. Первый мог взлететь на высоту восьмиэтажки, а следующий — вдвое выше. Разбег был примерно в диапазоне 5-20 этажей. После взлёта в верхней фазе прыжка человек не летел обратно вниз на батут, но смещался вперёд, группировался ласточкой и стрелой устремлялся в морскую пучину. Все выживали, но выглядело это достаточно угрожающе и гротескно. Даже во сне.

У меня была подруга-блондинка, сочетающая в себе черты двух реальных знакомых девушек. Она решила прыжок, поднялась на вышку, шагнула вперёд, мягко приземлилась на батут, его прорезиненная сетка, прогнувшись, вдохнула, замерла, затем тягуче выдохнула и выплонула подругу в небеса. В небе блондинка аккуратно сложилась в ласточку и улетела в море.

В этот момент я осознал, что она не оставила мне выбора и направилась к вышке, ища глазами подругу. Она вышла из моря, прикрывая руками голую грудь. Надо признать, что зрелище было приятным: у неё были упругие двочки, молодые контуры которых привлекательно выступали из-за небольших стройных рук. Выяснилось, что она потеряла свой лифчик при приземлении в море. Помимо краски, заливавшей розовым цветом стеснения её молодые щёчки, что-то ещё в ней изменилось. Я подошёл и спросил, в чём дело. Она ответила, что приземление оглушило её и сделало мысли спутанными. Я пошёл помогать искать её лифчик, и после

того, как мы его нашли, отправился к вышке, так как пришла моя очередь прыгать.

До полёта вниз не происходило ничего особенного, даже адреналин как будто не выплёскивался в мою кровь, а вот когда я летел вниз с высоты десяти-двенадцати этажей, что-то произошло с картинкой. Я как бы летел вниз одновременно в двух измерениях, в двух пространствах, в двух планах бытия. Первое было уже описанным мной — морским побережьем возле ЮУрГУ, а второе — морем из другого, средневекового времени с разрушенным деревянным остовом пиратского корабля с разорванными и полусгнившими парусами.

Восприятие не было ни последовательным, ни параллельным, один план реальности как бы просвечивал через другой. И они менялись, время от времени плавно переходя друг в друга.

Сон 2

Во втором акте сна я смотрел в зеркало и видел в нём лицо, которое было и моим, и не моим одновременно. Глаза были другого цвета, но они были моими, как будто подкрашенными в фотошопе. Лицо было худым, как в молодости, даже контуры скул были такими же. На глаза падала неровная чёлка густых чёрных волос.

Я что-то недолго делал в этом молодом, худом, но привлекательном теле, после чего уснул. Далее я проснулся с чувством пропотевшей головы и поднявшейся температуры сначала во сне. А затем, почти сразу же и с теми же ощущениями — уже наяву.

Хотя, что такое явь? И не сновидческие ли мы, астральные, или ментальные проекции кого-то или чего-то бесконечно более осознанного, проявленного, реального. Какого-нибудь Будды, плывущего во сне по Ганге на одной из божественных планет. Такую иллюстрацию я не раз наблюдал в ведическом постарийском индуистском и буддистском мире — Будда, либо один из столь почитаемых индусами аваторов Вишну, блаженно, неспешно плывёт по величественно-спокойной реке среди множества прекраснейших лотосов. Божество лежит на спине с закрытыми глазами и созерцает нас, вместе со всем нашим миром, в своём сне.

Ещё я помню, как Карл Юнг описывал свою детскую игру, согласно которой он садился на большой валун и пытался представить себе мир камня. В конце концов, каждый раз, когда ему удавалось синхронизироваться с сознанием камня, он всегда терялся, когда пытался понять, кто он на самом деле — камень, на котором сидит мальчик, или мальчик, который сидит на камне.

Или это был не маленький Карл Густав, но молодой Артур из 21 урока Мерлина Дугласа Монро.

Память — странный феномен. Иногда она острее опасной бритвы. В другие разы она — туман, сквозь который проступают лишь очертания

предметов, эмоции, запахи, имена и названия. А иногда память — это сверхплотные чёрные дыры, экзистенциальное негredo, погружающее весь окружающий мир и самое себя под непроницаемый саван ультрафиолетовой ночи небытия.

Halestorm – I am the fire

#Chapter 10

Сон 30.01.2016

Про Клеопатру, ритуальные жертвоприношения и автономный палец

Сегодня мне снилось, что я член древнего общества, управляемого императрицей и духовенством. Императрица была похожа на египетскую Клеопатру, а я был в числе жертв или кого-то в этом роде. Нас, жертв, набралась группа человек из пятнадцати, и все мы должны были вытащить и съесть банан и боб из опасных корзин для того, чтобы выжить или умереть.

В первой корзине были, разделённые по одному, мини-бананы с кобрами. Кобр было чуть меньше десятка, и они были возбуждены. Бананов было примерно в два раза больше.

Была ещё одна корзина с бобами и какими-то смертельно опасными членистоногими, типа скорпионов, но она шла второй в очереди и до неё дело не дошло. Для того чтобы победить в игре, нужно было достать рукой из корзин по священному банану и бобу, съесть их и не умереть.

Передо мной человека три попробовало достать банан из первой корзины. Все они были укушены змеями и обречены на смерть. Во время попытки последней жертвы, змея выпала из корзины и подползла ко мне. Я стоял спокойно, но у меня был странный второй палец на правой ноге. Он автономно постукивал по земле, выбивая какой-то ритмический рисунок. Я понимал, что надо срочно перестать отбивать неизвестный мистический ритм, иначе змея укусит, но нервная система не управляла этим вторым пальцем, хотя он и был моим.

Далее я был укушен змеёй в этот самостоятельный палец. Боль была не очень острой, но змея была ядовита, и, судя по всему, я был обречён. С одной стороны, у меня была, нет, не уверенность, было прямое знание того, что мы — вечные души, и это просто одна из множества жизней. Более того, у меня была память о том, что я уже играл в эту игру, и даже бывал адептом культа, одним из жрецов, проводивших этот ритуал. Бывал и жертвой, причём неоднократно побеждал и проигрывал.

С другой стороны, я был в ярости от этой жестокой забавы. Настолько в ярости, что устроил мятеж. Я схватил палку, подцепил ей змею из

корзины и швырнул её в императрицу, затем вторую, третью я швырнул уже в толпу, гудящую на площади перед алтарем.

Далее я с чем-то вроде копья отбивался от множества враждебно настроенных по отношению ко мне вооружённых людей и перед смертью успел убить с дюжину врагов. Это была славная охота.

Сама игра крайне символична, но куда интересней ощущение непосредственного знания о множестве реинкарнаций, а также прямая память о прошлых жизнях. Эти знание и память очень сильно отличаются от редких прояснений, приходящих в медитациях и осознанных сновидениях, доступных мне в этом теле.

Во втором сне я летел, лёжа в спальном мешке в самолёте куда-то в горы, вероятно в Непал и Гималаи. Самолёт был небольшим, и его потряхивало в турбулентных потоках воздуха. В эти моменты я катался по салону самолёта лёжа, как гусеница, в спальном мешке, стараясь всеми силами и средствами уберечь голову от удара.

А в третьем сне я играл в какой-то тёплой небольшой компании близких друзей на фортепиано и красивым чувственным баритоном, не лаяя, пел «Звёздочка моя ясная» в чём-то, похожем на соль-минор. Надо, как выпишут из лор-отделения, где я сейчас лечу ухо от отита, обязательно сыграть эту песню дома на фортепиано. Гитаре. Баяне. На чём угодно, лишь бы научиться петь так же, как во сне.

#Chapter 11

Сон 14-23.02.2016

Волгоград. Концерт Кипелова и местный Задорнов

Вечность смотрит в глаза,
Тянет вниз, не дает вздохнуть.
Неужели все зря?
Но как долгод был этот путь.
Возвращаться нет сил,
И нет силы, сдержать свой крик.

Реки времен — отраженье миров,
Реки времен — в них шагнуть ты готов.
Чтобы там — вновь увидеть себя.
И разгадать, что хотела судьба.

Пленник собственных слов,
Ты позвал за собой других.

Молча в жертву принёс
 Всё, что в сердце своем хранил.
 Жаждой славы гоним,
 Поздно понял, что ты – один.

Бремя прошлых побед
 Душит, словно тугая нить.
 Смысла жить дальше нет,
 Если знать, как устроен мир.
 Ослепленный мечтой,
 Ты застыл на краю Земли...

Реки Времен. Кипелов

Стояло лето. Знаете, бывают такие летние дни, когда не прямо, чтобы совсем жара, но что-то такое мягкое и тёплое. А жара — она уже была, и точно знаешь, что ещё будет. И нет тревоги о том, что лето будет длиться одну неделю. Или полторы.

В воздухе, влажном, и уже слегка уставшем от недавней жары, потерялась связь ныне живущих поколений людей с поколениями прошлыми, их идеями и смыслами. И оттого всё настроение сна было пропитано одновременно эйфорией от бессмысленной, тотальной свободы и печалью от чувства оторванности от основополагающих смысложизненных антропных и внеантропных идей и ценностей. В общем, ничего нового, обычная эмоциональная амбивалентность.

Город, где происходили события сна, был южный и российский, но не на морском побережье. Хотя река была. И река была мощной, но тёплой, не как Енисей или Обь. Река была похожей на Волгу. Пусть будет, скажем, Волгоград. Я общался с какими-то людьми. Судя по общей атмосфере диалога, мы были знакомы давно, но отнюдь не близко. Диалог был позитивно-нейтральным. Местность вокруг чем-то отдалённо напоминала окрестности Челябинского театра драмы. Но мы находились на небольшом холме, метров на 500 северней театра, а в Челябинске в окрестностях театра я никаких холмов не помню.

Внезапно кто-то из проходивших мимо людей сказал, что вот-вот в театре начинается концерт Кипелова. Я сразу же обозначил свою позицию в компании, что собираюсь пойти на этот концерт. Друзья не разделили моего энтузиазма и остались дальше общаться.

В театре было много людей, помещение фойе было на удивление маленьким и тесным, билетов в кассах не было. Неожиданно гардеробщица продала билет какому-то парню, стоявшему передо мной. Да-да, гардеробщица. Я вежливо обратился к ней, чтобы она и мне продала билет,

но гардеробщица категорично отказала. Вроде милая такая старушка с виду, и так категорично, даже грубо отказала.

Тем временем, пока я стоял и размышлял о том, как же теперь попасть на концерт, старушка сменилась молодой блондинкой, и двери в зал открылись. В какой-то момент буквально на несколько мгновений бабушки-охранницы где-то растворились, и группа молодёжи без билетов прошмыгнула в концертный зал. Я последовал за ними.

Поскольку я был без билета, мне было стыдно и некомфортно перед дядей Валерой оттого, что: во-первых, я не оплатил его предстоящее выступление, а во-вторых, моё нелегальное присутствие на концерте могут обнаружить и осудить. У меня были деньги, и я хотел заплатить за билет, но проблема была в том, что они не продавались. Наконец, я отпустил ситуацию и постарался затеряться где-то в середине зала.

Из-за занавеса вышел весёлого вида мужик и стал петь на сцене песни Кипелова. Пел он очень плохо, и вскоре стало понятно, что это какая-то хохма. Мужик громко объявил, что он — местный Задорнов. По ходу представления этот местный Задорнов поздоровался за руку с каким-то очень худым юношей у сцены, слегка его потролив и, напротив, очень ласково поприветствовал девчонок. Когда он подошёл ко мне на расстояние, на котором его можно было хорошо разглядеть, я обнаружил, что у него на одежде вышит герб какого-то города, вроде Иркутска. Он с гордостью демонстрировал всем этот герб и прокричал, что группа Кипелов объявила конкурс по вышивке герба?! Далее местный Задорнов громко попросил окружающих помочь лично ему с вышивкой, и сам при этом вышивал, прямо во время общения с тусовкой. Wtf?

После был сам концерт. Его, как бы это ни было странно и обидно, я помню совсем смутно. Однажды подобная ситуация была со сновидческим концертом «метлы», что ещё более обидно, т.к. на концерте Кипелова я побывал в несновидческой жизни, а на «метле» — нет. Да и что там говорить, как бы хорош и душевен не был Валерий Александрович, «метла» — есть «метла». «Метла» — это своего рода музыкальный эталон. Правда не образца «saint anger» и что там ещё у неё было из последнего, но «Metallica» из моей молодости, пишущая и играющая «Orion», «To live is to die», «One», «Fade to Black», «Nothing else matters», «Call of Ktulhu», Unforgiven's, соляк из «Master of puppets». Какие вкусные англо-саксонские слова и словосочетания, какие приятные сердцу музыкальные воспоминания.

Кипелов – Реки времён

#Chapter 12

14.05.2016

Как ветра осенние подметали плаху,
Солнце шло сторонкою, да время — стороной.
И хотел я жить и умирал да сослепу, со страху,
Потому что я не знал, что ты со мной.

Как ветра осенние, жаль — не жалели рожь.
Ветры тебя посеяли, чтоб ты пригодился,
Ведь совсем неважно от чего умрешь,
Ведь куда важнее — для чего родился.

Как ветра осенние, черной птицей голосили,
А ты откуда взялся, богатырь-снегирь.
Я хотел бы жить и умереть в России,
Если б не было такой земли — Сибирь.

А. Башлачёв

Сомнамбулизм (от лат. *somnus* — «сон» и *ambulo* — «передвигаюсь»; снохождение, устар. лунатизм) — болезненное расстройство парасомнического спектра, при котором люди совершают какие-либо действия, находясь при этом в состоянии сна.

Википедия

Сегодня я вышел из дому, в очередной раз пытаюсь понять, во сне я вышел, или наяву. И в очередной раз сбился уже в начале пути, пытаюсь определиться с терминологией и синтаксисом, что есть явь, и в чём её принципиальные отличия от сна.

С безразлично-серого цвета неба то ли лил дождь, то ли шёл снег. Капли-снежинки нежно ударялись о лицо и кисти рук. Разумеется, лишь о те их части, что скромно выглядывали из-под брони куртки и капюшона. Ленивый субботний народ редко и расфокусированно проявлялся, задерживался ненадолго, после чего бесследно исчезал в равнодушной документальной киноленте дорог.

Впереди ненавязчиво маячила бесконечность. Из неё, как из заваленных антресолей вываливается разный хоббитский мусом, вываливались сущности, воспоминания, фантомы. Впрочем, ни экзальтации, ни индальгирования не возникало, и сущности проносились дальше, куда-то за спину, подобно размазанным ленивым людям этого субботнего утра.

Глядя в концентрические круги, оставляемые каплями-снежинками в осенних майских лужах городских дорог, я неожиданно вспомнил, что в

феврале мне снились сны. Сны и дороги. И подумал, что самое время их пересмотреть. Да, это было давно, но что есть время?

Сон 1

Стояла тёплая и светлая летняя погода. Повсюду вокруг был солнечный, яркий и ароматный лес. Такой настоящий русский лес, с толстыми высоченными соснами, со скромными аккуратными берёзками, живой и праздничный, почти такой же, как лес, смотрящий на нас с картины «Утро в сосновом лесу» Шишкина и Савицкого. Той, что обычно почему-то называют три медведя, хотя медведя на ней четыре. Хотя... какая, в общем-то, разница.

Сквозь этот праздничный светлый летний лес шла добротная такая, не узкая и не широкая, оптимальная для окружающей местности, дорога. Её характер и само ощущение времени были как будто не для автомобилей, скорее для пешеходов, лошадей и всадников. Однако дорога была пуста. Совершенно. Поэтому точно сказать, кто или что здесь обитает и путешествует, не представлялось возможным. На дороге был только солнечный свет, тени от могучих сосен и ласковых скромных берёзок, да летняя теплая земля, покрытая редкой травой, веточками, шишками и воспоминаниями путников. Я потихоньку шагал по этой гостеприимной дороге вперед и вперед.

Идиллию нарушал какой-то бестолковый мотив, играющий у меня в голове. Ничего конкретного, просто попса, липкая и навязчивая, как густые сопли, или репертуар какой-нибудь бузовой. За попытками избавиться от этой белиберды, засевшей в голове, меня застали три шедшие в ногу/лапу собаки. Собаки были небольшие, даже скорее мелкие, но плотные. Глаза у собак были сосредоточенные и недобрые, и почему-то друзья человека шли именно в ногу/лапу, как ходят солдаты на марше.

Справа от меня возникла небольшая скала. Прямо в лесу. Её высота соответствовала высоте хорошей сосны. В основании скалы скрывалась пещера, глубокая и тёмная. И эта пара объектов была словно искусственно вмонтирована в картину идиллического летнего леса, что меня насторожило. Собаки поняли, что я что-то заподозрил, немного посоветовались, и как-то неожиданно я осознал, что пещера — это космический корабль, замаскированный под типичный русский паттерн, а собаки — замаскированные под земных млекопитающих пришельцы, охраняющие свой космический корабль от чужаков.

Собаки и скала-пещера-корабль стали превращаться в драконидов, пространство и время вокруг тоже как-то завибрировало и стало наполняться атрибутикой и ощущениями мира драконов, но моё тело видимо не было к этому готово, или собаки-дракониды постарались, как бы то ни было, но я улетел напрямиком в другой сон.

Сон 2

В следующем сне я управлял вертолётom. Большим настоящим вертолётom, который может и людей переносить по воздуху, и в войну воевать. Летал я над Солнечной долиной, что перед Сыростаном. Цели полета, правда, не помню. Рядом сидела моя мама, которая во сне была начальницей рекламного агентства, а не учительницей русского языка и литературы ранее в ПТУ, а ныне — into the college, и вела бесконечные разговоры о людях, деньгах и карьерах. Управлять вертолётom мне нравилось, а вот слушать сплетни и прочий поток негативной инфы — нет, что вносило в моё ощущение сна определённый диссонанс.

Дальше действие сна переместилось на землю, в сад Надежда, тот, что рядом с Солнечной долиной и пришло время вечеринки. Вечеринка была весьма себе неплохая, пока в самом её разгаре не прилетел вертолёт, которым я управлял ранее. С летательного аппарата что-то тревожно выстрелило, потом ещё и ещё раз. Это что-то оказалось единичным салютом, совсем непраздничным и даже каким-то противоестественным. Когда вертолёт со странным салютом улетел, люди вокруг облегчённо выдохнули и стали дальше праздновать. Ну и я вместе с ними.

Сон 3

Вот я сейчас дочитываю собрание сочинений про ведьмака А. Сапковского, но начал читать его я в апреле-мае, а ведь тогда был ещё только февраль. И уже тогда, в феврале, мне снились ведьмы и средневековье.

Действие происходило внизу Динамо, там, где «МиассЭлектроАппарат», «Микма-Терм» и плотина через речку Миасс. И да — оно происходило именно в классическом средневековье. Настоящем таком, с лошадьми, ведьмами, рыцарями и всем остальным. Там, внизу у плотины, было что-то вроде ярмарки. Ярмарку посетило очень много людей, все гуляли и веселились, но в один момент, как будто даже само небо потемнело, и конференсье ярмарки, если можно так выразиться, объявил о том, что наступило самое, что ни на есть, show time. И именно сейчас пред светлы очи присутствующих, выйдут три знаменитые на весь мир ведьмы со своей захватывающей программой.

Видимо, в этом сне я был невысокого кастового происхождения, потому что всеобщая атмосфера страха на грани с истерией передалась и мне, посему я даже толком не уловил, о чём было, собственно, шоу. Когда представление закончилось, совсем уж непразднично настроенный люд начал шептаться, о том, что ведьмы задумали нечто недоброе и по-быстрому ретировался с ярмарки кто куда.

Всё, что удалось уловить из шоу — то, что ведьмы были естественно или искусственно молоды, дьявольски красивы и обладали чёрными

гривами волос до пояса. Будучи носителем невысокого кастового жребия, как и другие люди с ярмарки, я был не в силах преодолеть иррациональный страх метафизического контента перфоманса, посему тоже поскорее зашагал вверх по дороге в сторону дома по адресу ул. Готвальда 27, где жил в годы своей золотой молодости.

Дорога, по которой я шел, была совсем безлюдной, но ощущение тревоги успело дематериализоваться, поскольку ярмарка осталась далеко позади. Справа виднелась долина у пруда, где сейчас находится футбольное поле. Я шёл достаточно бодро, пока не встретил Лену Х., жившую во время нашей юности в четырёх минутах ходьбы от моего дома. Лену Х., лишившую меня девственности, многих комплексов и прочего ненужного юношеского хлама. Подарившую взамен этого хлама любовь и теплоту, послужившую проводницей в миры чувственных наслаждений, одарившую моё осязание тактильной эстетикой красивого молодого женского тела, а обоняние — букетами запахов любви. Ту самую Лену, с которой мы были 5 счастливых лет. Ту самую Лену, о которой я до сих пор вспоминаю с теплотой, несмотря на конфликты и объективные причины, сделавшие невозможными наши дальнейшие отношения. В том сне я также относился к ней с огромной теплотой, а она шла на шоу ведьм, именно туда, в самый очаг опасности. Лена всегда только так и поступала. Делала то, что считала нужным, даже если все вокруг были против. Отчасти за этот дух несогласия, протеста, такой родственный молодому мне, я её и любил.

Впрочем, я давно выбросил все эти духи несогласий и протестов за ненужностью. С таким же удовольствием и моральным удовлетворением, с каким, в своё время, под пару бокалов мартини, выбросил на помойку, за ненужностью свою девственность.

Как бы то ни было, в этом сне я относился к Лене уже не с любовью и страстью, но с бесконечной теплотой и благодарностью, а потому всячески пытался оградить её от опасности оказаться в руках трёх ведьм.

В какой-то момент нашего спора, а мы спорили, я осознал, что она тоже молода, красива, и грива её чёрных волос до талии ничем не уступает ведьмовским. В тот же момент я понял, что буду сопровождать её в этом опасном путешествии, чтобы попытаться оградить от возможных опасностей ведьмовства, пусть даже мне грозит какая-нибудь извращённая смерть. Примерно в это время меня посетили мысли о том, что низшим кастам не свойственна отвага и самопожертвование, и, видимо, эта маленькая, с виду такая хрупкая, черноволосая девушка, вольно или невольно, смогла дать мне намного больше, чем собиралась. Фактически — она помогла мне перешагнуть в следующую касту посредством суммы своего маниакального упрямства и моего безграничного расположения к ней. В этом месте я проснулся.

А вернулся к этому сну я лишь спустя четверть года, благодаря сомнамбулизму, расфокусированному восприятию окружающей

действительности, и не то снегу, не то дождю, падавшему с неласкового осеннего майского Южно-Уральского неба.

Хотя, что такое четверть года для бессмертных душ?

Мельница – Как ветра осенние

Halestorm – Innocence

#Chapter 13

Сон 25.02.2016

Огненные бронтозавры и чёрные кудряшки Пикуля

The thing I treasure most in life
Cannot be taken away.

There will never be a reason why
I will surrender to your advice.

To change myself, I'd rather die,
Though they will not understand.
I won't make the greatest sacrifice,
You can't predict where the outcome lies.

You'll never take me alive.
I'm alive, I'm alive, I'm alive, I'm alive.

I'm alive. Disturbed

Сон 1

Пылающее закатное солнце с неумолимой, исполненной безумия, нежностью, погружает в огненное марево волны спин каменных бронтозавров. Эти исполины наверняка когда-то сотрясали землю спокойным величием своих шагов, но сейчас они заморожены, превращены в каменный лёд чьей-то причудливой, но непоколебимой волей. Настанет миг, когда они оживут, стряхнут со своих спин меланхолию тысячелетий, прожитых другими, и мерной поступью продолжат свой путь.

Куда лежит этот путь, мне неизвестно, но наверняка это стоящий путь, во имя преодоления которого не страшно уснуть на тысячи и тысячи лет. Главное когда-нибудь проснуться. Проснуться, чтобы снова идти. Идти, чтобы снова уснуть. Уснуть, чтобы снова проснуться. И когда-нибудь — проснуться для того, чтобы понять, что никогда не засыпал. Что никогда не просыпался. Что прошлое и будущее —

существовало всегда. Всегда и одновременно. Это не шутки, мы встретились в маршрутке Сансары.

Воздух был пропитан слабыми, почти незаметными ароматами постепенно исчезающих в приближающейся ночи цветов. Скалы и при дневном свете не очень-то вписывались в контекст ни одного из земных пейзажей. Они были во всём немного слишком. Слишком белыми. Слишком гладкими. Слишком похожими друг на друга. Слишком цикличными. Сейчас же, милостью почитаемого тысячелетия и тысячелетия назад Божества, они превратились в исполинские волны из сверкающего янтаря. Каменные бронтозавры почти ожили в этот сказочный закатный вечер. Но почти, как известно, не считается.

Я созерцал это великолепие, стоя на плоской крыше невысокого белого здания, по периметру крыши которого располагались развалины стены. Мне не удавалось поймать ощущение, были ли это развалины недостроенного дома, или развалины прошлого, а может быть даже развалины недостроенного прошлого. Впрочем, пол крыши был приятно ровным, и у меня время от времени появлялось чувство, что я стою на балконе. Вдоль стен дома были сложены каменные лестницы, опоясывающие здание с трёх сторон, северо-восточная же стена плавно переходила в невысокую, покрытую зеленью горку, взобравшись на которую я и попал сюда.

Чтобы немного отвлечься от психоделического зрелища янтарного бронтозаврового шторма, я отошёл на южную сторону крыши-балкона и стал осматривать землю коло дома. Увидев нечто, что меня заинтересовало, я нагнулся через стену, чтобы лучше это нечто рассмотреть. Нога неудачно уткнулась в один из камней, образующих стену, камень оказался не закреплён и полетел вниз. Размером он был с большую кошку или маленькую собаку и весил килограммов, наверное, 20-30. Я даже успел испугаться, но, слава Богам, никто не пострадал. Внизу как будто кто-то был — не там, куда упал камень, но неподалеку. Поэтому я решил затаиться на время, как прятался в далёком детстве, когда плевался из трубки рябиной с балкона или кидал с высоты вниз бумажную, наполненную водой, надувную бомбочку-оригами.

Впрочем, это детство — моё, того, кто сейчас пишет, а не того, кто прятался за остатками стены на крыше дома. Не того, кто наблюдал величие каменных спин белых бронтозавров. Хотя есть мнение, что всё было всегда. И все я существовали всегда, и будут существовать, даже после того, как Шива испепелит этот мир, ведь испепелит он его лишь для того, чтобы Брахман вновь его создал. Интересно, наверное, быть индуистом. Очень удобная модель мира. Универсальная. А модель кармы — удивительный пример автоматизации управления социумом в целом, и каждым отдельным человеком — в частности. Если задуматься. Как-то на берегу Байкала, на

волшебном острове Ольхоне, меня заставила задуматься об этом одна светлая девушка-программист-системный администратор-начальник отдела ИТ Юля Ф. из М.

Пока я скрывался за развалинами стены крыши-балкона, мне удалось как следует рассмотреть соседний дом. Он был выше и много богаче, чем тот, где я скрывался от несуществующей опасности. Такое чувство, что весь дом принадлежал одной семье. Вдоль северной стены богатого дома была еще одна то ли стена, то ли забор. Эта стена-забор под углом градусов 35-40 плавно поднималась от земли до огромного просторного балкона, и я подумал о том, что здорово было бы туда залезть. Но, как только я об этом подумал, дверь с балкона в жилые комнаты удивительно открылась. Верней не то, чтобы удивительно. Она открылась по радиусу. Причем не в плоскости, параллельной земле, а как-то по диагонали, и даже как будто не в одной плоскости. Не помню, чтобы кто-то оттуда вышел, но помню, что желание забраться на балкон исчезло, и я стал думать, что за гидравлика открывает эти чудесные двери одновременно по двум радиусам в двух плоскостях.

В какой-то момент на той крыше, где я прятался, появилась молодая пара. Девушка в этой паре была красавица, а парень какой-то несуразный. Очень худой и... бесцельный, что ли. Впрочем, хоть девушка и была крайне привлекательной, в глаза бросалась какая-то внутренняя пустота и, пожалуй, такая же бесцельность. Мне нередко кажется, что в парах девушки красивы, а парни невнятные, видимо это оставшиеся комплексы и ЧСВ дают о себе знать. Хотя, в последние годы всё реже — наверное, выздоравливаю. Или может ещё что.

Парень с девушкой двигались прямым ко мне, поэтому мне ничего больше не оставалось, как встать из своего укрытия и пойти к ним навстречу. Они попросили денег. Как-то слишком настойчиво попросили. Я очень удивился, потому что на гопников они не походили. Чтобы попытаться отобрать у меня деньги, понадобилось бы пары три-четыре, таких как они. Я ответил твёрдым отказом, всем своим видом демонстрируя, что не люблю гопников, даже таких милых. Тогда девушка широко улыбнулась своей красивой улыбкой и спросила одновременно с парнем, читал ли я «Чёрные кудряшки» Пикуля. Что-то из Пикуля я когда-то читал, но даже не уверен, что дочитал. И это точно были не «Чёрные кудряшки». Я, также широко и демонстративно улыбнувшись, ответил: «К сожалению — не читал».

Парень заметил, что эта книга о мужчине, который построил дом на холме, напротив гор, по форме напоминающих спины бронтозавров, чтобы смотреть, как солнце изо дня в день превращает их на несколько минут в янтарь. Девушка в это время улыбалась своей белозубой улыбкой и кивала головой. Я почему-то подумал о том, что этот «мужчина» из книги мог быть

причастен к тому, что некогда свободные динозавры очутились в плену каменного льда.

Девушка была красивая, но очень нервная, постоянно зачем-то ломалась и выделывалась. Я подумал о том, как это, наверное, невыносимо, слушать и наблюдать отражение таких некрасивых мыслей в таких красивых глазах. Здорово конечно поотжигать с такой незатейливой красоткой, но как-то и не здорово тоже. Пожалуй, всё-таки нездорово перевешивает.

В какой-то момент нашей беседы я увидел, что они оба косятся куда-то влево от меня. В этом месте на стене лежала моя вторая «зеркалка» (первая оказалась у меня в руках). При себе у меня был реальный бюджетный фотоаппарат Nikon D5000 с выдавшим виды объективом сигма 18-150. Эта пара со мной уже столько всего увидела и отсняла, объектив даже как-то слетал вниз, в бездну, с горной тропы возле посёлка Тош штата Химачаи Прадеш, т.к. её хозяин умудрился на этой тропе не разойтись со свободолюбивой индийской коровкой. Правда «зеркало» на тот момент было уже другое, потому что D5000 отказался со мной сотрудничать года за полтора до этого, на второй день пребывания на диком пляже между Дивноморским и Джанхотом.

На стене, в свою очередь, лежала большая профессиональная сновидческая зеркальная камера, что-то вроде Nikon D3, с маленьким объективом, вроде «полтинника». Я слегка наклонил голову влево, немного улыбнул губы и посмотрел им в глаза, как бы намекая «ну куда вы лезете, ребята», подошёл к стене, повесил вторую «зеркалку» через голову на плечо и повернулся к ним. Они исчезли. Я проговорил: «Чёрные кудряшки Пикуля». Это было заклинание. Заклинание выхода из сна.

Проснувшись, я вновь прошептал: «Чёрные кудряшки Пикуля», чтобы не забыть, и, борясь с ленью и желанием снова окунуться с головой в океан с планеты Морфея, стал шарить рукой по полу, чтобы найти и включить телефон, дабы набросать в нём черновичок.

Сон 2

Ещё мне снился сон, где мы поднимались по лесу, вдоль реки, вверх в гору. Компания была довольно большой, человек 8-10. В какой-то момент деревья разошлись, и перед нами появилась не очень бурная и не очень глубокая горная река. Мы перешли её по мосту и остановились для привала в месте, неподалёку от которого, из мутноватой водицы реки торчали неопределённого вида кусты.

Часть компании осталась отдохнуть внизу реки у моста. Там были родственники из Петербурга — дядя Толя К., тётя Люда К, Лена Ч., четвёртый — или Женя П., или Серёжа Ч., не могу вспомнить точно. В компании были и еще какие-то люди. Сон был из ранних, и многое из его содержания уже прилично затёрто более поздними слоями.

Я полез вверх по камням, чтобы изучить рельеф местности на предмет проходимости. Вверх по курумнику со мной полез Костик С., который жил этажом ниже в пору моих детства и юности. Пройдя около километра вверх по течению, я решил спуститься вниз по реке вброд. Не знаю почему, просто решил и пошёл. Когда я прошёл часть реки, родня решила пойти мне навстречу. Вверху течение было сильным, вода холодной и чистой, а там, где они шли, была та самая болотина с кустами, поэтому я начал волноваться, как бы они не застряли в трясине, и прокричал им, что надо вернуться на берег, но они меня не услышали.

Я уже почти подошёл к верхней границе речных кустов, от которых начиналась болотина, до родни оставалось всего метров 150, но стало так глубоко, что мой оранжевый рюкзак с документами и гаджетами оказался наполовину в воде. Я поднял рюкзак над головой на вытянутых руках и пошёл дальше. Глубина всё увеличивалась и увеличивалась, пока не подступила к носу, и тут я вспомнил одну из прогулок вокруг Тургояка.

Да-да, во сне я вспомнил прогулку, которая была не во сне.

#Chapter 14

Сон 25.02.2016

Продолжение

Стояло начало великолепного летнего августа. Было тепло не только на улице, но и в душе, на сердце. Такое редкое состояние благодушия, благодати, благодати, когда всё вокруг хорошо. И ещё как-то отчаянно легко.

Я был молод. Очень молод. И ещё даже близко не был отягощён разного рода эмоциональными и чувственными катарсисами, крушениями надежд, страданиями и прочими эсхатологическими декадансами.

В предыдущий вечер был концерт на серебряных песках. Верней не то, чтобы концерт. Это была неафишируемая ежегодная тусовка сотрудников местных музыкальных учреждений. Они потрясающе пели, неплохо играли на гитарах, а один дядька даже играл на саксофоне. Этот неординарный миасский музыкант любил импровизировать, слегка прислонившись спиной к одной из стройных, или даже хрупких, Южно-Уральской берёзок, задумчиво созерцая при этом прозрачные воды Тургояка. Какие образы кружили вальсы в эти минуты в его голове? Кто теперь узнает, говорят, этого дядьки с задумчивой музыкальной душой уже нет в живых. Светлая память.

Лет через десять-двенадцать я, благодаря удивительному стечению обстоятельств, повстречал его ученика саксофониста с женой гитаристкой-вокалисткой в славянском этническом эко-поселении Краснодарского края на реке Жане. Впрочем, это совсем другая история.

Итак, вернёмся к воспоминанию о реальном уикенде на Тургояке во сне. Был то ли поздний вечер, то ли ранняя ночь, сияние далёких звёзд с лунным светом нежно отражалось в зеркале Тургояка. И мне так отчаянно нравилось, как пели все эти прекрасные, слегка пьяные, творческие люди, что хотелось слушать ещё и ещё.

Я был не один, ведь кто бы меня тогда пропустил на эту закрытую вечеринку музыкантов. Провела меня туда прекрасная Полина С., преподаватель игры на фортепиано и концертмейстер из Л. Нас связывали платонические, но исключительно романтические отношения длиной в несколько лет. Она была замужем за другим Ярославом, надо же какие бывают в жизни совпадения. Я тоже постоянно был в отношениях с девушками. Вообще в пору моей молодости я редко бывал один. Этаким бонус от смазливой внешности, который, в общем-то, непонятно ещё чем больше является, благословением или проклятием.

Впрочем, наивность, смазливая внешность, как и всё остальное, осталось в далёком прошлом, отсечённые хладнокровной дланью всеуничтожающей, эсхатологической любви по типу Армагеддона. Любви, так красиво спикировавшей на мою голову кармическим бумерангом, в награду за все мои предшествующие подвиги.

До этого чувственного апокалипсиса я уже не раз расставался с девушками, или они расставались со мной. И все эти расставания я не чувствовал в основном ничего. Иногда обиду от того, что меня бросили, иногда досаду, что потерял что-то важное. Впрочем, всегда находился новый клин, чтобы вышибить старый, и всё снова становилось ок. А потом случился конец света/начало тьмы, и всё перестало быть тем, чем являлось десятилетия до этого. Впрочем, это совсем другая история.

В описываемое знойное лето я и представить себе не мог все эти чувственные перипетии, уготовленные в будущем судьбой, поэтому просто наслаждался теплом, молодостью, безоговорочной верой в себя и свою звезду.

На следующий, после ночного концерта день, Полина уехала с родителями в Миасс, а я остался на «серебряных песках». Немного собравшись с мыслями, я решил пройти пешком весь западный берег Тургояка, чтобы выйти у «Феди Горелова» на дорогу, и оттуда — прогуляться пешком на Динамо, откуда не составляло труда добраться в любой район города на общественном транспорте.

После преодоления с небольшими проблемами болотины на северо-западе озера, я ожидаемо оказался у «острова веры», от которого меня отделяла лишь небольшая полоска Тургоякской воды. Я слышал когда-то от динамовских друзей, что летом на остров можно легко перейти вброд и в соответствии с этим сомнительным руководством, подошёл в самом похожем на брод месте к воде, зачем-то закатал штаны, после чего пошёл по воде навстречу острову.

Я потихоньку шёл, а вода всё поднималась и поднималась. Лишь спустя несколько лет от более осведомлённых людей мне стало известно, что далеко не каждый год и месяц там можно пройти. Верней гораздо чаще нельзя, чем можно. Но я был смел и глуп, поэтому просто шёл вперёд. Я и сейчас смел и глуп. Некоторые вещи не меняются.

Когда чуть меньше половины пути было пройдено, вода дошла до ноздрей, и мне пришлось остановиться. Несколько минут у меня ушло на раздумья о том, что делать дальше. В момент, близкий к когнитивному тупику, передо мной проплыла лодка с археологами или кем-то вроде того. У этих ребят была стоянка на острове, и они что-то там раскапывали. Это были молодые парень и девушка, счастливые, светловолосые, светлоглазые, и очень хорошие. Они благородно предложили подбросить меня до острова на своей лодке. У меня не было ни одной причины отказываться, поэтому я сказал: «yes, for sure, please», и они подгрести к моей импровизированной водной стоянке. Я крепко схватился за борт лодки, подтянулся на руках и с некоторым трудом (тело было по ноздри в воде, и ещё у меня был довольно тяжёлый, успевший подмокнуть рюкзак с палаткой, спальником и всем прочим) забрался внутрь лодки.

На самом острове меня ничего особенно не поразило. В его центре, там, где находится та самая пещера, где кто только не жил — и отшельники, и члены царских семей, и священники, там, где на горе торчит огромный металлический крест, мне стало нехорошо. У меня было чувство, что это кладбище. Но не такое кладбище, куда мы ходим, чтобы почтить память предков. Не кладбище, где спокойствие и свет, а кладбище вроде братской могилы. Я стоял на земле, которая была полна криков боли, страданий и других мрачных, демонических эмоций людей, которые были очень несчастливы на этой земле. Не только земля, но и воздух вокруг были наполнены эманациями их физических, астральных и ментальных страданий. Людей было не так, чтобы очень много, но и не так, чтобы мало. Мёртвых. Живые тоже были.

На северо-западном берегу была стоянка археологов. У пещеры тусовались туристы, человек может пять. А на юго-восточном берегу полным ходом шла подготовка к какой-то мажорской свадьбе, приплывали гости, жглись костры, готовились шашлыки, хотя весь остров был буквально утыкан и увешан табличками о том, что костры жечь нельзя, палатки ставить нельзя, и вообще ничего нельзя, кроме как гулять, потому что, дескать, это особо охраняемый объект. Россия, наши дни. Есть деньги — можно то, чего нельзя, если денег нет. Впрочем, почти во всех странах Азии, где я успел побывать, кроме, пожалуй, Китая и Камбоджи, та же история. Да в принципе и в Европе — плати штрафы и делай что хочешь. Разница тут только в размерах штрафов и в том, кто их получает — частные лица или государство. Впрочем, оставим политику в покое.

Во время посещения острова меня всё время одолевали мысли, зачем люди толпами плавают и ходят на этот могильник. В ходе размышлений я в какой-то момент оказался на южной стороне острова. Там была уже совсем другая энергетика — света и добра. Присев отдохнуть, я увидел два очень древних менгира.

Удивительно, как на таком маленьком клочке земли могут соседствовать такие разные состояния, в центре был один лишь эмоциональный мрак, на востоке — грязь и шум, на юге — свет и счастье, на западе — тишина и спокойствие.

Наконец небольшой, но очень знаменитый остров Веры был полностью измерен моими шагами, и настал момент возвращаться. Никаких лодок вокруг не было, и я пошёл примерно в том же месте, где пытался пройти, когда шёл на остров. С этой стороны озеро становилось глубже намного быстрее. Но я помнил, что в первый раз прошёл примерно половину пути, стало быть до того места было не так уж далеко. В какой-то момент вода скрыла меня с головой, и шагов десять-пятнадцать над водой были только мои руки от локтей или даже одни кисти и рюкзак. Это было прикольное и очень необычное ощущение подводной прогулки вприкуску с адреналином.

Я вышел на большую землю, разжёл костёр и подсушил себя и вещи, какие-то невысокие, немолодые и несмелые, но зато мудрые люди тем временем тоже хотели пройти по воде на большую землю. Я показал им уровень воды, о котором они спрашивали, и они пошли искать лодку.

В этот раз, во сне, когда вода дошла до носа, я отчётливо вспомнил ту прогулку вокруг Тургояка. Вместе с песнями у ночного костра, вместе с саксофонистом у берёзки, вместе с прекрасной Полиной и ночным небосводом, щедро усыпанным яркими летними звёздами.

Я подумал, что могу также прогуляться с рюкзаком над головой, а головой под водой, но во сне у меня с собой была зеркалка, телефон и деньги. Я решил поберечь сновидческие ценности и гаджеты, вследствие чего повернул к верховью реки. Откуда-то появился маленький мост, перекинутый через реку, и я пошёл к нему.

В этот момент я осознал, что со мной всё это время, и по берегу, и по реке шёл мой сосед с четвёртого этажа динамовской квартиры Костя С. Пока я карабкался, забираясь на мост, он помог мне с рюкзаком. После я тоже помог ему залезть на мост. Я ощущал, что он мой настоящий друг.

Сон 3

До этого мне снился ещё один сон. Он был исключительно эротического содержания, поэтому о нём совсем кратко, да и честно говоря, его почти не помню. Главной его героиней была дизайнер и художница Лена С. В реальной жизни она была единственной женщиной, которая когда-то грозила обучить меня тёмному искусству БДСМ. По факту же

это оказался чистый маркетинг, и всё её БДСМ ограничилось несколькими шлепками по попе. Что сказать, я был молод и глуп. Молодость уходит, и это необратимо. Насчёт глупости — возможны варианты. В моём случае, думаю, мало что изменилось.

Во сне Лена С. была молода и красива, на лицо её спадала иссиня-чёрная густая длинная скошенная чёлка. Нас отправили вместе, как дизайнеров в командировку в Москву и поселили в одном номере вдвоём. Кровати были раздельными. Она лежала на своей в непринуждённой позе и ещё более непринуждённой, ультрапрозрачной одежде. А я ходил по номеру в одних трусах и думал о том, почему она ко мне до сих пор не пристаёт. Да-да, именно так я и думал во сне.

Но потом всё случилось, а потом ещё и ещё. Да ещё как. И я, в конце концов, осознал, что это была демонстрация стратегии выживания, сдерживания, ненападения.

После этого сна я поинтересовался, как её реальные дела. Она была удивлена, ведь мы несколько лет вообще не общались, и ответила, что совсем недавно, 22 февраля, родила сына и дела её по этой причине лучше всех.

Впрочем, в этом сне она была не очень похожа на себя, но я твёрдо знал, что это она. Лену С. я никогда не видел в реальной жизни ни такой молодой, ни такой красивой, но в том сне она была чертовски хороша.

Почему она мне приснилась — не знаю. Хотя это же сон, Костика С. я и вовсе не видел лет, наверное, семнадцать +/- год-другой. Столько же и не вспоминал. Правда его мама около года работает у нас в университете в гардеробе. Мы с Костиком много времени проводили вместе в 90-х, когда жили на улице целым двором, играли в футбол, «прятки», «банку», «сифу», «съедобное-несъедобное» и всякую прочую хрень, которой лишены современные, обогащённые гаджетами и разными игрушками дети. Мне иногда кажется, что вся эта хрень и есть настоящее детство. Хотя сложно сказать что-нибудь определённое о ком-то, не пожив в его собственной шкуре. Говоря словами «Depeche Mode»: «try walking in my shoes». Ленка — человек из моей золотой юности, здоровья ей и всей её семье. Костику С. тоже счастья и здоровья.

Впрочем, не могу сказать, что он был мне прям друган, более того, наши с Костиком семьи всё время что-то не могли поделить. Их семья жила этажом ниже, в обеих семьях было по два сына, дочерей не было, и это были ну очень контактные (все со всеми постоянно общались) и очень бедные девяностые.

Ещё был один чувак, который жил до нас в этой квартире с семьей по имени Мишка В. Однажды этот странный парень зачем-то плюнул вниз с моего балкона на голову старшего брата Костика, Жени С. На тот момент в этой квартире уже жила моя семья и Мишка был в гостях.

И вот, брат Костика, Женя, охотился за мной с благословения своих родителей несколько недель или месяцев, правда так и не поймал. Он был года на 4 старше, и я от него убежал. Только потом я узнал и осознал, что за ерунда приключилась от самого Костика. По версии семьи С. именно я плюнул Жене на голову, а потом струсил и стал гаситься. Они, вероятно, до сих пор думают, что я — тот самый верблюд.

Надо ли говорить, что я бы никогда до такого не додумался. А вот гений Мишка — easy. Меня, правда, подставил. Впрочем, он всё время кого-нибудь подставлял. Бывают такие косячные люди. Хотя он не был плохим человеком, напротив — был открытым и простым. Но мог что-нибудь такое учудить — ни лечь, ни встать. Когда у него первого появилась приставка денди, мы целыми днями играли в «танчики» втроем с моим соседом Андрюхой К. Игровую приставку Мишке купила старшая сестра, Юля В.

Юля приходилась ровесницей Жене С., но в отличие от него тусовалась с рокерами и по этой причине была очень классной, а ещё — милой, доброй и красивой. Юля слушала «метлу», «гансов» и всё такое. А мы слушали всякую попсу — «ace of base», «dr. alban», «2 unlimited» на кассетах, «modern talking» на пластинках и всякое прочее сомнительное музликшко из девяностых.

Позже Юля стала директором ДК на Строительном. Мы узнали это, когда оказались с нашей бывшей рок-группой (все с того же динамовского двора, кроме барабанщицы-балерины-танцовщицы гоу-гоу, да-да, именно такая карьерная лестница была у девушки Ники) у неё, Юли, в директорском кабинете. Это было спустя лет десять, после эпизода с оплёвыванием Мишкой брата Костика. Мы тогда искали место, где могли бы репетировать и играть старый добрый хэви. Место мы в итоге нашли на конечной остановке машгородка в подвале магазина, где репетиционную точку держали молодые музыканты. Помню из них только доброжелательного худого гитариста с погремухой «гусь», который очень круто играл на гитаре, но не считал зазорным при этом подыгрывать нам на барабанах, хотя был гораздо лучшим музыкантом, чем все мы вместе взятые. Ещё помню надменного барабанщика-мультиинструменталиста. «Гусь» любил пить пивас и рассказывать про свои похождения в сетевом «fallout», как он мочил всяких чуваков из «сника».

Помню шумовые рвотные массы, выливающиеся из большинства очень маленьких, худых и агрессивных мальчиков, которые там репетировали. Выглядело среднестатистически это так: собирались дети лет 16 примерно вчетвером, арендовали ту же студию, что и мы, на час-два, включали электрогитары на всю громкость, что-то в них шумели безо всяких там «palm muting'ов». При этом самый агрессивный и закомплексованный мальчик орал в микрофон что-то феерически бессмысленное. Я запомнил лишь несколько слов из этих бесчисленных

юных шедевров. Там было что-то в духе: «Мясо. Мясо. Мясостееееееп. Гниют трупы. Повсюду плоть, мозги, мясо, мясо, мясо, мясостееееееп» ...

А ведь у этих тщедушных ребятишек наверняка полноценные семьи с мамами и папами, всегда есть что надеть, что покушать, во что поиграть. Удивительно, насколько счастливое, наполненное всевозможными материальными благами детство может изуродовать душу и психику подростков. Казалось бы, ещё немного материальных благ и ещё чуть-чуть либерализма, и эти дети будут ходить в школу с дробовиками и автоматами, как их американские коллеги по деградации.

В наши нищие восьмидесятые и девяностые таких маньяков попросту бы убили сверстники ещё где-нибудь в детском саду. В качестве инструментария естественного отбора. Или где-нибудь в Индии, Вьетнаме, Таиланде — такие люди просто не дожили бы до возраста, в котором они могли бы извергать из себя всю эту протухшую кашу из ненависти и злости. Стоит ли удивляться, что светлый парень гусь с большим удовольствием играл с нами на барабанах «Deep purple», «Led zeppelin» и «Iron maiden». После многочасовых сеансов прослушивания творчества местных антиэльфов, мы, наверное, казались ему чистыми и прекрасными детьми света.

Впрочем, надо заметить, что с тех пор прошло много лет, и что-то сильно изменилось в головах детей. Государство что-то сделало с ними, и теперь они спортсмены, не курят, не пьют и больше не скрипят про мясостепь. Отличный менеджмент, господа, респект.

А Юля В. и спустя десять лет была очень красива, мила и добра, как и подобает тру-рокерше. Почему с репетициями в ДК на Строительном не срослось, я уже не помню, вроде там не было ударных. А может — случился ещё какой-то декаданс. Но что я отчётливо помню — это то, что Юля В. была всё также прекрасна и внешне, и внутренне, и что она очень искренне хотела нам помочь, даже став директором ДК.

Последние два фрагмента сна помнятся мне довольно смутно, а вот первый был вполне себе волшебным. Особенно «Чёрные кудряшки» Пикуля и белокаменные спины бронтозавров, обращающиеся под закатным солнцем в волны янтаря.

Меня изрядно печалит то, что сочные мазки красок, описывающие чувственную поэзию, к концу повествования превратились в скупую прозу описания воспоминаний из детства. Но так уж случилось. Yaracak bir şey yok. Что тут скажешь, начало довольно часто бывает за здравие, а конец — слишком часто за упокой.

Disturbed – I'm alive

Кипелов – Реки времён

Nightwish – Deep silent complete

Kate the cat – I was made for loving you
Nightwish – The kinslayer
Theory of a deadman – Santa Monica
Beethoven – Symphony № 3 in E-flat major, op. 55
Five finger death punch – Far from home
Within temptation and the Metropole orchestra – The promise

#Chapter 15
Сон 28.03.2016

Сон довольно банальный, но в нём было два интересных момента. Первый — в нём было три Кургаевых практически одновременно, но они были не знакомы друг с другом. Второй — в нём была пара, девушка и парень, которая стремительно утратила свою внешнюю привлекательность под воздействием негативного общественного суждения.

Итак, мы перевозили какой-то шкаф. Шкаф был старый, дрянной, и самое место ему было на помойке, но мы сначала перевозили его в пункт Б из пункта А, а затем назад — в пункт А из пункта Б. Зачем не знаю, но так было нужно. Пункт А был квартирой на проспекте, где я сейчас живу, пункт Б был квартирой в доме на пересечении Романенко и Орловской, на верхней стороне, если идти в сторону парка (там ещё магазин «Алёнка», или что-то в этом духе). В этом доме во сне жили наши родственники по отцу из Карабаша.

Мы подъехали к пункту Б на машине, чтобы забрать шкаф. Мой брат Вовка вышел по каким-то делам. В машине осталось трое: я, кто-то, похожий на Василя К., заведующего кафедрой автомобилестроения и еще одна девушка. По дороге вверх поднималась забрызганная грязью, нет, не забрызганная, залитая грязью, Ока. Её вёл симпатичный парень, а рядом с ним сидела девушка удивительной красоты. Иссиня-чёрные волосы двумя симметричными длинными прядями спадали вдоль скул на её тонкое лицо, а огромные глаза светились потрясающим неземным светом. Она была внутри Оки, в тени каких-то объектов, вокруг была одна лишь грязь, но было такое чувство, что сияние её красоты освещает весь окружающий мир. И меня вместе с ним.

Тут начал говорить К. Верней какое-то симбиотическое существо из К. и Кургаевой. Они говорили, что эта девушка — падшая женщина, потому что её постоянно привозят или увозят.

Где-то в это время мимо вверх проехала или прошла вторая Кургаева с компанией. Она остановилась неподалёку. Это было чуть повыше по Орловской, у общежития музыкального училища. Я подумал, что неплохо было бы пойти поздороваться и ответил, что знаю девушку Таню К., которая не падшая, но которую все время кто-то привозит или увозит, имея

ввиду при этом третью Кургаеву. Все три Кургаевых жили отдельно друг от друга и никак не отождествлялись моим сознанием.

Василь К. и Кургаева тем временем говорили и говорили о том, какая это падшая женщина, и сам мир вокруг меня начал темнеть, сереть и блекнуть. Девушка и парень тем временем вышли из Оки, и, очевидно, внешняя враждебность мира была премного сильнее их, потому что за те жалкие пару минут, за которые они поднялись вверх по Орловской до нашей машины, от их красоты не осталось и следа.

Метаморфозы были стремительными и ужасающими. Девушка превратилась в обрюзгшую пухлолицую замарашку, глаза ее стали тусклыми, серыми и маленькими, волосы тоже как-то подвыпали и посерели. Я смотрел на неё, и мне хотелось плакать от этой стремительной смерти, от этого нелепого и неотвратимого увядания. Её спутник превратился в низкого толстяка с крохотными серенькими сальными глазёнками, трусливо скрывающимися за пухлыми щёчками.

Как-то осунувшись и сам, я присоединился к брату, забыв о всех трёх Кургаевых и волшебной красотке, превратившейся в некрасотку. Мы спустились в квартиру, где был злополучный шкаф. Квартира была как будто в подвале, домофона в ней не было. В прихожей меня встретила не сгоревшая, но молодая и живая сестра Таня Т. Она улыбалась. Рядом была вторая сестра Ольга Т., но я смотрел только на Таню. Причем смотрел не прямо, а через огромное зеркало, прислонённое к северной стене прихожей. Я думал о том, какая она стройная, милая, и почему-то живая. Я смотрел на неё в зеркало, а она на меня из зеркала. Я спрашивал её глазами, почему она молода, красива как никогда в жизни и самое главное — жива, а она лишь молча и печально улыбалась.

Я как-то залип, Вовка тем временем уже прошёл за шкафом, и я стремительно пошёл следом, забыв разуться. Когда я уже прошёл весь длинный коридор, то понял, что надо разуться. Разулся. Тётя Ира Т. сказала что-то вроде: «А чего не в спальне разулся?» Я извинился и отнёс обувь к входной двери. В тот момент, когда ботинки коснулись пола, я проснулся.

Проснувшись, я подумал о том, что превращение красоты в уродство под воздействием недобрых речей означает потребность оградить себя от общения со злыми, тёмными людьми, другими словами — соблюдать йоговский принцип чистоты ушей.

Три неотожествляемые Кургаевы никаких ассоциаций пока не вызывали, кроме интереса к этому состоянию неотожествляемых личностей людей. Интересно, каково это, не отождествлять людей из их прошлых и настоящих образов, поступков, мыслей, слов, не проецировать на них свои образы и идеи, а, наоборот, в каждой новой ситуации воспринимать человека как новое существо. Этаким спонтанный эффект памяти рыбы.

#Chapter 16

Сон 01.04.2016

960-961. Динамический портрет

В этом сне было несколько интересных моментов. Живой динамический родовой портрет, вырубленное электричество, остановившее транспорт, ослепительное солнце и туман из разлитого солнечного света, 960-961.

Начался сон в какой-то квартире. Ощущение было очень знакомого интерьера и психоэмоционального состояния в целом. Хотя сейчас, когда я вспоминаю убранство сновидческого жилища, то не могу сказать точно, что это была за квартира. Такое ощущение, что это была квартира из многосерийного, растянутого на годы жизни сновидения. В ней было три человека: я, моя родная бабушка и девушка. Девушка была моей первой любовью — Леной Х. В той квартире сначала она была какая-то размазанная, но по ходу сна всё сильнее и сильнее проявлялась и к концу сна стала очень плотной, чёткой и внешне — абсолютно и идентичной оригиналу.

Лена крайне неспешно собиралась куда-то, а я тем временем занимался своими делами. Наконец, она оделась и позвала меня. Из видимой одежды на ней были высокие кожаные чёрные сапоги до колена, и достаточно безликий песочный приталенный плащик.

Лена очень медленно, как будто я тормоз какой-то, произнесла речь о том, что Лена А., медсестра, уехала куда-то, и она, первая Лена, останется в квартире медсестры на ночь, и она ооочень хочет и рассчитывает на то, что вечером я приду к ней. Её маме, а её мамой почему-то была мама Ани Г., нужно было срочно (до завтра) сделать трёхмерную сборку, и Лена Х. ожидала, что я помогу ей. Мало того, что она произносила всё это патологически медленно, она ещё и повторила эту информацию несколько раз. Когда она убедилась, что я точно всё понял, она вышла из квартиры, озорно, с чертовской улыбкой подмигнула мне и закрыла дверь.

Мне, честно говоря, не особенно хотелось куда-то ходить, чтобы выполнять там какие-то непонятные проекты. Я был ленивый, как и в несновидческой жизни, и ещё было такое состояние или ощущение... Моё тело перемещалось и совершало какие-то действия, но монументальная часть меня пребывала в абсолютном покое, и выход из этого покоя не был тем, чего я хотел. Ментальное состояние было тоже довольно специфическим, но не таким специфическим, как телесное, и мне сложно описать и даже понять, в чём была специфичность, пожалуй, могу сказать,

что разум был слегка затуманен чем-то желтоватым и мягким. Ммм... наркотики?

Как бы то ни было, похоже на то, что у меня не было свободы выбора в данной ситуации, поэтому я довольно быстро оделся и вышел из дому. Сразу при выходе из дома, я обнаружил себя на проспекте в районе «Перчика», как будто вышел из этого самого маленького дома с квартирами-сталинками, где расположена упомянутая пиццерия и ещё с десяток разных контор, магазинов и офисов.

На улице было очень специфичное состояние окружающей среды. Солнечно? Туманно? Наверное, так солнечно и туманно будет, если смешать фильтры мягкий свет и освещение в фотошопе. Мир был буквально залит светло-блестяще-жёлтыми потоками света. Куда бы я ни посмотрел, всюду местность как бы просвечивала сквозь этот искрящийся туман из света. Слова всё равно из рук вон плохо передают то состояние, которое я ощущал во сне и хотел описать на бумаге, но язык мой скуден, и я хотя бы попытался.

Я подошёл к проспекту, пешеходный переход был там же, в районе «перчика». На проспекте было много транспорта, но он был недвижим. Прямо перед переходом стоял огромный просвечивающий сквозь туман из света троллейбус, чуть поодаль, на второй полосе, стояла легковушка. Весь транспорт во всём пронизанном туманом из света городе стоял. Была мысль, что стояние транспорта на реке Угре возникло из-за того, что в городе отключили электричество, хотя это не объясняет стационарность легковушек. Но во сне вроде как объясняло. Может быть, не было какого-то другого атрибута, который обеспечивает движение городского транспорта. Трения?

Приподняв солнцезащитные очки с глаз на лоб, я быстро пересёк проспект по пешеходному переходу. На противоположной стороне, там, где находится остановка, стояла моя школьная учительница по биологии Лариса Львовна Э. Волосы её были, в отличие от реальности, чёрными и вообще она выглядела как-то странно, но я был уверен, что это она. Лариса Львовна из сна меня не узнала, и я пошёл дальше. В районе бывших канцтоваров, я встретил соседку по лестничной площадке Любу с коляской, и поздоровался с ней. Моё приветствие вытолкнуло её из каких-то глубоких размышлений, она одёрнулась, улыбнулась, тихо что-то пробурчала в ответ и пошла дальше.

Где-то в это время я набрал телефон Лены Х., чтобы уточнить, чего именно она от меня хочет на квартире второй Лены. Первая Лена рассказала, что её маме, которой была мама Ани Г., завтра нужно сдавать конструкторский проект — сборку и технологический проект — технологию изготовления деталей сборки, но она ничего не хочет делать, т.к. она — важная начальница. Поэтому мама Лены/Ани поедет в Златоуст

играть в «сокровища пиратов», сборку меня попросит спроектировать Лена, и я её спроектирую, а технологию сделает кто-то в Златоусте. Я стал говорить ей по телефону, что всё это мне вообще не нравится, что пусть сама работает, а не играет в пиратов и всё такое. Лена стоически всё выслушала, сказала, что ждёт меня, и разговор на этом закончился. Типа: «Муся, не бузи». Меня слегка раздражало то, что мама Лены/Ани, важная начальница, не хочет ничего сама делать, а запрягает других людей, одним из которых был я, и намного сильнее раздражало то, что я, очевидно, находился во власти Лены и не мог отказаться.

Тем временем, пространство плавно преобразовывалось под сновидческими шагами, и вот уже прямо передо мной проявился дом второй Лены (медсестры). Вообще, реальный её дом находится, если идти по проспекту в сторону вокзала, прямо перед площадью с вечным огнём, администрацией и универмагом (последняя пятиэтажка перед пустырём). Но во сне Лена А. жила в доме на перекрестке Ферсмана и проспекта, там, где находится «Дикси», банк, кафе и ещё какие-то магазины. Во внутреннем дворе волшебный свет из тумана куда-то исчез и на смену ему пришёл сочный влажный полумрак, хотя был ещё день, потому что я проснулся утром, и ничего больше, кроме как одеться и пойти к Лене, не делал.

Я был уверен, что помню, где живёт Лена-медсестра, потому что неоднократно бывал у неё на массаже, но почему-то я не узнавал ни дом, ни подъезды, ни этот влажный полумрак. Посмотрев в телефоне запись про Лену, я увидел там номер квартиры 960. На доме доброжелательно присутствовали таблички с интервалами квартир в подъездах, где-то ближе к концу дома была последняя подъездная дверь, которая казалась закрытой, и табличка около неё гласила, что квартиры здесь заканчиваются на 128.

Сейчас, когда я описываю этот сон, я понимаю, что даже 128 квартир как-то многовато для небольшого дома, не говоря уж о 960, но во сне меня ничего не смущало, кроме того, что была закрытая дверь, а перед ней квартиры заканчивались на 128.

Я позвонил Лене, чтобы прояснить ситуацию. Она сказала, что находится в самом последнем подъезде за закрытой дверью. Прямо в этот момент дверь, блокирующая остальной дом от меня, открылась, и мне ничего больше не оставалось, как войти в неё. Я спросил у Лены номер квартиры, куда мне нужно подняться. Она ответила, что не помнит. Я попросил её выйти в подъезд и посмотреть номер квартиры. Она ответила, что так и сделает и начались минуты ожидания ответа с телефоном около левого уха.

Во время ожидания, передо мной открылось аккуратно убранное пространство наподобие холла на первом этаже здания. Вокруг не виделось и не ощущалось ни души, хотя заходил я в очевидно жилое помещение. На стене холла висел необычный портрет. Изображение на нём было объёмным, многомерным и присутствовало ощущение, что он вообще не из

этого сна, а то и вовсе не из этого мира. На портрете была изображена бывшая хозяйка либо всего дома, либо большей его части.

Женщина на портрете была совершенно неопределённого возраста. Мыслей о её привлекательности или непривлекательности не возникало, но портрет меня очень заинтересовал. Я смотрел на него продолжительное время, и, под моим взглядом, хозяйка дома постепенно и плавно превратилась в сморщенную старушку. Ниже лица появилась надпись: «Святая Тереза».

Совсем недавно был похожий сон с превращением внешности под воздействием мнений и суждений окружающих людей. В этот раз под воздействием пристального взгляда. Этакая серия превращений во снах.

После того, как хозяйка дома без возраста превратилась в старушку Терезу, портрет перестал меня интересовать, и я переключился на старинный раритетный стеклянный шкаф. В нём была различная посуда, в основном стеклянная и фарфоровая. Обычно посуда в таких шкафах выглядит как мусор, но только не эта посуда и не в этом шкафу.

Каждый предмет в нём, как и сам шкаф, были произведениями искусства. Посуда сначала выглядела бесформенными тёмными пятнами, но, когда я начинал пристально её рассматривать, она превращалась во что-то похожее на цветы со сложными узорами, орнаментом и конфигурацией. То есть посуда превращалась в цветы из фарфора или стекла, оставаясь при этом посудой. Мало того, что эти проявившиеся цветы могли выполнять все функции первоначальных шаблонов посуды, так они ещё и служили хранилищами каких-то стихийных энергий, которые жили и вращались разноцветными змеями прямо внутри стекла и фарфора.

Всё это время я стоял и ждал, пока Лена назовёт мне, наконец, номер своей квартиры. Я начал возбуждённо высказывать в трубку своё недовольство и все говорил и говорил, она спокойно сказала мне, чтобы я не кричал, она была в душе, а номер квартиры 961, не 960, как было записано в телефоне.

Я поднялся на второй этаж, постучал в квартиру 961, она сразу же открыла. Тут, я, наконец, смог как следует разглядеть её окончательно проявившееся в этом сновидении тело. Она обладала всё такой же удивительной фигурой с осиной талией и округлой попкой. Пожалуй, её фигура во сне была даже чуть более женственной. Загорелая шоколадная кожа Лены была ещё влажной и горячей после душа, и эта влажная горячая кожа была совсем чуть-чуть прикрыта в самых аппетитных местах ослепительно белоснежным нижним бельём.

Я по инерции пытался ругаться и ворчать, но она закрыла дверь, мягко взяла меня за руку и повела в дальнюю комнату с большой кроватью. Квартира была приятно освещена мягким желтоватым светом, совсем не похожим на радужную жёлтую плазму на улице, внутри всё как-то

потеплело, и я стал думать о том, какая она сексуальная с этой мокрой загорелой кожей в этом белье цвета свежесвыпавшего январского снега.

Тем временем, она, улыбаясь, подтолкнула меня на кровать, стала снимать с меня одежду не торопясь, но быстро и методично, покрывая открывающиеся участки тела вязкими поцелуями. Её взгляд при этом был тёплым, тягучим и дерзким, а губы постепенно расстреливали подобно снайперу все самые потаённые и эрогенные участки моего тела. От всего этого потока нежности и чувственности я настолько растаял, что пришло какое-то понимание готовности не только сделать её маме трёхмерную сборку, но и попутно ещё решить какое-нибудь дифференциальное уравнение, написать сочинение на 24 страницы, а после — испечь черничный торт.

И в этот момент я проснулся. Нет, чтобы на часик-другой попозже.

#Chapter 17

Сон 18.04.2016

Ангел в ночи

Сон 1

Сегодня мне приснился сон, в котором я увидел удивительное светящееся существо. Существо было лишено гендерности, но оно было прекрасно. Наверное, подобные существа христиане называют ангелами.

Поскольку этот эпизод был, безусловно, квинтэссенцией сего сна, с него и начну. Перед ним была серия довольно интересных снов, и чтобы не забыть, я несколько раз хотел их записать. Таким образом, дважды во сне, ещё до ангела, я видел то, как записываю сны. А потом ещё два раза я видел во сне уже то, как описываю сновидение с существом более высокого порядка. В итоге я забыл почти всё, кроме самого яркого фрагмента сновидений.

Итак, после того, как в очередной раз увидел сон о том, как записываю сон, я обнаружил себя в комнате с большим панорамным окном. Квартира, где я находился, располагалась на последнем этаже дома. Окно было действительно большим, едва ли не во всю стену. Снаружи царил тёмная, как сама чернота, ночь. Окно выходило на крышу соседнего здания. Поскольку было очень темно, снаружи виднелись лишь силуэты атрибутов, характерных для большинства крыш — трубы, антенны, какие-то торчащие палки.

Аллегория с тьмой темнее тьмы избита и банальна, тем не менее, несмотря на окружающую темноту, по соседней крыше довольно хаотично перемещалось существо ещё темнее, чем ночь, парившая вокруг меня. Был виден только его силуэт, и он походил на силуэт человека. Вот только двигалось существо не как человек. Его движения были порывисты и

непредсказуемы. Пожалуй, именно так очевидцы описывают движение НЛО.

Я продолжительное время смотрел на фигуру и её метания. В какой-то момент мне надоело то, что я даже приблизительно не понимаю, какого рода это существо и почему оно так движется, поэтому я приказал ему открыться. Сложно представить, чтобы я мог отдавать распоряжения высшим сущностям, но ведь это был мой сон, наверное, именно поэтому в нём я мог приказать ангелу проявить себя. Почему бы и нет.

Итак, в тот момент, когда я отправил этот посыл, тьма с фигуры спала, и она начала стремительно превращаться в огромный по сравнению с тёмной фигурой, метров около семи-восьми в диаметре, шар. Шар переливался оттенками бело-янтарного света и как будто всё ещё расширялся, хотя внешне этого уже не было заметно. Внутри шара, как бы на ощупь, проступала фигура, напоминавшая человеческое существо.

В этот момент я вспомнил, что рядом со мной спали брат с мамой и зачем-то начал осматриваться, чтобы понять, где я вообще нахожусь. Помещение было просторным, габаритная мебель в нём отсутствовала, и мы лежали в метрах полутора друг от друга в чём-то, напоминавшем спальные мешки прямо на полу. Это была моя грандиозная ошибка. Я попытался разбудить их и показать им чудо, вместо того, чтобы начать общение с этим поразительным существом.

Пока я пытался разбудить родню, связь на уровне сознаний нарушилась, и существо превратилось в светящийся спутник, летящий над планетой. Такой прямо конкретный спутник, в центре его была массивная часть из цилиндрических и сферических сегментов, а по сторонам — две плоские части, похожие одновременно и на солнечные батареи, и на базовые поверхности, обтянутые паутиной проводов и заставленные большим количеством различных приборов.

Спустя какое-то время спутник разделился на два спутника, а потом я увидел нашу планету, покрытую удивительной сетью из живого мерцающего света откуда-то из космоса. На этом трансцендентное сновидение закончилось.

Мораль: если друзья или родня спит — не нужно стараться их разбудить. Они проснутся, когда придёт их время. Все трансцендентальные опыты специфичны и индивидуальны. Не нужно тащить туда тех, кому это неинтересно. С другой стороны, если они просят помочь именно тебя, то нужно помогать. Ведь не так уж и много у нас родных и друзей.

Второй важный вывод — нужно ценить, холить и лелеять тех людей, которые идут с тобой в одном направлении. Тех, кто проявляет своих ангелов в своих собственных спальнях мешках.

Самый первый сон из тех, что я запомнил, был в форме диалога с кем-то, кто убеждал меня, что Светка С. загубила свою карьеру. Вроде это был диалог со взрослой женщиной. Светка — это моя бывшая одноклассница. В старших классах у нас была маленькая банда. Хотя пока писал, задумался о том, насколько это правда, была ли вообще банда, и кто был в ней. Так или иначе, было два парня — я и Женя Р., и две девушки Светка С. и Наташка П. Нас всё время садили друг с другом в разных комбинациях, но всегда мальчик-девочка, и мы как бы тусовались в школе. Так вот: Светка потом вышла замуж за Женьку, а тот из богатой семьи и всё у них замечательно. Но во сне этот кто-то утверждал, что жизнь ее не сложилась, потому что она не получила второе высшее образование. Я же в свою очередь говорил, что вполне ее жизнь сложилась и второе высшее ей вообще не нужно. И толку, в общем-то, от него почти столько же, сколько вреда. Да и у родителей её и Женьки Р. связей вполне достаточно, чтобы устроить благополучное будущее дочери или снохи. Больше из этого сна уже ничего не помню.

Сон 3

В третьем сне был доктор Лайтман из «Теории лжи», а я был тем кудрявым брюнетом дрищом Илаем. Мы куда-то ехали в грузовике, снова почему-то в кузове. Дорога в это куда-то пролегла через лес, и мы дюже как торопились. В один прекрасный момент мы поняли, что не так уж сильно торопимся, чтобы ехать голодными и остановились в залитой тёплым светом лощине, после чего слезли с грузовика и накрыли скатерть-стол прямо на траве. Ассортимент и качество блюд были весьма приличными, несмотря на полевые условия.

На дне лощины был кратер от взрыва снаряда около метра в диаметре и на дне его, не останавливаясь, крутился волчок, по форме напоминающий мой, но существенно больше — около пятнадцати сантиметров в диаметре. После длительного созерцания танца, созданного вращением волчка, я почему-то сказал Лайтману, что больше не могу ему доверять. Он спросил: «Но почему?» Я ответил, что не знаю почему, но не могу, и дело с концом. Nothing to do.

Дальше помню лишь отрывки

Помню, что опускался с кем-то в лифте, и у меня с этим кем-то был диалог, в котором проскакивали фразы «пони-лошадь», «лошадка-пони» и «кони-пони». Потом был летний двор, похожий на деревенский. И в этом дворе была маленькая коренастая собачка. Множество похожих собачек я видел в разных частях Алтая. Одну — у самого подножия Белухи по дороге в долину «семи озёр». Не знаю, почему именно на Алтае живут эти маленькие плотные собачки.

Так вот, собачка была такая коричнево-желто-рыженькая, добрая и улыбалась. Мне сказали, что я поеду на кони-пони, и я почему-то

отождествил собачку и кони-пони, только ехать верхом на коренастой собачке, как на лошади, мне совсем не хотелось из-за сострадания. Потом выяснилось, что кони-пони — это не собачка, а велосипед. Велосипеда было два, и основное различие их было в размерах. Тот, что был крупнее, предназначался мне, а второй — для кого-то ещё. Менее габаритный велосипед был с красивым изогнутым радиусным рулём, и я подумал о том, какой замечательный руль у этого чужого велосипеда. Зависть не дремлет.

Ещё был кусок, в котором кто-то повторял и повторял фразу: «бесик-лесик». А потом пояснил, что для того, чтобы перемещаться между порталами, нужно быть бесом. Что к чему тут, я не знаю, да и сильно сомневаюсь, что так уж необходимо быть бесом, чтобы перемещаться между порталами, разве что порталы — бесовские. Примерно в таких терминах и категориях я и размышлял во сне.

Ещё был эпизод, в котором какая-то девушка, увидев меня, сказала, что с бородой мне намного лучше, чем без бороды.

«Кони-пони», «бесик-лесик», волчок на дне воронки, борода и, разумеется, великолепное светящееся существо.

#Chapter 18 Сон 27.06.2016

Знаешь, бывает же чудо,
Знаешь, встречаются же люди,
Может, и ты тоже,
Может, и ты тоже.

Одна малоизвестная башкирская баскетболистка

Сон 1. Соло на одной струне

В этом сне я был на концерте Земфиры. Вообще — не так, чтобы фанат Земфиры, но сон есть сон. Она была молодая такая, пухленькая. Концерт проходил в тёмном небольшом помещении, вроде клуба. Вокруг были люди, много людей. Но они не пахли так, как обычно пахнет много людей. Атмосфера была необычно дружественной. Такую атмосферу я когда-то давно ощущал на концертах «Анафемы» в Москве и В. Кипелова в Челябинске. Такая атмосфера часто бывает на концертах «Мельницы».

Звуки были яркими и тёплыми. Пахло чем-то сладким и вкусным, вроде ванили. Земфира пела про девочку, живущую в сети, и играла соло на одной струне. Струна была 2 или 3. Вроде как 3. Соло было очень простеньким, я его запомнил, как есть. Правда не во сне оно звучит совсем

по-другому. И ещё там, во сне, я подумал, что вне сна оно будет звучать не так ярко. Но всё равно запомнил.

Игралась открытая 3 струна, потом хаммер на 3 лад, потом слайд на 17 лад, там проводка с вибрато, затем назад на 3 с вибрато на нём. После концерта, на котором меня неслабо расплющило, я оказался в Челябинске в чём-то вроде общежития. Жили мы там втроём — я, брат Вовка и мама, все на одном этаже, но в трёх разных комнатах. Я жил в последней комнате в крыле. В комнате была кровать и две гитары на стене: одна — «Gibson», вторую не помню. Я играл соло Земфиры на «Gibson'e» и на глаза наворачивались слёзы неадекватного сновидческого счастья.

Как-то внезапно я осознал, что пришло время ехать в Миасс, и мы сильно опаздываем (видимо на последний автобус) все втроём. Я второпях покидал все вещи в свой большой столитровый тряпочный красно-чёрный рюкзак «Урал», с которым я ходил на Приполярный опять же Урал. В те времена я ещё наивно полагал, что главное в рюкзаке — размер, а алюминиевые направляющие и жёсткая спинка, дышащая спина, нагрудные и поясные фиксаторы, а также треккинговые палки, термобельё, треккинговая обувь и прочие туристические прикамбасы — ненужная мажорская чепуха. Что же, первый же категорийный поход расставил всё по своим местам, где мухи, а где котлеты. Где — понты, а где — рационализм.

Впрочем, вернусь к сновидению. Столитровый рюкзак был оперативно заполнен моими вещами, осталась лишь красная мочалка, которая почему-то лежала на полу рядом с кроватью. Не знаю, почему я её не взял. Например, она могла быть не моей. Хотя, а чьей тогда? И ещё на стене на кронштейнах, висели две гитары, которые я собирался упаковать в чехлы в последнюю очередь.

Обычно в фазе бодрствования суетятся и торопятся все вокруг, кроме меня, но во сне беспокоился о том, что мы опоздаем на автобус я один. Мама жила в комнате с каким-то пожилым мужиком с как будто не очень славянскими тёмными длинными усами. Я поворчал на неё, а она ответила, что уже уезжала из Челябинска даже в полпервого-ночи. Я сказал ага, дескать, на такси то — конечно, и пошёл тормозить брата.

Время было полседьмого вечера, и я подумал, что мы уже опоздали, ведь никто ещё не собран. Вовка жил в третьей комнате между мной и мамой. Когда я зашёл, он вальяжно лежал на диване с тремя друзьями — Вадей, Диней и младшим матриксом. Компания обсуждала предстоящую тусовку, но, в отличие от матери, Вовка был полностью собран и готов возвращаться в Миасс.

Сон 2. Больница и погоня, зеркальный тоннель

В другом сне этой ночи я обнаружил себя в иностранной светлой чистой больнице с незнакомой женщиной. Между нами и какими-то мужиками, возглавляемыми блондином в красивом дорогом костюме,

случился рамс. Точнее у женщины были определённые претензии к этим мужчинам, и она им их высказывала, а те агрессивно возражали.

Вскоре незнакомцы пришли извиняться и принесли вкусные лепёшки, а также курицу в тесте в знак примирения. Я сначала не хотел брать еду, но потом согласился, поел и взял с собой в дорогу. Еда была очень вкусной, но что-то здесь было не так.

Мы спустились по лестнице, и вышли из больницы. Видимо, женщину уже выписали. Мы подошли к нашей машине, которая была припаркована недалеко от входа в больницу и уже открыли двери машины с тем, чтобы сесть и поехать, как вдруг из ниоткуда прогремел выстрел. Пуля попала в женщину. Мы как-то очень быстро прыгнули на сиденья и закрыли двери. В этот момент я, пожалуй, в первый раз внимательно посмотрел на свою соседку. Во сне мне очень не хотелось, чтобы ей причинили вред. И эта забота заставила меня присмотреться к ней внимательней.

Лицо моей соседки было размытым, расфокусированным, пахла она тёплой кровью и свежими валенсийскими апельсинами. У женщины было огромное количество кудрявых русых волос, уложенных в непонятную причёску, которая была в моде, наверное, когда-нибудь в 70-х. В машине на полу было немного её тёплой ароматной крови в области стоп, но лужа была очень маленькой, и я понял, что по этому поводу всерьёз волноваться не нужно. У нас были более серьёзные и срочные проблемы, потому что дядьки, с которыми у нас до этого случился конфликт, вооружились и стали стремительно материализовываться из всех пространственных щелей. Последним на верёвке вдоль стены, как скалолаз, спустился, стрелявший из снайперской винтовки, главарь-блондин в элегантном светлом костюме. Женщина бросила на него взгляд, наполненный гневом, импульсивно нажала на газ, машина рванула вперёд, вооружённые парни попрыгали в свои машины, и началась погоня.

Погоня была стремительной и поглощала абсолютный максимум доступного внимания. В какой-то момент на нашем пути появился зеркальный тоннель-пещера. Мы нырнули в него, сбросили скорость и аккуратно проехали между множеством зеркал, почему-то оказавшихся в этом тоннеле, по щедро залитой искусственным светом дороге. В тоннеле находилось множество рабочих. Они обслуживали зеркальные конструкции, что-то монтировали, сверлили, приворачивали. Когда рабочие увидели, как аккуратно мы проехали, не задев ни одно из зеркал, они заулыбались нам и стали приветственно махать руками. Судя по внешнему виду и звучанию фраз, которыми они обменивались друг с другом, я решил, что это мексиканцы.

Как только мы выехали из пещеры, в неё ворвалась погоня, которая разбила множество зеркал, чем жутко прогневала мексиканских рабочих. Те вмиг достали откуда-то оружие — короткие чёрные автоматы, похожие на

«Heckler & Koch», дружно и истово преклонили колени в молитве к Иисусу Христу, затем все вместе также дружно и крайне энергично вскочили на ноги, запрыгнули в свои мексиканские джипы, и бросились в погоню за погоней в надежде вкусить плоды с древа отщепенца.

#Chapter 19

Сон 7-10.07.2016

Гумми. Породы бегемотов. Лох серебристый

В этом сне я сдавал экзамен. Предмет был симбиотическим: в нём присутствовали разделы высшей математики, биологии и чего-то ещё. Всё в одном. Узнал я о том, что мне надо сдавать данный экзамен буквально за ночь до сдачи. Вообще процесса обучения не было, был сразу экзамен, непонятно в каком контексте. Принимающим являлся заведующий кафедрой, на которой я работаю, Антон П. Поскольку на подготовку отводилась всего одна ночь и непонятно было вообще, что это за предмет, я решил, что наверняка преподаватель сам толком не разбирается в этом смешении теории и практики, поэтому принял решение вместо сумбурной подготовки, как следует выспаться. Утро, как известно, вечера мудренее.

И вот настало то самое утро экзамена. Не так, чтобы очень раннее, может быть часов десять. Экзаменационная аудитория мне не напомнила ни одну из аудиторий, где я учился или преподавал. С другой стороны, она напомнила их все. Я сел примерно в середину дальнего от окна ряда. Всего их было три, и моя парта была третьей или четвертой от начала класса, из чего можно сделать вывод, что аудитория была небольшой. Впрочем, людей было приличное количество, т.к. набита она была почти под завязку. Студентами были мальчишки и девчонки, все молодые, лет двадцати от роду. Свой возраст в этом сновидении я не могу назвать даже приблизительно.

Выяснилось, что в билете по одному вопросу, теоретическому или практическому. Мне почему-то очень не хотелось, чтобы досталась «вышка». Странно, я всегда любил математику и вроде бы должен был наоборот желать скорее её, чем kota в мешке, но видимо в сновидениях у нас иные предметные предпочтения. Я вытянул свой билет и увидел в нём вопрос: «Что такое гумми?»

Надо признать, что в моём сновидческом разуме не содержалось абсолютно никакой информации о том, что же это за гумми, и с чем его едят. У меня с собой было два телефона и что-то вроде одеяла/пледа/пончо на плечах. Пусть будет одеяло. Я натянул его почти до самых ушей и полез в первый телефон (смартфон LG). На момент сна в нём закончился пакет с интернетом, и во сне я тоже знал, что интернета до конца месяца в этом телефоне больше нет.

Тем не менее, всё равно в него полез и «спалился». Подошёл П. и забрал телефон, чтобы я не списывал. Я подумал: «ну ладно, у меня же есть ещё один, а в том всё равно интернет кончился». Сделав этот очевидный вывод, я натянул одеяло почти до самой сахарары и полез во второй гаджет.

Вообще надо заметить, что когда я учился, смартфонов не было, а когда сдавал кандидатские, то всё учил. Таким образом, навык списывания из телефона у меня отсутствует как таковой. Собственно, это было даже не списывание, а банальное «спроси у Яндекса». Необходимо также уточнить, что во втором телефоне у меня интернета в реальной жизни нет. Верней я раз 100 пробовал из него выйти в интернет в поездках и путешествиях, и раза может два у меня это получалось. Это сверхживучий «Филипс», который в дни своей юности мог держать заряд по месяцу, но со всем остальным у него беда. А и ещё он обладает какой-то иррационально приятной тяжестью. Не знаю, в чём тут дело, может в аккумуляторе. Как бы то ни было, но в сновидческом экзамене у меня получилось выйти в интернет с телефона без интернета с головой, укрытой под маскирующим одеялом. Я успел узнать, что гумми — это одна из четырёх существующих пород бегемотов, а также переписать их характерные признаки и ареал обитания.

Собственно — это всё, что мне было нужно, поэтому я убрал телефон и спустил одеяло обратно на плечи. Мой лист А4 с ответом был заполнен примерно на три четверти. Я перечитал списанную информацию и запомнил её на случай вопросов с целью выяснения преподавом, списал ли я ответ или нет. Я сам так иногда поступаю. Таким образом, миссия была успешно выполнена. Виктория.

На следующий день я зашёл в несновидческий интернет, дабы узнать, что же такое гумми в системе знаний современного общества, может быть действительно одна из пород бегемотов. Интернет мне рассказал, что ныне живущие бегемоты представляют собой два вида: обыкновенный *Hippopotamus*, так сказать, *amphibius* и карликовый. Причём карликовый находится на грани вымирания, так как к своему несчастью обитает в трёх африканских странах, одна из которых Сьерра-Леоне, остальные две не помню. К несчастью — потому что во всех этих трёх африканских странах перманентная непрекращающаяся гражданская война, под косу которой попадают не только люди, но и животные, в том числе и симпатяги карликовые бегемотики.

Почему-то этот мир полон насилия. Современный, средневековый, античный. Без разницы. Всегда одно и то же. Всем постоянно нужно что-то завоёвывать — ресурсы, авторитет, власть. Иногда складывается такое чувство, что собственники большей части всех материальных благ этого мира нападают на другие страны и развязывают в них постоянные

революции, гражданские войны, геноцид просто от скуки или плохого настроения. Или может быть они просто не любят людей, не хотят делиться с ними воздухом, водой, астрально-ментальным полем. И почему так происходит тысячи и тысячи лет, почему постоянно возникают всякие македонские, наполеоны, гитлеры, цезари, кортесы — мне не удаётся понять. Вероятно, для этого нужно быть представителем какой-нибудь другой расы, жадной до денег и славы.

А вот гумми... Гумми оказался кустарником с ягодами. Сначала я подумал, что это китайская вишня. Или какой-нибудь барбарис. Но это оказался представитель семейства лоховых. Оказывается, есть такое семейство. И, оказывается, один из его представителей — облепиха. А второе название кустарника гумми — лох серебристый. Да-да, именно серебристый лох. Чего только не бывает на свете.

Выходит, моё подсознание говорит мне, что я серебристый лох?! Осталось только посадить лоха в саду, может быть так я смогу понять, что в данном случае хотело передать Mare Mediterranean моего подсознания.

#Chapter 20
Сон 15.07.2016

I'm so tired of being here,
Suppressed by all of my childish fears.
And if you have to leave, I wish that you would just leave,
Because your presence still lingers here, and it won't leave me alone.

These wounds won't seem to heal,
This pain is just too real,
There's just too much that time cannot erase.

When you cried, I'd wipe away all of your tears
When you'd scream, I'd fight away all of your fears.
And I've held your hand through all of these years,
But you still have all of me.

You used to captivate me, by your resonating light,
But now I'm bound by the life you left behind.
Your face it haunts — my once pleasant dreams.
Your voice it chased away all the sanity in me.

...

I've tried so hard to tell myself that you're gone,
And though you're still with me, I've been alone all along

...

My immortal. Evanescence

Сон 1

Я обнаружил себя во дворе дома по Готвальда 27, где прошла моя золотая молодость. Судя по общему настроению и атмосфере сновидения, шла война, хотя никаких боевых действий не наблюдалось. Вверх по двору медленно поднимался Иосиф Виссарионович в окружении небольшой группы людей. Когда он дошёл до меня, а я был в районе третьего подъезда, в котором собственно и жил, до меня донеслись слова товарища Сталина о том, что гитлер установил, якобы геббельс — еврей. Я не понял, были ли адресованы данные слова мне или кому-то ещё, поэтому переспросил вождя. Его лицо было вполне характерно и узнаваемо, тем не менее, вся фигура его была охвачена гало из света, тумана и дождя. Когда я задал вопрос, почему он так решил, вождь ответил: «Пойдём, покажу».

Мы зашли во второй подъезд на первый этаж в квартиру направо, где жила семья В. В квартире В., как это ни парадоксально, располагался

кабинет гитлера. Кабинет был заставлен различной мебелью, в нём находилось множество книг, ничего такого сатанинского не ощущалось, хотя и светлого тоже. Кабинет был трудовым и нейтральным. На столе, рядом с бронзовых оттенков лампой, мягко освещавшей окружающую обстановку, лежал «майн кампф».

Товарищ Сталин взял книгу, не торопясь полистал её и показал мне строки, в которых было напечатано высказывание о том, что у евреев гнилое семя, следовательно, они всегда слабы физически, ментально и духовно, из-за чего часто подвержены различного рода болезням. Рядом с данным высказыванием ручкой на полях вверх под углом градусов в тридцать рукой лидера фашистов было лаконично подписано: «Геббельс». Почерк был аккуратным и не вызывал никаких эмоций. После этого временной континуум нарушился, и мы переместились во сне в современный мир в этом же географическом районе, с теми же самыми людьми.

Сон 2

Hey you, rotting in the alcoholic shell,
Banging on the walls of your intoxicated mind.
Do you ever wonder, why you were left alone?
As you heart grew colder and finally turned to stone.

Did I punish you for dreaming?
Did I break your heart and leave you crying?
Do you ever dream of escaping?
Don't you ever dream of escaping?

Forgotten hopes. Anathema

Вторая фаза сна была отчаянно романтической. Вы, наверняка, удивитесь, почему тогда такой пролог, наполненный неромантическим декадансом. А потому что перед романтической частью будет немного про alcoholic shell и intoxicated mind.

Вокруг были горы. Горы и свет. Горы, свет и ощущение счастья. Вершины были покрыты многовековыми снежными шапками, но погода не была холодной, поэтому одежды и вещей в рюкзаке было немного, что делало сновидческий поход ещё приятней. Мы стояли на вершине перевала, окружённые величественными исполинскими гранитными стражами вечности.

Мы — это я и какая-то девушка. В этом сне была обратная динамика изменения внешности девушки по отношению к некогда описываемым здесь мной снам. В тех снах люди становились уродливыми и старели. Здесь девушка изначально была не слишком привлекательной, но

постепенно всё более и более хорошела и к концу сна стала просто раскрасавицей. Можно сделать очевидный, в общем-то, вывод, о том, что город, особенно если это большой мегаполис, зачастую уродует людей, их душу, божественное начало, трансцендентный первоисточник. Может быть, даже не столько сама сущность мегаполиса, сколько фатальная вовлечённость среднестатистического жителя в мегаполисный социум со всеми его неотъемлемыми сплетнями, завистью, комплексами, бесконечной подпиткой эго и, конечно же, пристальным вниманием окружающих. Это внимание всегда сопровождается подсознательным стремлением активного субъекта преобразовать посредством демонического квазикреационизма что-то изначально прекрасное, а фактически — любой нумен, в очеловеченный, антропный продукт. Причём эта антропность находится не столько в сфере влияния коллективного общечеловеческого бессознательного, сколько в сфере индивидуальной понятийности и соответствия мировоззрению активного субъекта.

О чём я здесь вообще вещаю. Скажем, живёт себе девушка Маша счастливой беззаботной жизнью, и вот в телевизоре ей какая-нибудь сочная селебрити говорит, что раньше она, селебрити, была жирной коровой — при росте 170 см весила 65 кг, а теперь весит 57 и ощущает себя like a super-super star. Маша точно знает, что у неё примерно одинаковый с селебрити рост, встаёт на весы и видит там цифры 66,7. Всё, мир никогда не будет прежним, жизнь кончена, finita. С этого дня Маша каждый день, глядя в зеркало, будет говорить себе, что она — жирная корова. И это ещё полбеды. Маша будет называть жирными коровами своих подруг, сестру, маму, по той лишь причине, что они не подошли под стандарт красоты какой-то там отфотошопленной бабы. И это Маше ещё повезло, что для достижения эталона ей всего лишь придётся немного похудеть, а то ведь некоторым девчонкам для достижения эквивалентных целей приходится удлинять шею в три раза, вставлять в уши тоннели, чтобы походить на чебурашек, закачивать в губы ботекс, засовывать в грудь силикон, реставрировать девственность etc. А у подруг и родни Маши есть ещё подруги Наташи и Светланы, которые тоже смотрят телевизор, и у которых тоже есть любимые селебрити. И вот постепенно, день за днём, неделя за неделей, месяц за месяцем, год за годом, мегаполисы превращаются в паноптикумы силиконовых сисек, ботексных губ, заднеприводных папуасов, хипстеров, хипхоперов и всякой прочей неадекватной нечисти.

И это отнюдь не уникальная фишка, свойственная нашей современности. В былые времена горожанкам Машам рассказывали другие байки. О том, что модно смотреть на то, как одни рабы убивают других на специально построенных аренах, именуемых «Колизеями». Я сам бывал в одном из подобных мест для весёлых ритуальных убийств в африканском городе Эль-Джем.

Другим Машам рассказывали, что крайне модно проходить курс взросления в публичных домах, обслуживая чужеземных странников, сношаться с конями и прочими животными. Несколько сотен лет спустя примерно в том же ареале стало модно пытаться, топить и сжигать людей, особенно — красивых, и, не приведи господь, рыжих, а также носить десятикилограммовый пояс верности, не мыться годами и покрываться блохами etc. Так что Маше, в общем-то, ещё повезло родиться into contemporary age.

А бывает ещё так, что пойдёт грустная толстуха Маша в кафе и встретит там какую-нибудь Регину, которая мало того, что весит 55 кг при Машином росте, так ещё и отвечает на звонки по седьмому айфону, а у самой Маши — пятый. И это тоже проблема.

А ещё часто бывает так, что живут Васёк и Ванёк на одной лестничной площадке лет, скажем, двадцать. В гости друг к другу ходят, выпивают, играют в футбол во дворе. И вот Ваньку говорят по телевизору, что Васёк незаконно гараж себе присвоил в соседнем дворе. А Ваську — что Ванёк у него газ ворует. И интернет.

Они, разумеется, сначала не верят, поскольку знают друг друга двадцать лет. Но это только сначала. Потом Ваньку говорят, что ему бы жить должно вовсе не в этом доме, а в соседнем — для депутатов, с тремя туалетами и разными проститутками на каждый день. И всё было бы именно так, если бы не дружба с Васьком, который к тому же ещё и генетически совсем не похож на Ваньку, потому что его, Ваську, прапрапрабабка с каким-то там кочевником наверняка согрешила, потому что все они, прапрапрабабки Васьков были прапрапрабабками лёгкого поведения, не иначе. Ну а прапрабабки Ваньков, разумеется, целомудренными девами. Вне всяких сомнений.

И вот уже Ваньки выходят на митинги, где они кричат о том, что хотят к элитным проституткам, и не хотят дружить с Васьками. И вообще, кто не скачет — тот Васёк. И невдомёк бедным Ванькам, что элитные проститутки для мажоров на каждый день — это таких же Ваньков из соседних домов, сёстры и подруги, самим же Ванькам уготована почётная роль — начищать до блеска различные атрибуты богатой жизни депутатов из соседнего дома, заканчивая теми самыми тремя унитазами. Васькам показывают скачущих Ваньков по телевизору, добавляют немного красок, и вот уже Ваньки стреляют в Васьков, а Васьки в Ваньков настоящими пулями из настоящих автоматов на настоящей войне, где из Ваньков и Васьков льётся настоящая горячая ароматная алая кровь.

Пройдут годы, и время всё расставит по местам. Вот только мёртвые люди не поднимутся из мрачных холодных могил и не пойдут играть в домино во дворе, наполненном пространством и светом, детскими счастливыми криками и ароматами цветущей сирени. Что мертво — умереть не может. А ожить — и подавно.

Ещё всегда было модно говорить Ванькам и Васькам, что их соседи по лестничной площадке по-другому молятся какому-нибудь другому Богу. И их родному Богу это до тошноты не нравится. Ну а для того, чтобы единственно верный Бог был доволен, нужно, естественно, всех еретиков обратить в свою правильную веру. Или стереть. Тогда Бог будет доволен. Причём эта незатейливая на первый, да и на второй тоже, взгляд схема работает уже не одно тысячелетие с десятками, а то и сотнями, национальностей и народов со всего света.

Под эти различия в именах богов и способов преклонения перед ними было пролито такое количество крови Ваньков, Васьков и Маш, что можно приличное море наполнить. Красное. Может где-то оно и есть, если существуют эгрегориальные преисподние. Разные, как уважаемые мной, так и не особо, люди говорили и говорят об этих морях в тех или иных терминах. Впрочем, не хочу даже думать на данную тему, ибо противно сие думанье моей светлой, солнечной душе.

Так вот, к чему я все эти глаголы разглагольствую: основная проблема мегаполисов именно в том, что Маша, Ванёк и Васёк не могут самостоятельно решать, что им носить, есть, пить, сколько весить килограммов, по какому айфону звонить, с кем дружить, а в кого стрелять. Потому что все и вся вокруг — носители масс-медиа, эгрегориальных и бог знает каких ещё демонических установок, прошедших через призмы индивидуальных антропных комплексов, эго, зависти и прочих заморочек. И в это болото практически невозможно не вовлекаться, потому что оно — повсюду.

Поэтому, сравнительно легко быть светлой солнечной сущностью где-нибудь в Ришикеше, Аркаиме или Вриндаване, у подножия могучих Кайлаша, Белухи, Хана Тэнгри, Иремея, на волшебном острове Ольхоне. А ты попробуй быть просветленным йогом в Москве, Киеве, Вашингтоне, Нью Йорке или Лондоне.

И чтобы противостоять, а вернее — не вовлекаться в этот поток спама всех мастей, надо быть ну просто сверхсамодостаточным человеком. А это, откровенно говоря, далеко не каждому под силу. Мне вот — нет.

И даже самых сверхсамодостаточных альфачей Маши, Наташи и Светланы под предводительством вымышленных людей из телевизора и интернета всё равно будут постоянно затягивать в эти трясины из комплексов, предрассудков, зависти, жадности и глупости. И это, на мой взгляд, одна из самых неприятных черт мегаполисов. В них очень сложно сопротивляться масс-медиа, трансконтинентальным корпорациям и бесчисленным эгрегориальным полям. От них постоянно приходят инструкции, что тебе делать, чтобы быть счастливым, что носить, на чём ездить, с кем встречаться, как стричься. И, не дай бог, ты не соответствуешь высокому стандарту, ибо в этом случае все вокруг будут говорить, или как-

нибудь иначе давать понять, что ты — изгой. Вот только выполнение всех этих миллионов, противоречащих себе на каждом шагу инструкций счастья не приносит, потому что счастье — качество нематериальное, и оно не резонирует с материальными атрибутами. Комфорт, состояние комфорта — иногда, счастье — никогда.

Немаловажно ещё и то, что в мегаполисах всегда много развлечений на любой вкус. Ночные клубы и прочие бордели, алкоголь, наркотики, порно, спортивные соревнования, ток-шоу и другие дети зомбоящика, компьютерные игры, шопинг, etc. Всё это создаёт такой невыносимый уровень шума и отнимает такое колоссальное количество энергии у своих адептов, что лишь немногие из людей, населяющих крупные города, способны добраться по этой полосе препятствий до того, чтобы задуматься о том, к чему на самом деле стремятся их солнечные души. Кто они такие, и для чего пришли на эту планету. Лишь немногие способны во всей этой изошрённой какофонии услышать самих себя. И уж совсем единицы — услышать тихий и ласковый шёпот Бога.

Этого раздела не существовало в первоначальных редакциях данной главы, и она была сплошь пропитана прекрасной романтикой, но позже я решил объяснить другим людям, и себе заодно, в чём была суть и причина метаморфоз сновидческих людей из некрасивых — в красивых, и наоборот. Так сказать, добавил немного психологического анализа.

Резюме. Хочешь становиться гоблином — слушай сплетни, оскорбления, завидуй, тусуйся с носителями подобных энергий. Хочешь быть лишённым энергии и воли вечно уставшим овощем без времени и сил — трать все свои доступные ресурсы на то чтобы быть в тренде, на то, чтобы соответствовать картинам мира придуманных селебрити, играть в самые модные игры, ходить в самые модные клубы, пользоваться самыми модными аксессуарами, etc. Хочешь быть красивым, сильным и чистым — чеши в горы, дорогая подруга/дорогой друг. Посему — самое время вернуться от масс-медиа зомбирования и прочей жуткой политоты к прекрасным романтическим горным вершинам.

Лучше гор могут быть только горы. Не знаю в чём тут суть, но почему-то именно горы с их метафизическими состояниями, чистотой и величием, бескомпромиссной, тотальной наполненностью абсолютной пустоты, кристально чистыми потоками воздуха и воды, всегда работают в плюс. Они по какой-то неведомой мне причине ориентированы на то, чтобы лечить и улучшать людей, очищать зёрна от плевел. Здоровые зёрна — от больных. Тело — от излишков жира и самолюбования. Разум — от тягучей поволоки прошлого и химерической вселенной несуществующего будущего. Души... Души в горах вспоминают о том, что они прекрасны, вечны, совершенны и бессмертны. Пожалуй, это подходящие слова. Не лучшие, разумеется, но какие уж нашлись в карманах моего лексикона.

Итак, девушка, которая изначально мне не очень нравилась, по ходу горного путешествия молодела и хорошела до тех пор, пока не стала прекрасной, стройной, лучезарной эльфийкой с густыми русыми волосами, уложенными сзади в какую-то простую причёску, аристократически-тонкими руками и длинными кристаллами пальцев. Она была одновременно тёплой и прохладной, пахла чем-то родным, но чем — не могу сформулировать даже примерно.

Когда солнце, это основное активное божество большинства древних цивилизаций, опустилось за самые отдалённые пики горных вершин, мы стали разбивать лагерь. Палатки я не помню, помню, как стелил пенки на землю и разводил костёр. Топливом для костра был странный мелкий хворост, хотя, казалось бы, откуда в таких высоких горах хворост.

Как бы то ни было, я постелил пенку, разжёл огонь, расстелил на пенке свой спальник и сел лицом к закату, любоваться последними лучами уходящего солнца, прислонившись спиной к огромному плоскому камню. Камень почему-то не был холодным, как это обычно бывает в реальной жизни в горах. Хотя тепло девушки я ощущал, следовательно, мог ощущать разницы температур. Я отчётливо помню это, так как девушка села рядом со мной. Очень близко. От неё исходило тепло. И, как я уже упоминал, когерентная прохлада. Странно, казалось бы, но с другой стороны, почему бы и нет. Тепло было особо вида, пожалуй, я бы охарактеризовал его как чувственное. Прохлада тоже не сказать, чтобы была какая-то телесная, скорее просто иррациональная. Я испытал внезапный порыв нежности к этой прекрасной девушке, крепко обнял её и прижал к себе.

Внимание, сейчас будет сцена из женского эротического романа, поэтому я выделю текст курсивом, чтобы тем, кто не любит данный жанр эпистоляра, было проще его пропустить.

Моя спутница как-то бесшумно и очень плавно повернулась. Да, она всё ещё была в моих объятиях, но её глаза оказались в нескольких сантиметрах от моих. В реальной жизни она тут же стала бы расфокусированной, таковы уж свойства нашего человеческого зрения, но во сне девушка оставалась такой же ясной и привлекательной, несмотря на то, как далеко или близко она находилась. В данном случае — экстремально близко. Её глаза были расположены оппозиционно по отношению к моим, и пристально смотрели в них; её дыхание ласкало кожу моего лица, и вот уже я почувствовал на своих губах жар и влагу её губ.

Она целовала меня жадно и самозабвенно. И она была действительно хороша в этом. Безумно хороша. Я отвечал ей, всё более и более растворяясь в этой сладкой прелюдии танца любви. Впрочем, эта прелюдия была много лучше большинства реальных танцев, когда-то

станцованных мной с другими девушками. Её губы обволакивали мои губы, наши языки переплетались как пьяные змеи. Необходимо признать, что её змеиный язык был бесконечно более искусен, чем мой, и я с первой секунды понимал, что в этом танце она ведёт. Также я понимал, что готов навсегда остаться здесь, в этом лучшем из мест, с этой лучшей из женщин. Потому что она, похоже, любила меня, была прекрасна и целовалась как Богиня. Может быть, так целовались Радха, Лакшми, Парвати, Фрейя, Венера, Афродита, Лада, Инанна. А может и какие-нибудь верховные ведьмы с суккубами. Кто знает.

Хотя я не чувствовал никакого зла, никакой корысти, одни лишь чистые, как горные реки, вытекающие из окружающих нас белоснежных вековых шапок ледников, привязанность, нежность, ласку, любовь.

Наши руки не торопились срывать одежду, и мы наслаждались тем, что уже имели. Пальцы скользили по телам под одеждой, изучая и предвкушая, а поцелуи становились всё более совершенными, искусственными и горячими. Они были настолько совершенны, что отчасти даже были самодостаточны.

В какой-то момент я приоткрыл глаза и увидел стоявшего неподалёку снежного барса. И я не знаю, почему именно так его идентифицировал. Это был крупный, очень красивый и очень пушистый серебристый кот (не путать с серебристым лохом). Он стоял как изваяние на камне. И стоял он очень странно — на абсолютно прямых лапах, расположенных исключительно перпендикулярно по отношению к горизонтальной плоскости, проведённой по касательной к земному шару в точке, где мы проявились и осознались, погружённые в сладкую, несбыточную реальность сна. Шея барса была очень толстой, почти такой же, как голова, и она была расположена изумительно параллельно лапам. Вся его поза и фигура были исполнены красоты и какого-то геометрического благородства. Он как будто осознавал своё величие, поэтому просто стоял и позировал не шевелясь.

Я попытался высвободить свой язык и сказать моей прекрасной спутнице о том, что мы не одни, но она не позволила мне это сделать, обвив мой язык своим. Её язык обматывал, обволакивал, растворял, плавил меня без остатка, и я покорился этой самой прекрасной из всех возможных безысходностей. А покорившись — закрыл глаза и продолжил растворяться, дематериализовываться в моей, так внезапно обрётённой в этих залитых солнцем заснеженных горах, Радхе. С надеждой в конце этого сладостного пути обрести всю полноту, гармонию, целостность и завершённость нирваны, самадхи, самой вселенной, и, в конце концов — первоисточника всего сущего. Обрести самого Бога. По крайней мере, я ощущал, что скалолазка из сновидения — единственное известное мне человеческое существо, способное провести меня по этому пути.

Когда я открыл глаза в следующий раз, спустя целую жизнь, состоящую из всех возможных и невозможных видов поцелуев и предварительных ласк, удивительного геометрически выверенного барса рядом уже не было.

Тем временем нам с моей прекрасной спутницей, стало недостаточно одних лишь поцелуев, и наша одежда постепенно перекочевала на близлежащие камни и траву. Пальцы моей возлюбленной были нереально тонкими и длинными, нежными и чувственными. И эти тонкие пальцы, её и мои, без усталости исследовали и исследовали уже полностью обнажённые тела. И самый самозабвенный из всех поцелуев, которые видела сама мать-Земля, перешёл в танец любви.

Это было как погружение в омут. Как один долгий-долгий нырок с головой в никуда, в ничто, в негредо. Я нырял и нырял, пока не потерял счёт времени. Пока не забыл кто я такой, как меня зовут, какой я национальности, в какой стране живу, кто мои родители, пока не забыл о том, что вообще существу, или когда-то существовал.

Но вот что-то начало выдёргивать, звать меня наверх из этой сладкой пучины, и в какой-то момент я понял, что кто-то кусает меня за правую руку. И этот кто-то не моя девушка, потому что её губы были всё также в моём и только моём распоряжении. Я подумал, что это снежный барс, но ошибся: открыв глаза, я увидел, что виновницей моего пробуждения была маленькая, странная и неожиданно злобная птичка. Я начал трясти рукой, пытаясь сбросить кусающееся пернатое существо, но оно только крепче вцепилось в правую кисть и принципиально её не отпускало. Только когда мне, наконец, удалось стряхнуть существо с руки на землю, я смог хорошенько разглядеть, что это за зверь.

Птица умела за счёт веерного расправления хвоста и раздувания коронообразной шишки на шее увеличиваться в несколько раз в размерах. Не уверен, было ли это реальное увеличение или оптический обман. В некоторые моменты птичка чем-то отдалённо напоминала маленького злобного павлина. Она всё больше и больше нахохливалась, и что-то ворчала до тех пор, пока опять не набросилась на мою правую руку. И когда мне во второй раз удалось отделаться от её бульдожьей хватки, произошёл забавный и циничный эпизод.

Я стряхнул её со своей руки, но она упала не на землю, как в первый раз, а подлетела в воздух, и начала планировать вниз. Тем временем, пока птичка, паря, опускалась на землю, я поднял с земли тапок и сыграл ей в пинг-понг. То есть я фактически илёрнул по птичке синим тапком-сланцем, как теннисной ракеткой по мячу, и она дематериализовалась. Не думаю, что я что-то повредил, скорее — максимально прозрачно дал понять, что очень сильно занят. Однако размышлять о птичке мне было особо некогда, так как девушка моей мечты своими губами, языком,

пальцами, запахом и всем остальным стремительными глубокими нырками снова погрузила меня в омут земных наслаждений.

Когда всё было кончено, я обнимал прекрасное обнажённое тело своей спутницы, с нежностью слушал постепенно успокаивающееся дыхание и решил, что пришло время рассказать про снежного барса и птичку бульдога-минипавлина. Она с томной нежностью улыбнулась и сказала, что ничего не видела, и не увидела бы, даже если бы сама Мать-Земля ушла из-под её ног. Потому что мы созданы друг для друга. И потому что мы созданы для того, чтобы любить друг друга. Кто бы спорил. Я снова подумал о том, что это девушка моей мечты и выпал в третью фазу.

Сон 3

Мы с этой же девушкой моей мечты очутились в каком-то полуподвальном помещении. Пока я осматривался, пытаюсь идентифицировать окружающую местность, к нам подошёл светловолосый парень с короткой стрижкой, похожий на одного из моих студентов и объяснил, что это салон сотовой связи, а он здесь единственный менеджер.

В зале находился то ли низкий стол, то ли сдвинутые вместе стулья и парень-менеджер разрешил нам прилечь на описанную приземистую мебель. Мы с девушкой легли на эту странную конструкцию и укрылись спальником с запахом костра и гор. Чуть поодаль на этой же мебели лежало еще трое-четверо человек. Эти люди казались нам слегка знакомыми. Так мы и лежали под одеялом в салоне сотовой связи, слушая дыхание друг друга, вдыхая запахи, наслаждаясь воспоминаниями о горах и нашей близости.

Спустя какое-то время я спросил у коротковолосого менеджера, что вообще здесь происходит, и почему салон связи похож на зал ожидания на вокзале. В ответ он рассказал нам о своей тяжёлой жизни, об огромном количестве работы и задач, которые он выполняет и решает. Но почему салон сотовой связи похож на зал ожидания так и не объяснил. Видимо он находился на гребне волны гордости за своё трудолюбие и жертвенности во имя работодателя.

Тем временем за дверью, отделявшей наше полуподвальное помещение от внешнего мира, скопилось какое-то нереальное количество людей. Эти люди стали недовольно гудеть и топтать ногами, но светловолосый менеджер-студент стойчески защитил нас от всех посягательств внешнего мира. Мы с девушкой всё продолжали и продолжали лежать в обнимку под спальником с гор с запахом костра и обонять запахи друг друга до тех пор, пока мир снова не замкнулся на нас двоих. До тех пор, пока всё остальное не перестало существовать.

Сон 4

Стол, на котором мы лежали, остался на месте, но все остальные декорации изменились. Полуподвальный салон сотовой связи превратился в яркий банкетный зал. Вокруг нашего импровизированного ложа были расставлены рядами столы, накрытые белоснежными скатертями. На каждом столе стояло по несколько подсвечников с зажжёнными свечами. Также на столах находились бокалы с напитками, похожими на белое вино или шампанское, пустые тарелки под еду и столовые приборы. Весь зал был заполнен приятным, праздничным, персикового цвета сиянием. Царила атмосфера любви и радушия.

В зале начали появляться люди. Они все до одного были веселы, добры и благостны. Мне пришло в голову, что это бал из Мастера и Маргариты наоборот. Все гости бала были празднично одеты, причёсаны, вымыты и пахли изысканными цветочными композициями, придуманными изощрёнными парфюмерами.

Среди гостей появился мой учитель аргентинского танго Саша С., заведующий кафедрой, и, по совместительству, латино-танцор Антон П., черноволосая и кудрявая девушка учитель-танцев, лидер «зебры» и другие танцующие люди. Гости объединились в большой хоровод и начали танцевать разношёрстные зажигательные танцы.

Вот они уже дотанцевали до нашего стола и начали настойчиво звать меня присоединиться к ним. Я почему-то стеснялся. В какой-то момент моя девушка встала на их сторону и начала уговаривать меня включиться во всеобщее танцевальное веселье. Но я в этом сне был скромным стеснительным медведем и спрятался под спальник, который превратился в полупрозрачную простыню. Оттуда, из-под спальника-простыни, я отлично видел и слышал, как участники бала не оставляли попыток позвать меня с собой танцевать.

Далее какие-то люди принесли торт и начали голосить о том, что нельзя забывать, когда день рождения мамы. Я ответил, что не забываю, и что этот день — 28 февраля, после чего впал в ступор, пытаюсь понять, какое сегодня число, месяц и год. Тут бы мне понять, что я сплю, но нет.

Далее произошла ещё одна забавная штука. Саша С., Антон П. и другие разыграли сценку, в которой изображали меня. В этой сценке я вышел гротескным, жеманным пижоном, который на самом деле хочет веселиться и предаваться разухабистому буйству, но пытается обмануть всех, и в первую очередь самого себя, что он не такой. Сценка была настолько совершенной, что я не смог удержаться и начал хохотать прямо под простыней. Причём хохотал я спазмами, сопровождающимися низким животным рычанием. После чего энергично сбросил с себя простыню и пустился в пляс со всей этой прекрасной, весёлой компанией.

Evanescence – My immortal

Anathema – Forgotten hopes
Nightwish – While your lips are still red
David Garrett – Smells like teen spirit

#Chapter 21

27.07.2016

Письмо

На ковре из мертвых листьев на дороге, на весну
Расстилала скатерть чистую — заходите к моему столу
Те, чье сердце унесла гроза, слышишь, бьется раскатами гром,
Я давно смотрю в его глаза, там, где дождь, теперь мой дом.

Бьется сердце нежнее ветра, что дорогу нашептал.
Горем в прошлое одета, я бродила среди скал —
Подниму глаза, растает озорной туман вдали.
Я ему — сестра родная по отчаянью в крови.

Обходила небеса по краю, где тревоги не унять.
Если хочешь говорить с камнями — научись молчать,
Если хочешь знать дорогу — должен знать, куда идти,
Не предай свою свободу, друже мой, не пропади.
Не пропади!

Ведьма. Калевала

Дорогая моя, прекрасная, рыжеволосая Джин. Вот я и нашел, наконец, подходящий момент для того, чтобы написать это письмо.

Хочу поделиться с тобой мыслями, посетившими меня в одном удивительном месте в одно удивительное время, почти столь же удивительное, как мгновения, проведенные с тобой.

Твоим прекрасным глазам и твоему совершенному носику посвящается.

Размышления

Пока ты разрушаешь себя гневом, ненавистью, отчаянием и унынием, кто-то создает себя радостью, радушием, добротой и любовью.

Пока ты напрягаешься, кто-то расслабляется.

Пока ты, расслабляясь, скажем, играешь в компьютер, скажем, в «ведьмака», кто-то загорает на солнце и купается в прозрачной бирюзе тёплого летнего моря.

Пока ты пробираешься к этой бирюзе сквозь тела на городских пляжах, кто-то познаёт простоту и свободу одиночества пляжей диких.

Пока ты в маске собираешь со дна давно умершие раковины, мимо проплывает стая прекрасных дельфинов.

Пока я наблюдаю за стаей дельфинов с горы, где находится моя стоянка неподалёку от дикого пляжа и пытаюсь их сфотографировать, тратя время на механизированное получение мёртвых снимков-слепков, женщина в море плывёт к дельфинам навстречу, находясь в считанных метрах от них.

Ты всегда можешь сделать свою жизнь интересней, полнее, лучше.

Всегда можешь сделать ещё один шаг вперёд.

Ещё, и ещё шаг.

И ещё.

Иногда шаги вперёд могут привести тебя назад, но это всё равно движение вперёд.

Таковы законы вселенной, не думай об этом.

Или думай, но не забывай идти.

Я только хочу, чтобы ты помнила об этом.

Всегда.

Воспоминания

Сегодня я проснулся под ласковый шёпот морских волн в одном из чудесных мест этого огромного мира. Моя походная стоянка расположена на небольшой ровной площадке прямо на склоне местной скалы. Впереди, метрах в ста, изумрудное «чёрное» море. Вокруг меня — горы. Пусть не такие высокие, как, скажем, на Алтае или Тянь-Шань в Киргизии, но всё-таки горы. Горы покрыты великолепным эндемическим лесом из пицундской сосны. Воздух вокруг — восхитительный коктейль из хвои и морской соли. Метрах в трёхстах от меня родник с питьевой водой. Люди на побережье, конечно, присутствуют, ведь от Дивноморского идти сюда всего около часа, но их немного, обычно не больше десяти человек на весь пляж. Потому что этот час от ближайшего места, до которого можно доехать на машине, надо ещё пройти. После захода солнца, часов в девять вечера, на пляже никогда никого нет. С утра — та же история.

В это время без людей к берегу почти каждый день выплывают стайки дельфинов. Может быть, дельфины приплывают погреться в тёплых прибрежных водах, а может, как преданные соляные адепты, приглашают редких людей встречать и провожать солнце, льющее неизмеримые потоки энергии на эту удивительную планету.

Люди в палатках живут в километре-двух от пляжа. Ближе никого нет. Только я. Люди спокойные и их не видно, и не слышно. Может секта какая, вроде ведут занятия по йоге. Но для йогов все люди из этой компании слишком закрытые и опустошённые. Для меня же главное — то,

что они тихие, потому что вижу и слышу я их только на пляже. Иногда приходят отдыхающие из города. Но уже уставшие и очень ненадолго.

После гигиенических процедур я развожу маленький костёр в самодельном очаге из камней и варю рис или гречку с овощами, попутно разогревая чай из местного цветка, внешне отдалённо напоминающего кипрей. Во время завтрака — с расслабленным благоговением созерцаю прекрасное Чёрное море.

Вода здесь прозрачна, как слеза праведника. На морском дне растут кусты, которые местные почему-то называют кораллами. В этих кустах плавают разные рыбы, даже достаточно большие и даже прямо у берега. Там же маршируют, не знаю, почему захотелось написать именно это слово, крабы. Повсюду огромное количество раковин, которые любят собирать отдыхающие. Конечно это не аквариум Красного моря и уж тем более не волшебные, психоделические закаты Индийского океана и Аравийского моря на Гоа. Да и Эгейское с Левантийским морями мне тоже понравились много больше. Но по меркам Чёрного моря этот пляж действительно хорош. Да и само изумрудное море — прекрасно. Хотя может для кого-то оно и чёрное, я не знаю. Может для кого-то и океан — тихий.

Так что, завтракая на диком пляже в окрестностях Дивноморского, я созерцаю море, которое вместе с небом в обрамлении веток пицундской сосны заполняет собой всю картину окружающего мира. Картину, основу которой формируют изумрудно-иссиня-ультамариновая вода и серо-сиренево-сизо-голубой воздух. В этом влажно-солёном и по-утреннему прохладном воздухе мимо пролетают вальяжные чайки. Вокруг начинают заводить свой хор невидимые цикады.

Мимо вниз по склону проходит семья из отца, матери, двух дочерей подросткового возраста и совсем ещё маленького сына. Они не видят меня. Так расположена моя стоянка. Меня никто не видит. Они смотрят под ноги, потому что склон крутой, и надо смотреть.

Отец надевает маску и идёт собирать ракушки, которых в воде тьма. При этом он зачем-то постоянно называет жену и дочерей «лошарами», потому что они до сих пор бродят по берегу и не собирают ракушки. Жена не в настроении. Дочь занята, у неё есть селфи-палка. Минут через 10-15 дочь заканчивает с селфи, присоединяется к отцу и ракушечников становится двое. Метрах в трёхстах южнее с маской и трубкой плавает одинокая женщина. Больше на пляже никого.

В какой-то момент с юга, от Джанхота, приплывают три дельфина. Радостная женщина плывёт им навстречу, я бегу за фотоаппаратом и стараюсь наглядеться на диво первого явления черноморских дельфинов глазами, одновременно пытаюсь поймать их в объектив. Тогда я ещё не знал, что они приплывают сюда каждое утро и вечер на восходе и закате. И ещё я не знал, что моё «зеркало» уже к вечеру откажется снимать

дальнейшие приключения этого уикенда. Есть ещё смартфон по имени «лыжи», но «лыжи» — это даже близко не зеркальный фотоаппарат.

Отец со старшей дочерью собирают раковины. Остальная семья в конфликтах. Внутренних, внешних. Они всегда заодно, как инь и янь. Никто, кроме нас с другой женщиной не видит этих дельфинов, которые плещутся совсем рядом в утреннем море минут десять, после чего уплывают.

Минут пять на горизонте никого не видно, и женщина возвращается на берег. После чего с юга вновь приплывают ещё четыре дельфина, которые плавают и выпрыгивают из воды совсем рядом с берегом ещё минут двадцать. Но никому, кроме меня, до них нет никакого дела. Конфликтная семья успевает неоднократно поругаться, собраться, увидеть стрекозу («Ого, какая огромная стрекоза»), но не прекрасных, волшебных, воистину огромных дельфинов. Пятеро перманентно зашоренных людей.

Красота происходящего и окружающего, вместе с осознанием того, что все мы являемся такими же зашоренными лошадьми почти всегда и везде, вытряхнули меня в очень странную летаргическую экзальтацию. А после — побудили взять ручку с бумагой и написать пару сотен строк в свой путевой блокнот.

Эпилог

Пока ты тратишь время и вкачиваешь другие доступные тебе ресурсы в эго, на различные порождаемые этим эго конфликты и глюки, а конфликты порождаются только из эго и всегда из него одного, мимо проплывают твои собственные уникальные стаи дельфинов.

Пока ты снова и снова проживаешь прошлое, пока ты снова и снова придумываешь несуществующее будущее, которое с тобой никогда не произойдёт, в этом чудесном мире проплывает мимо, подобно стае прекрасных дельфинов, *Твоё Настоящее Время*.

Твоя Настоящая Жизнь.

Просто помни об этом, и не поддавайся на провокации себя самой, которая на самом деле не ты.

Живи настоящим.

Живи здесь и сейчас.

Просто помни об этом.

Всегда.

#Chapter 22

Сон 01.08.2016

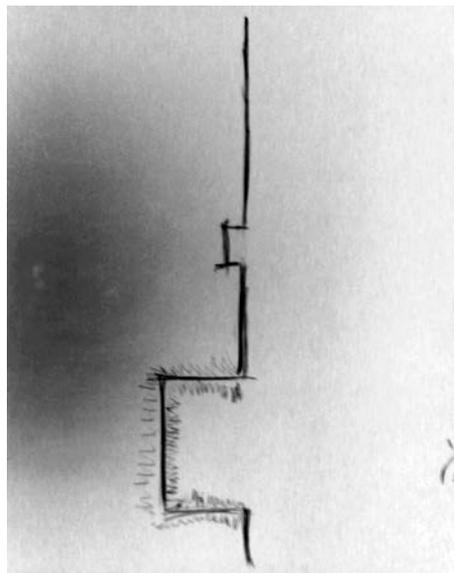
Трёхзубчатый отдел позвоночника. Белые лейкоциты

Сон 1

В этом летнем сне на берегу Чёрного моря я осознал себя внутри чистого просторного тренажёрного зала, освещённого абсолютно белым светом. Не то чтобы прямо тренажёрный с тренажёрами, скорее зал для фитнеса или йоги. Мы тренировали странную стойку на лопатках, которая у меня почему-то никак не получалась. И вот, в момент, когда я был близок к отчаянию из-за своей неловкости, пришла необычная маленькая женщина в белых, словно кипень, носках. Она своими маленькими ручками поправила стойку, и у меня сразу стало получаться намного лучше.

После женщина встала так, что её лицо оказалась прямо над моим, и сказала тянуть ноги к её подбородку. Я удивился, но подчинился. В результате стойка стала идеальной. Когда занятия закончились, она сказала, чтобы я много ходил и бегал взамен тягания штанги, т.к. во время упражнений со штангой повреждается «трёхзубчатый отдел» в позвоночнике. В зале неожиданно появилась доска с белым мелом, как в аудиториях, и она нарисовала на доске этим белым мелом красивый светящийся, но почему-то красный, позвоночник.

Я его нарисовал мелом на доске, спустя какое-то время, в alma mater по ул. Калинина 37. Позвоночник получился совсем не красный и далеко не такой красивый, как у учительницы йоги, но выглядел он примерно так, как на рисунке. Прямоугольник побольше — и есть тот самый загадочный «трёхзубчатый отдел». Не знаю, почему я решил, что это позвоночник, вроде не особо похож, но во сне никаких сомнений на этот счёт не возникало. Может быть, мерность при рисовании белым мелом светящегося красного позвоночника была другая, или присутствовало ещё какое доброе волшебство.

Сон 2

Следующая фаза сна была в школьном классе. В помещении висели массивные металлические лампы из концентрических круглых полос. На одну из таких ламп я зачем-то повесил сушиться носки.

Как-то неожиданно я осознал, что все остальные ученики в классе намного моложе меня. И вместе с этим я осознал, что мне сложно уловить их волну.

В какой-то момент бывший студент-технолог Мамаев включил песню «аллилуйя». Я начал отбивать ногой ритм и наступил на руку ученика, который зачем-то ползал под моей партой. И как будто мне даже не пришло в голову извиниться за это.

Девушка с первой парты, видимо отличница, вслух заметила, что в трёхзубчатом отделе позвоночника синтезируются белые лейкоциты.

Бука из Динамовской тусовки снял мои носки с лампы и, громко возмущаясь, выбросил их в урну. Что ж, идея сушить носки на люстре в школьном классе и вправду была сомнительной. Я не подал вида, что это мои носки и задумался, зачем вообще их туда повесил.

После я сел рядом с Мамаевым петь аллилуйя. Оказывается, что у них в молодёжных смартфонах «винамп»! не показывает слова песни. Разочарованно встаю и отхожу на другой ряд, при этом громко пою и попадаю абсолютно во все ноты с хорошей динамикой, подачей голоса и хорошо узнаваемыми акцентами.

Странное дело, в сновидениях я всегда попадаю во все ноты. Моё исполнение «аллилуйя» вышло похожим на Гришу Лепса. Я сказал об этом одновременно с какой-то девушкой в классе. Она заулыбалась смущённо, а я засмеялся, после чего девушка тоже захохотала.

Исполнив любимую песню молодёжи, я почувствовал некоторое облегчение от того, что вроде как уловил волну остальных учеников. На этом мой сон закончился вместе с пришедшим морским рассветом и приплывшей стаей дельфинов.

Отделы позвоночника, белые лейкоциты — похоже, подсознание всерьёз озабочено состоянием моего тоналя.

Antimatter – Conspire

#Chapter 23

08.2016. Медитации. Воспоминания

Полёт скатов

Это был один из дней, что я провёл в славянской этнической общине в посёлке Возрождение Краснодарского края в июле-августе 2016 года. Утром я проснулся в яблоневом саду в своей штурмовой палатке от звука

голоса женщины по имени Света. Они с подругой Алатеей жили в палатке по соседству, и мы договорились за день до этого, что утром Света поедет в Пшаду, а по пути заведёт меня и себя к «чёрной ведьме» Ираиде, обитающей в поселке Возрождение, на камень «кристалл», а по пути расскажет, как в Пшаде найти 150 дольменов.

Моя стоянка располагалась прямо в яблоневоm саду на берегу речки Жане. Повсюду вокруг росла ежевика. Ежевика была спелой и очень сочной, и до этого путешествия я даже не представлял, как она растёт и какова на вкус. Яблоки к тому времени ещё не созрели.

Оказался в этом месте я довольно нетривиально. Первым пунктом моего путешествия по побережью Чёрного моря было постоять недельку на диком пляже рядом с источником питьевой воды. После того, как этот квест был успешно выполнен, я пришёл в Дивноморское и в первом понравившемся мне кафе спросил у кавказского старца, который принимал заказы на кассе, могу ли я зарядить в этом кафе телефон. Тогда это ещё были «лыжи». Он очень удивился и спросил, есть ли у меня зарядник, после чего, получив утвердительный ответ, согласился. Поставив телефон на зарядку, я заказал покушать. Этот милый кавказский дедушка навешал мне овощей в гриле на двести с чем-то рублей, причём в основном это был один баклажан. Хитрец. Кроме этого я заказал чай с каким-то скромным ништяком и открыл «maps me» в начавшем подавать признаки жизни смартфоне, получившем, как и я, заряд энергии от пищи. Потупив немного в «maps me», я стал набирать запросы в Яндексе характера «что посмотреть в районе Дивноморского и Геленджика». Поисковик сразу начал предлагать ночные клубы, нудистские пляжи, поездку куда-то на фуникулере, джипинг и какие-то ещё активности, не слишком подходящие моему темпераменту и мировоззрению. В планах у меня была поездка на Абрау Дюрсо, вместе с озером Абрау и пеший трек оттуда к морю, но это приключение я думал оставить на конец путешествия.

В момент моих размышлений на тему того, куда дальше направить свои стопы, кавказский дедушка спросил, откуда я, что уже успел повидать в этих краях и что планирую делать дальше. Я честно рассказал ему, что пожил недельку на диком пляже, а теперь вот как раз раздумываю о том, чем заполнить эту паузу между диким пляжем с купанием и принятием солнечных ванн, и Абрау-трипом в конце уикенда.

Дедушка посоветовал мне сходить на реку Жане, т.к. там есть водопады, дольмены, красивый лес и горы. Яндекс тоже предлагал в числе прочих активностей экскурсию в этническое эко-поселение на реке Жане. Я решил, что так тому и быть, тем более, что кавказский дедушка мне понравился, хоть и навешал мне баклажанов на двести рублей вместо не знаю, чего я там ожидал от овощей-гриль. Наверное, помидоров, которые очень люблю, или просто овощного разнообразия. Я нашёл в интернете, как из Дивноморского добраться до Возрождения, рядом с которым находилось

искомое эко-поселение, расплатился, поблагодарил дедушку и отправился в путь.

В перемещении до Возрождения не было ничего примечательного, кроме того, что на остановке я познакомился с художницей из Питера, которая ждала «бла-бла-кар» от Дивноморского в Краснодар, откуда она собиралась «бла-бла-каром» же возвращаться в Питер.

В общем, я добрался до Возрождения, нашёл эко-поселение, почитал расписание различных йоговских активностей на доске объявлений посёлка, сфотографировал на всякий случай и пошёл искать место для стоянки за поселением. Минутах в пяти ходьбы от поселения я нашёл яблоневоый сад на берегу реки Жане и прилёг там отдохнуть.

Вокруг пели свои счастливые песни птицы, лучи солнца сочились сквозь яркую летнюю листву яблонь, пахло словно самой жизнью, рядом мягко журчала речка Жане и энергетические поля местности настолько зашли моему энергетическому полю, что я прилёг отдохнуть на пять минут, а пролежал часа два. После этого я понял, что не хочу дальше никуда ходить, и это — место моей очередной стоянки. Неподалёку стояло несколько палаток и в начале я решил, что пойду искать место без соседей, но благодать яблоневого сада всё пересилила. Впрочем, все соседи оказались исключительно светлыми, тихими и скромными людьми, а потому совсем меня не тревожили.

Во время проживания в этническом славянском эко-поселении на реке Жане случались различные интересные события, но здесь я бы хотел описать одну избранную историю, связанную с посещением дольмена «Сердце матери» в посёлке Пшадя неподалёку. Вернее, описать день, в который я посетил данный дольмен.

В утро описываемого дня я вылез из палатки, вдохнул полной грудью ароматный утренний воздух яблоневого сада, совершил все утренние гигиенические процедуры, съел несколько ягод ежевики, искупался голышом в речке Жане, как это делают каждое утро местные аборигены, и пошёл в местную этническую славянскую столовую, которая под вывеской «эко-трапезная» предлагала посетителям, простые вкусные и недорогие блюда. А самое главное — в ней была не только рисовая или гречневая каша, которой я к этому времени уже порядком наелся.

Я заказал себе завтрак в «эко-трапезной» и пошёл искать Свету с Алатеей. Они ждали у палатки массажиста, когда тот примет Свету. В итоге массажист её побрил (не буквально) и мы все втроём пошли завтракать.

Из блюд в это утро была только перловка с бананом и домашним вареньем, а также жареная картошка с яйцами и овощами. Второе блюдо я ел на ужин, поэтому решил поесть первое. Хотя второе было вкуснее. Бабушка навалила мне каши с бананом и вареньем на сорок рублей, Свете

на двадцать, Алатее на тридцать. Вот это я понимаю клиентоориентированность. Или душевность, если по-славянски.

Когда я уже начал сомневаться, смогу ли съесть всю кашу, т.к. её было реально много, а вся вкусняшка из бананов и варенья сверху оказалась съедена в первую очередь, на помощь пришла славянская рыже-белая кошка. Она с удовольствием подставляла бока под руки для поглаживания и смотрела голодными глазами на перловку.

Деревня была условно вегетарианской (в столовке можно было поесть жареные яйца, но ни мяса, ни рыбы, ни алкоголя нигде не присутствовало), и кошка тоже оказалась вегетарианкой. Она с удовольствием доела за нами всю кашу, а я тем временем допил вкусный травяной чай, не помню с чем. Света с Алатеей простились, т.к. первая через Бету, где они работали горничными полтора месяца до этого, уезжала домой, вроде бы в Самару или в Тольятти, а вторая — оставалась в славянской общине реализовывать какие-то свои персональные проекты. После прощания подруг мы со Светой отправились в наш эзотерический путь.

Дом чародейки оказался совсем недалеко, но показался он нам отнюдь не с первой попытки, т.к. по пути к нему Света 13 раз свернула не туда. Но на то она ведь и чародейка, на то она и чёрная ведьма, эта Ираида, чтобы к ней непросто было добраться. В конце концов, минуя добрую улыбчивую собаку, мы оказались у двери, украшенной различными дохристианскими символами. Моё внимание привлёк глаз, похожий на глаза, изображаемые в египетской традиции. Выглядел он примерно, как на рисунке (первый я сделал по памяти, второй — взял в интернете).

После продолжительных сигналов (мы стучались с перерывами минут пять-семь, т.к. внутри слышались очевидные антропные шумы), дверь открыла приятная светловолосая бабушка с пронзительными глазами, которая представилась матерью Ираиды и сказала, что дочь будет только вечером. У Светы не было времени до вечера, поэтому мы двинулись дальше, к камню-кристаллу, рядом с которым, по чьим-то словам, был водяной портал.

Света — очень коммуникабельная девушка, я вот вообще ничего не знал ни про Ираиду, ни про портал, про камни-кристаллы лишь немного слышал, хотя прожил к этому моменту в яблонево́м саду добрую неделю, а Света всего пару-тройку дней

Местные зовут группу камней кристаллами, потому что в них когда-то вставляли кристаллы различных самоцветов жрецы во время обрядов сотни, а то и тысячи лет назад. Хотя сами камни на кристаллы ну совсем не похожи. Тем не менее, многие люди говорят о том, что эти камни-кристаллы — места силы. Я был лишь на одном из камней кристаллов и ничего не почувствовал. Хотя это абсолютно ни о чём не говорит, да и времени на контакт было мало, а людей вокруг много. Хотя вот у дольмена «Сердце матери» контакт произошёл сразу. Впрочем, обо всём по порядку.

К камню мы вышли уже не плутая, буквально минут через пятьдесят после того, как отошли от двери с глазом. За камнем бежала холодная горная речка, и я сказал Свете, что пойду купаться первым, т.к. быстро раздеваюсь, купаюсь, одеваюсь, и вообще заголяться и плавать вдвоём со Светой в небольшой естественной ванне размером метра три на четыре, куда сбегала вода из реки, не входило в мои планы.

В общине все купаются обнажёнными. Всегда. При этом во всей этой процедуре я ни разу не заметил никакого эротизма. Взрослые, красивые и не очень, мужчины и женщины, дети, подростки. Все приходят к реке, раздеваются, моются, купаются, плавают, вытираются, одеваются и уходят. Ни капли эротики, секса, чистый рационализм. Мокрая одежда портится, гниёт, её нужно сушить, тратить энергию. Под мокрой одеждой кожа начинает болеть разными болезнями. Жителям небольшого поселения, где все друг друга знают и видят по тысяче раз за день, всё это ни к чему, ведь по сути своей это одна семья. Или секта, кому как больше нравится. Поэтому они купаются обнажёнными. Некоторые из туристов тоже так делают, некоторые нет. Я делал, поэтому, когда увидел ледяную горную реку, формирующую водный портал рядом с камнем-кристаллом, у меня не возникло сомнений, купаться одетым или раздетым.

После купания я сказал Свете, что теперь её очередь, если она того пожелает. Она в ответ предложила мне залезть на улыбающийся камень (а он именно улыбался). Я вскарабкался на вершину камня, сел в полулотос и попытался выйти на связь с местными духами, высшими силами, Создателем, а Света, тем временем, купалась в холодной горной реке и проходила в водяной портал.

На вершине камня лежало три сливы и ещё какие-то дары. Я тоже кое-что оставил, хотя вовсе не считаю это обязательным. Только мне удалось остановить внутренний диалог, как почти сразу подъехали две отечественные машины. Из них вышла группа мужчин во главе с высоким лидером с твёрдой верой в абсолют собственной непогрешимости. Впрочем, именно таким и должен быть лидер. У лидера были густые белые волосы, подстриженные ёжиком, и куча пустых пластиковых бутылок в руках. Приехавшие люди довольно громко разговаривали, не замечая ни меня на камне, ни купающуюся Свету в реке за камнем. Я решил понаблюдать за ними, раз уж помедитировать не удалось.

Однако наблюдение было недолгим, потому что лидер группы подошёл прямиком к камню и сказал: «Привет». Я с вершины камня ответил: «Здравствуй». Камень был довольно большой и до приветствия я думал, что меня никто не видит. В момент приветствия я, логично, казалось бы, сделал вывод, что «ёжик» меня заметил. Но потом понял, что никто меня не видел, пока я не вмешался в диалог мужчины с камнем, потому что

мужчина с ёжиком на голове ответил, что здоровался вообще-то с Варатаном, но мне — «тоже здравствуй».

Я улыбнулся, ощущая очевидный комизм сложившейся ситуации, и спросил, значит ли это, что универсальное имя камня — Варатан. Мужчина вновь ни капли не смутился и ответил твёрдо и чётко, что да, именно таким универсальным именем обладает этот могучий камень.

«Ёжик» и Варатан о чём-то пообщались немного, и все мужчины с бутылками спустились к реке, где купалась Света. Они спросили, отвернуться ли им, видимо Света была не одета, но она сказала, что это не обязательно. Влияние славянской общины. А может — нудистских пляжей Краснодарского края. Хотя в данном случае — почти наверняка первое.

Далее Света вступила в диалог с лидером группы. «Ёж» сказал, что данный камень лечит болезни костей и суставов (опорно-двигательный аппарат?), далее он благословил! Свету, подарил её маленькую икону! помазал лоб крестиком! и сказал, что мы можем взять конфетки, которые он оставил утром на камне, чтобы зарядить. И Света съела конфетку! Ещё он сказал, что неподалёку вверх по тропе есть ванна с йодом, где можно подлечить почки и поджелудочную. «Ёж»-целитель, разговаривающий с камнями, заряжающий конфетки и благословляющий именем Христа! Круто!

Мы попрощались с «ежом», пожелав друг другу всего хорошего, я набрал в реке воду, чтобы пить её в течение дня, и мы со Светой пошли вверх по течению ручья.

Ванна оказалась огороженным камнями резервуаром с плохо пахнущей мутной застоявшейся водой с запахом йода и серы. Я сказал, что опять купаюсь первый, и искупался исключительно быстро, т.к. качество воды в ванне было весьма сомнительным. В этот раз Света тоже не задерживалась. Очевидно, внешний вид и запах воды не располагали к долгим купаниям.

Я тем временем исследовал тропу вверх по ручью на предмет возможности выйти по ней на дорогу, но эта попытка оказалась тщетной. По пути назад я спросил Свету, что происходит у неё с внутренними органами (у неё прилично лишнего веса, и я думал, что это просто от хорошего аппетита, малополезной пищи и малоподвижного образа жизни). Света рассказала, что у неё проблема с гормонами, щитовидной железой, лишним весом и чем-то ещё. Я спросил, почему она не попробовала проблемы с гормонами лечить гормонами. Она ответила, что уже лечит гормонами другое — астму, и отсюда и пошли все проблемы с весом.

Я с удивлением подумал, сколько реальных проблем с тоналем у женщины возрастом не старше меня. Меня уже начал тяготить этот разговор про болезни, кроме того было очевидно, что и Свете он не особо приятен, но я решил осветить последний непонятный вопрос — нельзя ли астму лечить нестероидными препаратами? Она ответила, что стероидами

лечит только острые приступы. Я искренне вслух и мысленно пожелал её выздоровления, отправив немного своей светлой энергии и подумал о том, что ей пригодится и благословение неортодоксального христианского жреца, и вонючая ванна, и всё остальное. «Ёж» кстати был нетёмным, даже скорее немного светлым. Что, в общем-то, довольно странно в контексте всей этой причудливой метафизической эклектики.

Тем временем мы вышли на трассу, а чуть позже и на остановку. Автобус до Пшады приезжал минут через 40-50. Света попробовала поймать машину, чтобы поехать автостопом, но из этого ничего не вышло, после чего она вернулась на остановку, и мы поговорили о её подруге, их взаимоотношениях, этническом славянском лагере, дольменах, водопадах и о чём-то ещё.

Наконец, примерно в начале часа дня, приехал автобус, и мы поехали на нём, она — в Бету, я — в Пшаду. Два свободных сиденья были в разных концах автобуса, поэтому у меня было время подумать о чёрных ведьмах, целителях «ежах», улыбающихся камнях, вечности и моём месте на этой эзотерической мизансцене.

На Бете Света вышла, мы попрощались, я искренне пожелал ей счастья и поехал дальше. В Пшаде первым делом я нашёл и сфотографировал расписание автобусов, т.к. принципиально было вернуться в Возрождение засветло (и мне это почти удалось). Далее я зашёл за едой в «магнит» — в Краснодарском крае есть только одна порода супермаркетов, после чего взял направление к дольмену «Сердце матери».

Несмотря на то, что дольмен располагался почти в самой деревне, путь к нему был тернист и долог. Сначала этот тернистый путь привёл меня к огромному баку. Когда я, обливаясь потом, преодолел крутой подъём, мне сначала показалось, что передо мной странное сюрреалистическое граффити на стене в лесу. На граффити был изображён огромный, метров десять-пятнадцать высотой, бак. А спереди бака была как бы приклеена совершенно плоская дверь. Все цвета бака и двери были кислотные и дико неестественные. Когда же я, наконец, добрёл до этой конструкции, то увидел, что это никакое не граффити, а реальный огромный цилиндрический бак. Впереди к цилиндру был прилеплен параллелепипед вроде сарая или будки-подсобки с дверью. Все цвета по-прежнему были дико неестественными. Видимо этот эффект сюрреализма создавали выгоревшие, некогда яркие краски, частично разрушенные элементы конструкции, ну и атмосфера места силы.

Следующим нецелевым пунктом моего путешествия стала горная гряда известковых образований. В горе было множество самого причудливого вида пещер, в том числе и в форме сердца, в форме открытого рта (или пасти), просто в форме глубоких и не очень боковых

ниш. Я забирался в некоторые пещеры побольше, пробовал медитировать, но сидеть было неудобно, холодно, грязно, мокро и я отправился дальше.

После известковых скал я решил воспользоваться «maps me» и вышел, наконец, к дольмену «Сердце матери», который на самом деле располагался существенно раньше и сюрреалистического бака, и известковых пещер, и чтобы к нему пройти, не надо было карабкаться ни в какие горы и подъёмы. К дольмену я подошёл с какой-то женщиной и двумя парнями.

Вообще говоря, основной целью данной главы было рассказать про парящих скатов и контакт с «Сердцем матери», но эпистолярный путь, как и путь биомеханико-географический, оказался неблизким и нетривиальным. Тем не менее, потихоньку мы, дорогая читательница/дорогой читатель, приближаемся к кульминации сего опуса.

Я присел немного поодаль дольмена, чтобы дать возможность остальным людям исполнить свои ритуалы, т.к. планировал задержаться здесь не меньше, чем на полчаса. И я привык к тому, что люди вокруг торопятся, поэтому был уверен, что минут через пять здесь не останется никого.

Женщина что-то делала у группы камней неподалёку, парни немного походили вокруг дольмена и один из них, худой со светлыми волосами, спросил, откуда мы. Я ответил, что мы с женщиной не вместе, а я с Южного Урала. Он ответил, что они с Подмосковья, «как-то так», «путешествуем, то-сё». Дальше он сказал другу, что получил от дольмена всю информацию, которую хотел и стал звать его дальше. Тот был против, но худой сказал, что он получил всё, что хотел. Ещё он сообщил товарищу, что получил такую информацию, что «чуть не проблевался». Такие дела. Друг не стал дальше спорить, и они оперативно растворились в летнем паттерне Краснодарского края.

Далее к дольмену подошла женщина и стала совершать свои ритуалы. Я спокойно сидел поодаль, отвернувшись, не желая мешать трансцендентному действию. Тем временем, к дольмену подошла ещё одна пара — экзальтированная женщина и скептический мужчина.

Я решил, что всё равно придётся ждать и пошёл пообщаться с первой женщиной, которая уже закончила с ритуалами и стояла неподалёку. Она выглядела как знаток, и я хотел поспрашивать её насчет остальных дольменов, которые собирался посетить в тот день. Женщина отозвала меня жестами к группе камней, где она пребывала вначале, отказываясь говорить при свидетелях. Я удивился, увидев в этом что-то немного цыганское, но отошёл. Вблизи у женщины оказался странный взгляд расширенных зрачков и плохая кожа. Она очень твёрдо и уверенно заявила, что мне стоит просить прощения. Я заулыбался и дружелюбно спросил её: у кого и за что. Она ответила — за то, что попрошайничаю у дольменов и не даю им покоя, как и все остальные люди. Я, продолжая миролюбиво улыбаться, объяснил,

что не имею привычки попрошайничать у дольменов счастья, денег, здоровья и всего остального. И что вообще я в данный момент пустой и совершенно бескорыстно и дружелюбно пришёл пообщаться с дольменами, так что она неправа, и просить прощения мне не за что, т.к. я никого здесь не обижал, ничего плохого не делал и не собираюсь. Не уверен, что она уловила суть моих слов, но она перестала просить меня извиняться и сменила вектор беседы. Вообще она передала мне посыл просить прощения очень дружелюбно и даже как бы извиняясь, а дальше и вовсе сменила тон на максимально доверительный.

Женщина поведала о том, что группа камней, где мы находились в тот момент времени — это отец и мать, а сам дольмен — их сын, который умер молодым. И теперь каменные родители скорбят по своему сыну. Скорбят скорбью камней, столетия и столетия находясь неподалёку от каменного сына. Я удивился, потому что дольмен был составлен как минимум из нескольких камней. Насколько я понимаю, по внешнему виду дольмен — это небольшой дом, по сути — это сложенный из камней портал, искусственная пещера, для медитативных сессий, ченнелинга, перерождения. В конце концов, я решил, что женщина может говорить метафорически о родительских взаимоотношениях камней, а то и вовсе — бессознательно с чужих слов.

По поводу других дольменов — она рассказала, что на горе неподалёку есть группа малоизвестных дольменов, на которые мне обязательно надо попасть. Я снова с любопытством посмотрел на эту необычную женщину. Лицо её было поражено какой-то странной болезнью, но сама женщина казалась позитивной. Биополе её было обыкновенным. Затем она сказала, дескать, обычно говорят, что она несёт всякий бред, а я не говорю. Я ответил, улыбаясь, что иногда не прочь послушать всякий бред, а вообще — всё хорошо, и я вовсе не считаю её сумасшедшей, т.к. и сам, в общем-то, тоже далеко не являюсь стандартизированной и унифицированной единицей антропной биомассы.

Дальше она начала рассказывать, что её дочь в Пшаде учится в школе без парт у какого-то неортодоксального академика. Что она и сама там училась. Она очень удивилась, что я не слышал ничего об этом академике. Сектанты — они всегда такие. Для них в их духовных лидерах заключён весь мир, вся вселенная, и, разумеется, они не могут не удивляться, когда кто-то другой ничего не слышал о целом мире. Но штука в том, что для другого это уже вовсе никакой не мир, а просто один из семи миллиардов жителей Земли. Просто ещё один сектант.

И так происходит повсеместно, не только с духовными лидерами, но с учителями всех видов и мастей, врачами, работой, брендами, материальными ценностями и атрибутами, гаджетами, социальными сетями. Люди любят зацикливаться на чём-нибудь или ни ком-нибудь и

больше не замечать ничего, искусственно завышая важность объекта или субъекта почитания. И также искусственно принижая ценность всего остального. А вот почему такой феномен встречается повсеместно, независимо от расы, национальности, ареала обитания, эпохи — я не знаю. Вроде бы нелогично и энергозатратно, но существует же. Да что там говорить, автор и сам любитель позалипать и позацикливаться. Всё понимаю, но поделаться ничего не могу. Но не стоит слишком сильно себя корить в этом, дорогой читатель/дорогая читательница. «We are only humans, after all», как поётся в песне. Во время беседы с женщиной к нам подошёл скептический мужчина. Довольно продолжительное время он стоял в стороне, но, наконец, набрался смелости и стал задавать интересующие его вопросы о дольменах. Я воспользовался моментом и, поблагодарив приятную сектантку, отошёл в сторонку, чтобы не мешать диалогу.

Там, в сторонке, меня нашла экзальтированная женщина, которая уже пообщалась с дольменом. Она спросила меня, как называется данный дольмен. Я ответил: «Сердце матери». Она спросила: «Почему?» Я улыбнулся и ответил ей, что так все говорят, а вообще — она может называть его так, как считает нужным. Ну а настоящее имя она может спросить у дольмена и только он может сказать, как на самом деле его зовут. Женщина хмыкнула, поморщилась слегка — дескать, опять меня окружают какие-то сумасшедшие, задумалась о чём-то и отошла в сторонку. Несколько минут спустя ушли и знающая женщина, и скептический мужчина вместе с экзальтированной спутницей. Таким образом, я, наконец, остался с дольменом один на один.

В отличие от всех остальных дольменов, которые я успел посетить в этом удивительном летнем путешествии, «Сердце» отозвалось моментально. Некоторые другие тоже отзывались, но на порядки слабее и не сразу. Как только я сел на порожек перед входом в дольмен, меня сразу же начало вырубать в тета-состояние. Я выспался, был полон сил и всё-такое, но как только я присел у дольмена, внутренний диалог выключился, тело обмякло, и привычный внешний мир перестал существовать. Вначале я подумал, что что-то не так с моей энергетикой и может быть идёт резкий отток, как например, бывает у некоторых видов деревьев, некоторых отдельно взятых деревьев, некоторых отдельно взятых вампиров и на некоторых кладбищах. Но никакого оттока не было, это дольмен был действительно живой и мощный, и он был действительно не против вступить со мной в контакт безо всяких прелюдий и предварительных разговоров. Ну а для того, чтобы мы могли общаться, моему телу было необходимо погрузиться в медитативное тета-состояние, куда «Сердце» меня и отправило. Собственно, я не знаю, почему его называют «Сердце матери». Я бы назвал его, например, «полётом ската».

Из этого состояния глубокого физического и ментального расслабления, чтобы как-то начать, я послал дольмену свой сердечный импульс доброты и ласки, спросил, как вообще его дела, и не хочет ли он мне что-нибудь рассказать. Спустя какое-то время, затрудняюсь сказать какое, может быть пару мгновений, а может быть пятнадцать минут, на меня посыпался поток слов, который я не могу втиснуть ни в одну из известных и понятных мне гипотез, схем, категорий, идеологий.

Wardruna – Helvegen
 Ayreon – Comatose
 Within temptation – Silver moonlight

#Chapter 24

08.2016. Медитации. Воспоминания
 Полёт скатов. Продолжение

Мой рот открывался и произносил слова, но связи между ними я не видел. Примерно 5-10% этих слов я и вовсе не знал. В общих чертах это выглядело так — я открывал рот и шёпотом произносил нечто вроде: «Пространство — триангуляция — безмятежность — исток — происхождение — реинкарнация — вестибулярный аппарат — регрессия — восхождение — врата».

Какое-то время я плыл по течению этих терминов, не особо напрягаясь, но пытаюсь понять хоть что-нибудь. Верней не так. Сначала я просто плыл в потоке слов и наслаждался упавшим на меня совершенно безо всяких на то с моей стороны усилий трансом. Для меня это, увы, не слишком частое явление. Потом я обратил внимание вообще на то, что я всё это время произносил какие-то слова. Затем — я пытался уже уловить смысл, идею, направление данного потока информации. В какой-то момент я осознал, что надо что-то поменять в способе нашего общения, т.к. мне говорят и говорят, но я как дырявое ведро, которое не способно удержать воду, не способно придать этой воде форму. Не уверен правда, что вода и

вовсе нуждается в том, чтобы ей придавали форму, тем не менее, подспудно я понимал, что было бы неплохо как-то воспринять то, о чём мне говорят.

Я начал пытаться выявить логические связи между терминами; написать историю, легенду; создать рисунок, картину, композицию. Но высшая форма организации никак не соизволяла переходить в формы низшие, доступные для моего восприятия, и я сказал дольмену, что не понимаю, и вообще — неплохо бы попытаться пообщаться каким-нибудь другим способом; с помощью принципиально иного инструментария.

Следующим этапом разговора стал поток символов. Когда-то во время одной из медитаций на Ольхоне я уже видел стены, покрытые непонятными символами. На вопрос: «что это?» мне тогда ответили, что это клинопись (спасибо, кэп).

В этот раз тоже начали появляться символы, и они были очень разнообразными. Я не большой знаток во всяких иероглифах, пиктограммах и клинописи, поэтому даже не могу сказать, как точно называются те или иные способы передачи данных посредством образов, высеченных на камне. Таким образом, довольно быстро стало понятно, что это не шаг вперёд на пути к взаимопониманию, и я попросил дольмен ещё раз попытаться изменить способ ведения диалога. Или монолога.

И вот, в какой-то момент мне удалось переключиться на визуальное восприятие транслируемого потока знаний. Не могу сказать, что я визуал, аудиал, сенситив или ещё какой зверь, но в данный момент именно этот способ сработал.

Как-то читал книжку Освальда Шпенглера про закат Европы. В ней транслировалась идея, которая меня зацепила. Суть идеи была в том, что современное человечество — это люди, принесшие в жертву одному органу чувств, все остальные. Что весь наш мир — это мир, воспринимаемый глазами. И этот визуальный мир поглощает процентов 95-99 нашего перманентного внимания. Зрение стало настолько имманентно эгоистично, что на фоне его титульной оперной партии остальные органы чувств излучают лишь слабый шёпот, воспринимать который мы не в состоянии. Надо заметить, что я согласен с большей частью тезисов товарища Освальда касательно данного вопроса и нахожу их весьма интересными, а также довольно объективными.

Таким образом, мне, современному человеку, принесшему в жертву зрению все остальные чувства, удалось наладить контакт с дольменом посредством визуальных картин, образов, слайдов, кинематографии.

Одна из кинолент содержала в себе завораживающий своим первозданным великолепием вид океана изнутри. Сам я проявился в теле огромного, колоссального ската, и вокруг меня грациозно плыли другие заселяющие мировой океан титаны моего вида. И наша хартия воистину парила, широко разбрасывая взмахи своих неудержимых, неутомимых крыл под разлитым в изумруде поверхностных слоёв воды сиянием солнечного света.

Вокруг существовал один лишь бесконечный неопиcуемый ультрамарин океана. Внизу темнела холодной чернотой зимней ночи безмятежная бездна. Сверху, сквозь толщу воды, сочился, лился, извивался, рукоплескал тысячекратно преломлённый и отражённый солнечный свет. Янтарный, живой, искрящийся свет, слегка подкрашенный в

многочисленные изумрудные, бирюзовые и лазурные оттенки океанической воды.

Я совершенно не покривлю душой, если скажу, что это было одним из самых захватывающих зрелищ, увиденных мной в этом теле, в этой жизни. Не хочется создавать фантомы рейтингов и безумно плодить сущности сверх надобности, но это действительно так. Вот и сейчас, когда я пишу эти строки, всесильный ультрамариновый океан накрывает меня, смыкается над головой, а из тела вырастают огромные, неудержимые крылья ската. И это останется здесь, со мной, навсегда.

Время от времени я видел ската снизу, из глубины океана. В этих ракурсах внимание к себе приковывали необычные жабры: фактически, они были сделаны из соломенных прутьев, конструкция ритмично расширялась и сокращалась при вдохе и выдохе.

Потом я вновь видел огромных скатов под сводом светящейся поверхности океана, в другое время сам был этим парящим скатом, а в следующие мгновения созерцал соломенные прутья-жабры.

В какой-то момент визуальный способ восприятия информации нарушился, а видения снова перешли в потоки слов и символов, смысла которых было не уловить. В этом месте я почувствовал, что можно поблагодарить дольмен и идти дальше. Вся процедура общения заняла, наверное, час или полтора, однако во время самого контакта я не знал, что такое время, в чём оно измеряется, какой структурой и плотностью оно обладает. Хотя, в общем-то, кто здесь знает, что такое время.

Как будто я слышал голоса ещё одной пары в начале медитативной сессии, хотя не уверен. Не уверен я, впрочем, и в том, проходил ли кто-то рядом вообще за время контакта. Да и какая, собственно, разница.

Когда я отходил от «Сердца матери», меня посещали мысли, не остаться ли здесь до вечера, чтобы поработать с дольменом, и я до сих пор не знаю, правильно ли поступил, уйдя именно в этой точке на поиски других дольменов. Но всё в любом случае уже произошло, вследствие чего перешло в категорию прошлого, а сожалеть о прошлом — значит впустую тратить энергию, которой у нас итак не в избытке.

Далее я крайне нетривиально дошёл до двух заброшенных в лесу дольменов, нашёл на укромной полянке в лесу большое количество собранных цветов мускатного шалфея, которые сушились на куске полиэтилена площадью примерно три на четыре метра. Правда, дядька-саксофонист мне потом рассказал, что сушить цветы нужно только в тёмном помещении, чтобы они сохранили максимум полезных свойств, так что кто-то сушил цветы не по фэн-шую. Ещё и на полиэтилене. Наверное, нуб в этих делах, или безразличен к здоровью покупателей.

После я дошёл до ещё одной неочевидной и не очень популярной среди туристов группы из 7 дольменов, которые назывались «казачьими», встретил там молодых, красивых парня с девушкой и живым удавом?!

Попробовал вступить в контакт с тремя дольменами, но безрезультатно. Потом заблудился, нашёл ещё один, совсем уж заброшенный дольмен и одну удалённую пасеку.

На подъёме к группе казачьих дольменов я встретил женщину с дольмена «Сердце матери», которая говорила мне, что я обязательно должен здесь побывать. Она, улыбнувшись, сказала, что вот, мол, я же говорила, что ты обязательно должен здесь побывать, вот ноги и привели. Я улыбнулся, поблагодарил женщину и пожелал её всего доброго. До деревни дольменов и дольмена «Патриарха», популярных среди туристов и обозначенных мной в начале трипа в качестве целей, я так и не дошёл ни в этот день, ни в это лето вообще.

Я вернулся в лагерь почти засветло и даже успел отдать в один из домиков экопоселения свои «лыжи» на зарядку, т.к. они сели где-то в обед. Но, увы, как я узнал только на следующее утро, вечером генератор поселения был отключен, и мои «лыжи» остались незаряженными вплоть до посёлка с Абрау-Дюрсо, оставив меня без интернета, фотоаппарата и офлайн-карт.

Уже совсем стемнело, когда я добрался до палатки, оставил в ней часть вещей, оделся в тёплую одежду и пошёл петь «Аум» к трём дольменам Возрождения с местными йогами. В этот вечер я сел к ним в круг, а не забрался на крышу дольмена, как делал это ранее. И в этот вечер, в отличие от других, я дал волю своей вишудхе.

За пару дней до описываемых событий, один классный бухающий дядька-саксофонист, который принудительно подарил мне пакетик собранного им в верховьях реки Жане шалфея, сказал, что у меня заблокирована горловая чakra. Принудительно — потому что сначала он хотел подарить мне фигурку дольмена, но я заплатил, сказав, что не могу принять этот подарок. Тогда он вручил мне пакетик чая, категорически отказавшись от его оплаты.

К тому моменту, когда дядька говорил про заблокированную вишудху, он был уже сильно «под градусом» и, вероятно, вещал бессознательно. Может быть, это даже говорил его дух. А, может быть, это был просто пьяный бред, кто теперь узнает. Как бы то ни было, в вечер после посещения дольмена «Сердце матери» я пошёл и раскрыл вишудху как следует.

На саксофоне дядьку научил играть миасский мастер музыкального инструмента, не знаю, как его зовут, но я уже описывал, как он импровизировал заходящему солнцу на Тургояке, прислонившись спиной к берёзке. Он легко узнаваем, т.к. лицо его изрыто оспинами, и он часто бывает пьян.

У краснодарского саксофониста была жена, которая играла на гитаре и пела, и сначала я познакомился с ней, а уже потом — с самим

саксофонистом. В одну из наших бесед они рассказали трогательную историю о том, как миасский саксофонист жил у них в доме под Таманью несколько месяцев и учил краснодарского дядьку играть на саксофоне в качестве платы за кров и еду. При этом главным условием сделки было — не пить алкоголь всё время обучения.

Это был мой последний день на Возрождении в это лето, и закончился он под пение мантры Аум с местными йогами у одного из трёх местных же дольменов и воспоминания о величественном полёте по океаническому небосводу гигантского ската. После пения мантры я вернулся в свой лагерь, где сразу же попал в объятия глубокого сна и даже емоты в эту ночь меня не тревожили, хотя, впрочем, еды для них у меня всё равно к этому моменту уже не оставалось.

Далее меня ожидало автобусное путешествие на озеро Абрау. А после — пешеходный трек к Чёрному морю от завода шампанских вин Абрау-Дюрсо с гламурной набережной озера, вдоль береговой линии и через лес. По ходу этого трека я нашёл кучу бесплатных фруктов на окраине посёлка, несколько раз заблудился, потерял в лесу на южной стороне озера свой навигатор «Гармин», пусть у него будет всё хорошо. Один раз дорогу мне подсказал байкер, как две капли воды похожий на Сашу Васильева из «Сплина». Правда подсказал неправильно. Верней она была бы правильной, если бы я тоже был на байке, а пешком это была очень длинная дорога.

В итоге я вышел-таки к морю на студенческий пляж рядом с Лиманчиком, где половину ночи была дискотека и какая-то пара занималась сексом на побережье метрах в пяти от меня и моей палатки. И ведь даже не пригласили. А наутро со всех сторон вновь появились нудисты.

Впрочем, это уже совсем другая история.

Калевала – Ведьма
Anette Olzon – Invincible
Metallica – The unforgiven

#Chapter 25
Сон 08.2016

Вроде так себе сон, но воспоминания о нём не покидали меня почти неделю, пока не записал его в блокнот. Правда к тому времени в памяти остались только самые основные моменты, такие как ощущение небывалой ловкости или нарядный красный двухэтажный автобус.

Начался в моей памяти этот сон с того, что я и Аня Г. опаздывали, а потому бежали со всех ног на самолёт из Челябинска в Москву. Причём самолёт Челябинск-Москва вылетал из Миасса с Предзаводской примерно из района общаги в девятиэтажке, где находится столовая. Дорога к

аэропорту оказалась довольно неочевидной, и мы постоянно опаздывали, но в конце каким-то чудом успели заскочить в уже взлетающий самолёт.

В самолёте Аня Г. превратилась в брата и маму. Мы летели как-то слишком близко к земле. Так близко, что было видно все дома, деревья и чуть ли не людей. А потом начали снижаться, хотя до столицы было ещё далеко. Но мы всё снижались и снижались, пока не достигли высоты, на которой уже можно было зацепиться за дома ночного и какого-то чужого мегаполиса, меланхолично проплывавшего под самолётом. Мама сказала, что это Уфа. И вот, в этой самой Уфе, самолёт неожиданно сел прямо на автомобильную дорогу и поехал по городским машинам, которым сильно не повезло в эту конкретную ночь в этом конкретном сновидении.

Крылья самолёта обломились о здания, стоявшие вдоль дороги, но это никак не повлияло на жизнеспособность летательного средства и оно, постепенно замедляясь, продолжало свой эсхатологический путь, сея смерть всему, что попадало под огромные, не знающие жалости, колёса.

В момент, когда скорость стала совсем уже незначительной, может километров 30-40 в час, навстречу самолёту выехал нарядный красивый двухэтажный автобус с пассажирами. Такие автобусы обычно рисуют в учебниках про то, что «London is the capital of GB».

Я смотрел на этот автобус с чем-то похожим на чувство умеренного восхищения и в один момент сконцентрировался на нём так сильно, что загадочным образом переместился на второй этаж красивого автобуса, стремительно приближавшегося к собственной, и всех своих пассажиров, аннигиляции.

Второй этаж автобуса оказался почему-то без крыши, чему я успел поудивляться пару секунд. Больше времени не было, т.к. через эту пару секунд произошло столкновение. Однако встречи со смертью не состоялось, потому что в момент столкновения я с неземной ловкостью человека-паука перепрыгнул сначала на первый этаж, затем на землю и в сторону от дороги. В этом движении мне удалось идеально использовать силу рук, массу тела и инерцию.

Собственно, это воспоминание о неординарной ловкости и силе, пришедших ко мне в момент смертельной опасности, раз за разом всплывало в моей памяти, подталкивая написать об этом сне.

#Chapter 26

Сон 10.09.2016

Тигр-аватар

Итак, сегодня мне снова снился сон, связанный с Индией. Причём на этот раз, я до неё всё-таки добрался. Самым странным было ощущение «как

дома». Я несколько раз путешествовал в страны юго-восточной Азии и каждый раз удивлялся тому, в каком ритме здесь живут люди, и вообще крутят земную ось медведи. С одной стороны, юго-восточная Азия — буддисты, индуисты, анимисты, философы, улыбаются и никуда не торопятся. С другой — как только ты попадаешь на улицу, автоматически оказываешься участником многотысячного карнавала, демонстрации, митинга, вечного в своей обыденности и перманентности флэш-моба.

Здесь присутствовало такое же броуновское движение, но тело не удивлялось. Оно чувствовало себя очень и очень хорошо. Так хорошо моё тело чувствовало себя на Аркаиме, Ольхоне, в яблоневом саду этнического эко-поселения в Возрождении, в Ришикеше и Вриндаване. В священных местах, где его пронизывало, пропитывало ощущение доброты, благодати, правильности происходящего в данный момент в данном месте и вообще пути в целом.

Я не спеша прогуливался по улицам Индии, вдыхая полной грудью тёплый влажный воздух. Вокруг плотным коконом висело благоухание тропических фруктов, специй, канализации, благовоний и бог знает, чего ещё — ароматическая эклектика, столь характерная для данного ареала. Прогулка была довольно долгой, но чётко запомнился только эпизод с двумя парковками и последующим проявлением тигриного лика.

Вопреки всем законам рынка, две парковки располагались по соседству (даже не через дорогу). Я заинтересовался, почему так, и пошёл спрашивать у владельца, в чём был замысел. Он сказал, что владелец второй парковки — его друг (он показал на мужчину средних лет, который сидел неподалёку) и они оба владеют каждой своей парковкой, но обычно присматривают за обеими через день. Фактически: график сутки через сутки. Я удивился, какие прикольные люди индусы — живут на своей волне, и плевать с высоты своих индуистских храмов хотели на все эти западные экономические недонауки.

Ближний из парковочных магнатов, довольно плотный, черноволосый (ну а какой ещё) индус с большими глазами и спокойной приятной улыбкой рассказал, что купил эту парковку за сто долларов во времена, когда Индия ещё не стала туристической Меккой.

Также он рассказал, что за последние десятилетия формации и геополитические акценты на планете Земля сменились, так что запад уже не рулит. Запад теперь нищенствует и никуда не ездит. Восток же, напротив, разбогател и повсюду путешествует. Причём в Японии и Китае восстановились характерные для этих стран исторические отношения хозяин-слуга. Он показал мне фотографии нарядных богатых восточных господ, которые путешествовали налегке. В то время как всю их поклажу носили слуги, словно в каком-нибудь девятнадцатом веке в одном из государств старушки Европы. Я подумал: «Неожиданный поворот».

Пока я переваривал свалившуюся на меня информацию о пришедшей на Землю многополярности, откуда-то появилось 4 недобрых индийских полицейских. Они приставали к местному, тыча в него резиновыми палками, ногами и руками, и спрашивая его, где он взял фальшивые деньги. Почему-то полицейские говорили про кроны, а не про индийские рупии. Обвиняемый был жалок, но отвечать полицейским ему было нечего, и без очевидных потерь из этой ситуации выйти он не мог.

Владелец парковки настоятельно посоветовал, чтобы я не связывался с местными полицейскими. Причём только тут я заметил, что всё это время говорил с ним на чистейшем, великом и могучем русском языке. Тогда как со всеми остальными участниками сна, кроме Бога, явившегося мне в последующем в образе тигра — на англо-саксонском. Впрочем, с Богом я не могу сказать, что прямо общался. Хотя, не могу сказать и что не общался. В любом случае, это не был язык слов.

«И самое лучшее», добавил индус, «как только увидел их — сразу потихоньку иди в противоположную сторону, чтобы не привлекать внимания». Дальше беседа странным образом переместилась к писсуарам в туалете.

Где-то в этот момент я обнаружил, что у меня в руках постоянно находилось пенсионное. Эта заламинированная зелёнькая бумажка СНИЛС. Не знаю уж, что я с ней собирался делать в Индии, но она как будто являлась важным документом, вроде паспорта. Может быть, это было что-то вроде универсального удостоверения личности, как в Казахстане.

Выйдя из туалета, я последовал совету доброжелательного владельца парковки, вследствие чего направился подальше от полиции и потенциальных конфликтов. После была череда малозаметных событий, и в конце концов я обнаружил себя поднимающимся вверх по странной Индийской улице. Странность была в том, что улица была знакомой, и я уже прогуливался по ней, но не в том теле, которое сейчас набирает буквы на клавиатуре.

Однажды мне снился сон, где я путешествовал по чужой стране с группой людей, и они все пошли куда-то, а я заблудился, из-за чего стал метаться по незнакомому району, т.к. опаздывал на экскурсионный автобус. Тот сон и та улица были носителями тревоги. Этот же сон и вновь проявившаяся в нём та же самая улица, напротив, были обителью покоя и уравновешенного, разлитого безумным шляпником Брахманом в перевёрнутые чаши храмов абсолютного эмоционального штиля. Фактически я ощущал себя как дома. Только штука в том, что дома я редко чувствую себя настолько хорошо.

Я шёл и шёл по незнакомой знакомой улице, а на объёмную картинку пространства вокруг меня стала сначала потихоньку, но затем прогрессивно всё более и более настойчиво накладываться цветная голограмма с тигром.

Или можно сказать, что это был слой реальности. Фактически, реальность складывалась из двух слоёв: первого, с Индийской улицей, и второго, с мордой тигра. Первый слой затухал, а второй набирал интенсивность и непрозрачность. Только этот визуальный процесс не был плавным, скорее тигриное лицо проявлялось дискретными импульсами, вспышками, точечными разрядами.

И в конце концов повсюду вокруг меня привычный мир со всеми своими материальными атрибутами стёрся, растворился, аннигилировал. Осталось лишь тигр, смотрящий на меня пристально и в упор своими огромными немигающими янтарными глазами. Во взгляде не было агрессии, злобы, может быть даже заинтересованности. Я бы сказал, что ощутил и увидел в глазах тигра изначальную, базовую бесконечность и бескомпромиссный, всеобъемлющий покой.

Изначальная бесконечность галактик и вселенных со всеми их млечными путями и созвездиями, кварками и бозонами Хиггса, а также прочими чудесами макро- и микромира, знакомыми нам визуально, синтаксически и ментально.

Бескомпромиссный покой той волшебной ночи, когда ещё не существовало ничего: ни света, ни тьмы; ни добра, ни зла; ни жизни, ни смерти. Но в этом покое уже доверчиво пряталась потенциальная энергия, которой хватило бы для создания всего, о чём только может помыслить человеческий разум.

Словно Сам Создатель и Хранитель всего сущего явился в образе тигра и решил взглянуть мне в глаза из своего храма абсолютного величия

и мудрости, из своего аватара, восприятие формы которого было в тот момент доступным скромным возможностям моего тела сновидения.

Halloween – Music

#Chapter 27

Сон 29.10.2016

Повелитель песчаных бурь

Начался этот сон в моей памяти с того, что я одновременно находился на остановке посёлка Динамо у тринадцатой школы и на пляже у моря. Не знаю, как это возможно, но я одновременно загорал под тёплым курортным солнцем и ожидал общественный транспорт на остановке. На пляже люди были рассредоточены и не бросались в глаза, их присутствие ощущалось, но оно было каким-то невыраженным. На остановке тоже были люди — немного, может быть дюжина, или около того. Среди них были две молодые красивые девушки-брюнетки. Они были не вместе, но сидели неподалёку друг от друга в компании других людей.

В тот момент, когда появился повелитель песчаных бурь, я лежал на пляже и смотрел на море. Мистический персонаж двигался с юга на север и, проходя мимо девушек, кинул в лицо каждой из них по горсти песка. Злодей бросал свой песок с приличного расстояния, может быть метров с семи, и, тем не менее, до лица каждой из брюнеток прилетело по хорошей пригоршне. Я увидел в глазах девушек обиду, оценил реакции людей вокруг них и понял, что никто не собирается связываться с таинственным незнакомцем. Я поднялся на ноги, пляж, море и тёплое солнце в тот же миг пропали, осталась лишь остановка и назревающая проблема. Начиная вставать, я крикнул существу: «Эй, чувак!» На полном серьёзе, именно это заклинание вызова на дуэль я бросил в спину дерзкому незнакомцу.

Странник был среднего роста, может быть 180 см или около того. Он был в крайне просторной одежде, скрывавшей не только особенности телосложения, но и черты лица, возраст... да собственно говоря, почти всё. Пол, впрочем, был мужским. На лицо существа спадал капюшон. И вниз по спине спускался ещё один капюшон. Поверх этого странного одеяния было накинуто что-то вроде наплечных лат. Наплечники вместе с основным одеянием были сделаны из странных серо-сиреневых тряпок.

По спине вниз, вдоль позвоночника, спускался изошрённый узор, который жил и извивался, подобно змее или какой-нибудь рептилии. Но не устрашающе и не отталкивающе. Вообще у этого существа была очень странная аура — он был, очевидно, очень опасен, далеко не добр, но как будто и совсем не зол. Словно у него была своя нейтральная миссия, и он

вообще мало соприкасался с заморочками антропного мира, а посему его сложно было втиснуть в узкие рамки терминов добро/зло.

Но он бросил песок в лица девушек, доставив им страдания, в нарушив первый принцип ямы/ниямы — ахимсу. И никто кроме меня не мог здесь вступить за обиженных барышень. Посему, хоть мне и не хотелось вступать в конфликт с этим непонятным, могущественным и не сказать, чтобы неприятным персонажем, тем не менее, всё же пришлось крикнуть ему: «Эй, чувак!», чтобы объяснить, как не следует обращаться с девушками.

Существо повернулось ко мне. В этот момент я должен был бы увидеть его лицо, но не увидел. Существовала возможность разглядеть контуры головы, пряди тёмных волос, спадающие на лицо, даже отблески глаз внутри пространства под капюшоном. Но я не могу сказать, что видел что-то, чтобы суметь потом опознать это существо в лицо при встрече. Всё, что было под капюшоном или даже в области капюшона было закрыто трансцендентным туманом, мороком.

Тем временем в левой руке незнакомца появился посох. Может быть, он был там и до этого, но увидел я его только в момент, когда незнакомец обернулся. Посох был покрыт светящимися символами и окружён вязью из корней. Вероятно, корни символизировали змей, как и узоры на спине незнакомца, вроде культовой атрибутики. В навершии посоха было что-то похожее то ли на череп, то ли на лицо самого незнакомца в капюшоне. Над навершием посоха небольшой изящной аркой нависал серп. Примерно такой же серп у кельтских друидов символизировал атрибут власти над стихией огня.

Описываю многословно, но фактически повернулся он за пару мгновений. Ещё несколько коротких мгновений длился его внимательный взгляд из-под капюшона. И после этого он исчез. Просто исчез. Дематериализовался.

И в тот же момент началась песчаная буря. Настоящая, конкретная, яростная песчаная буря. Я интуитивно спрятался за остановкой. Некоторые люди успели спрятаться, другие нет. Двое или трое мужчин собрались и начали двигать остановку к дороге, чтобы другие смогли использовать её в качестве щита. Остановка каким-то образом разделилась. И то, что мы двигали, было остановкой, и те, кого мы хотели защитить, тоже были на остановке. В итоге мы додвигали остановку-щит до другой остановки, и они, посредством какой-то неведомой мне магии, объединились в одну. Буря при этом кончилась. Прямо в тот момент, когда две остановки слились в единое целое. После этого я, как ни в чём ни бывало, остался ждать автобус. И он приехал, большой и красивый.

Во время поездки я почему-то размышлял как его владелец. Мысли были примерно такие: на этом красивом автобусе нерентабельно возить пассажиров по Миассу за 18 рублей, т.к. это не окупит даже

амортизационные расходы. Следует возить на нём межгород, официально или посредством «бла-бла-кар». При этом меня не смущал тот факт, что я сам ехал на нём внутри города с п. Динамо на п. Автозавод.

В какой-то момент я подумал, что за чудесная фирма выпустила этот автобус. На прорезиненной прокладке между стеклом и кузовом гордо красовалась надпись «Swiss». Ориентируясь на эту надпись, я решил, что данный автобус — швейцарец.

При приближении к автозаводу автобус превратился в троллейбус. С Динамо выезжал автобус, а вот с динамовского тракта на Предзаводскую заворачивал уже троллейбус. Вместе с тем из уютного салона с приглушенным тёплым медовым светом и запахом ёлочки с лимоном я переместился на крышу и встал между рогами троллейбуса, но немного позади. Рога были расположены не как у обычных троллейбусов, а почти строго вертикально, поэтому стоять было удобно. Можно было даже держаться за рога для надёжности. Током при этом не било.

Вокруг меня в одеянии, сотканном из лучей сочившегося сквозь туман солнца, шёл удивительный по своей красоте снегопад. Повсюду вокруг мерцал рассеянный и многократно-преломлённый свет, как в «Silent hill». И в этом удивительном киселе из лимонного света кружились огромные снежинки. Причём снежинки кружились не хаотично, а по законам какой-то неведомой высшей гармонии, идеально соблюдая заданные ритм и цикличность, словно танцуя красивый масштабный танец, скажем — вальс. Вокруг было тепло, светло и уютно. Воздух ничем не пах и звуков тоже не было.

Я взобрался на дополнительный подиум на крыше троллейбуса, чтобы располагаться ещё выше в процессе поездки. В снегопаде начали появляться новые провода, перпендикулярные тем, вдоль которых ехал троллейбус. Примерно в районе «Захара» троллейбус очень круто развернулся петлёй на 270 градусов в одном стремительном движении, чтобы ехать дальше в сторону вокзала. На остановке я увидел бывшего заведующего кафедрой В.Д. Дерябина с какой-то женщиной. Он погрозил мне пальцем, мол: «Ай-яй-яй, ты зачем едешь на крыше, Ярослав Владимирович». Я подумал: «и действительно, зачем?»

В районе многоэтажек перед вечным огнём и администрацией я решил спрыгнуть с крыши. Троллейбус умчался вдаль, а я вспомнил, что оставил в салоне пуховик с телефоном, деньгами и прочим. Вспомнил, расстроился и проснулся.

Фигура повелителя песчаных бурь и его антураж настолько запали мне в душу, что утром я даже попытался нарисовать его. Получилось, впрочем, так себе, какая-то смесь из Гэндальфа Серого и главного героя «Assassins creed».

Kansas – Dust in the wind
Kansas – Stand beside me
Kansas – Play the game tonight

#Chapter 28
1.11.2016

В этом сне я был ведьмаком Геральтом (из цикла рассказов о ведьмаке А. Сапковского), у меня был вооружённый отряд, и мы воплощали в жизнь планы и замыслы какого-то властимущего человека. Впрочем, цели этого человека не были чужды нам, поэтому никаких проблем с исполнением чужой воли не возникало. Кроме того, нам неплохо платили как наёмникам. У нашей компании были две основных цели: первая — защищать Цири, вторая — что-то захватить во вражеской сокровищнице.

В ходе этих кампаний нам понадобилась помощь кого-то из стана врага, и мы с помощью волшебства телепортировали к себе в лагерь рыцаря в крылатом шлеме со скромным именем Кагыр Маур Дыффин аэп Кеаллах. В видении, которое сопровождало похищение, он прогуливался по крепостной стене какого-то мрачного замка, потом его подняло в воздух и перетащило прямо в наш лагерь. Впрочем, он, похоже, был готов к такому повороту событий. По крайней мере, взгляд его не выражал ни тени удивления или тревоги за своё будущее. Я спросил его, почему он так спокоен, ведь его только что при помощи магии перетащили в стан врага. В ответ он поведал мне историю о светящемся призраке, который рассказал ему, что скоро в его жизни произойдут большие перемены, но, что бы ни случилось, он должен будет защищать Цири любой ценой.

Далее были приготовления к проникновению во вражескую сокровищницу. Происходили какие-то тренировки и стычки, много воды утекло, уже почти ничего не припомню из той череды событий, но в конце пути мы оказались в пункте назначения, где целую вечность спускались вдоль влажных, поросших мхом вековых стен по безразличной прохладе каменных ступеней. Спуск оказался таким долгим, что в какой-то момент стал казаться путешествием в ареал обитания других существ, и я уже готов был встретить на своём пути элементалей земли, гномов и бог знает кого ещё. Как бы там ни было, мы дошли-таки до огромных железных чёрных ворот, которые поднимались вертикально вверх. А прямо за этими воротами оказалась сокровищница. И она была грандиозной.

Когда мы зашли в неё, то первым, что мы увидели, было золото. Много-много золота: монеты самых разных стран и народов, слитки, украшения. То там, то здесь сверкали благородными красками драгоценные камни. Немало было в сокровищнице и воинского снаряжения — латы, оружие самых разных видов, щиты, сапоги, наручи, наплечники. Мне

пришло в голову, что это может быть только сокровищница Эмгыра Вар Эмрейса, белого пламени, пляшущего на курганах врагов.

Золото и драгоценности спадали прямо к нашим ногам. Ближе к центру сокровищницы они формировали небольшие горки, большинство из которых доставали высотой до моей груди, другие — до плеч, редкие были и вовсе выше моего роста.

Кагыр забрался на одну из золотых горок, откопал в верхнем слое монет хрустальный череп и победоносно поднял его на уровень своих глаз. Череп был из чистейшего горного хрусталя, размером в два раза больше наших собственных черепов. Форма его тоже как будто была не совсем человеческой. Взгляд Кагыра запылился таинственными, откровенно недобрыми, сиренево-фиолетовыми искорками. Мне пришло в голову, что так искрится семейная месть или что-то вроде того.

Я сказал ему, чтобы он положил череп, так как мы пришли сюда не за этим. Не похоже, что моя речь убедила Кагыра, разве что заставила его немного задуматься. К счастью, из воздуха проявился светящийся белоснежный призрак, который тоном, не терпящим возражений, приказал Кагыру положить череп обратно. Кагыр вздохнул и с видом глубочайшего разочарования вернул череп обратно на золотые монеты, примерно в то же место, откуда взял. В тот момент, когда череп покинул ладони Кагыра и вновь оказался во власти колдовского жёлтого металла, я проснулся.

Мельница – Огонь

Мельница – Ай, волна

#Chapter 29

06.11.2016

Первый сон с левитацией

Обнаружил я себя спускающимся с горки по улице Орловской, чуть ниже тридцатой школы, примерно в районе общежития на Уральской улице. Светило и грело летнее солнце. На мне были лёгкие кроссовки, лёгкая одежда и лёгкое настроение. В правой руке почему-то была одна треккинговая палка.

Сначала я легко и непринуждённо прогуливался по родным местам, затем стал невысоко подпрыгивать, отталкиваясь палкой от земли и зависая в воздухе. Постепенно время зависаний увеличивалось, и после пересечения Уральской я окончательно перешёл на полёт.

В этом путешествии вниз по улице Орловской всё напоминало мне о прошлом, ибо эта улица — подлинная артерия моей жизни здесь, в городе

Миассе. Фактически полёт начался от дома бывшего школьного друга Андрюхи К. и моей второй детской любви Наташки П.

Первая любовь была в садике, и звали её тоже Наташкой, только фамилия была С. Она была горячей блондинкой с длинной чёлкой, спадающей на глаза. Эту чёлку она постоянно сдувала с глаз, выдвигая вперёд нижнюю губу и пуская вертикально вверх струю воздуха изо рта. Кажется, именно этот её ритуал и зацепил детсадовскую версию меня. Хотя сейчас мне это и кажется гораздо более комичным, чем эммм... эротичным? Больше, собственно, ничего о ней не помню, кроме того, что она жила на 8 июля или 8 марта. Тогда мой мир был слишком мал, чтобы вмещать в себя обе эти улицы. Почему-то в садике я был уверен, что она жила в районе дома, где официально женятся и выходят замуж. Может быть, так оно и было, кто знает.

Вторая Наташка, П., была рыже-русой пацанкой с короткой стрижкой и дерзким взглядом. Пару раз мы с ней даже дрались в младших классах. Потом преподаватели в школе стали сажать нас за одну парту — процедура отечественного тимбилдинга, да и советскую традицию мальчик-девочка за одной партией в годы моей юности никто не отменял, особенно в младших классах. В общем, мы подружились, и я стал даже радоваться, если в начале нового семестра моей официальной соседкой оказывалась именно Наташка. Иногда, правда, попадались и отпиленные гопососедки, но буквально один-два раза. В старших классах мы и сами нередко стали садиться вместе, без посторонней помощи.

Классе в десятом, я однажды позвал Наташку на баскетбольную тренировку после школы, и она пришла. Но меня в тот раз почему-то не было. Может быть, я неправильно назвал время или место. Или мы просто разминулись. Как бы то ни было, это был тот самый единственный случай, когда моя платоническая школьная любовь могла обрести какие-то реальные, конкретные формы существования. Но не случилось.

Потом мне жутко нравилась соседская брюнетка Наташка В. из первой квартиры с первого этажа в первом подъезде дома на Романенко 11. 1 1 1 11 — вот это я понимаю доминантная самка. Я думал, что тоже её люблю или вроде того.

Первый эротический сон мне приснился тоже с Наташкой, уже четвёртой — одноклассницей Наташкой В. В том сне было тёплое летнее море, какой-то большой дом на берегу, вроде базы отдыха, горячие, солёные, тёплые поцелуи и всё остальное. Хотя я тогда и на море не был в той жизни, которую помнил, и не целовался, не говоря уж про всё остальное. До этого сна я никогда не думал о Наташке В. как о девушке, но после него, в случаях, когда она заговаривала со мной, я стал смотреть на неё по-другому. Разумеется, тогда я ещё не читал Юнга и Фрейда, но это не мешало мне понимать, что подобное «жжж» — неспроста. Интересно,

заметила ли она тогда эту перемену в моём поведении и как вообще забралась в моё школьное подсознание, где царствовали другие Наташки.

После этих четырёх Наташек я даже думал, что познал что-то типа своего рокового имени. Удивительно, но в своей взрослой жизни, я так и не задружил ни с одной Наташкой.

А потом появилась Лена Х. и сняла Наташковое проклятие.

И роковое имя тоже оказалось другим.

Итак, я пролевитировал мимо дома с юной Наташкой П. и Андреем К., с которым мы учились в одной группе садика, одном классе школы, и дружим до сих пор, мимо бывшей аптеки с железными решётками на дверях и зелёной змеей над бокалом яда. Через дорогу от аптеки располагается дом, где я лишился девственности. И это был очень важный момент в моей жизни. Там мы с моей первой девушкой Леной занимались любовью каждый вечер после её работы и моей учёбы/работы, а потом шли пешком на Динамо в любую погоду и непогоду, в жару и холод, в ветер, дождь и снег. Это было, безусловно, самое романтичное время во всей моей жизни.

Под аптекой располагается школьный стадион, где я забивал голы в соревнованиях по футболу и просто на уроках физкультуры, а также сдавал нормативы по бегу на разные дистанции и бросанию мячика/гранаты. Этот стадион был обнесён металлическим забором метра два высотой. Будучи школьником, я, разумеется, лазил через него бесчисленное количество раз, чтобы сократить путь домой или к друзьям.

Под стадионом расположена моя родная типовая советская общеобразовательная школа под номером четыре. Мой унифицированный советский дом, в котором я провёл десять счастливых лет.

Через дорогу от школы расположен дом на всё той же Орловской улице, где мы года два или около того жили вчетвером с родителями и братом. Было очень удобно выходить из третьего подъезда, спускаясь с первого этажа, где находилась наша квартира, а через минуту-другую оказываться внутри школьного здания.

В доме под ним жила семья Л., хорошие друзья бабушки с дедушкой. Увы, половины семьи Л. уже нет в живых. Но тут уж ничего не поделаешь, от моей семьи тоже сильно поубавилось. Такова наша природа — рождаться, жить и умирать.

Следующий дом вниз по улице — знаменитый в девяностые квадратный «пентагон». Тогда весь наш город был поделён между криминальными бандами и банда «Пентагон» была далеко не на последних ролях. В те же девяностые в этом доме жил мой одноклассник с сестрой и родителями К. Потом они всей семьёй эмигрировали в Германию. Сейчас он выглядит как типичный немец, обзавёлся большой семьёй, пьёт пиво как

воду, немного скучает по матушке России. Сейчас в нижней стороне пентагона живёт моя первая любовь — Лена Х.

С другой стороны улицы Орловской, напротив пентагона, располагается музыкальная общага, куда раньше по вечерам по верёвочным лестницам лазили парни к девчонкам. Когда-то давным-давно я, будучи ещё наивным юношей, спускался из леса Ильменского заповедника по Орловской улице, держа в руках букетик весенних жёлтых, но отнюдь не отвратительных (как в Мастере и Маргарите) цветов стародубок мимо этой общаги. А две взрослые и совсем не наивные девушки с очевидными намерениями кокетливо спросили с балкона общаги, не им ли я нарвал эти радостные весенние цветы. Я застеснялся, заулыбался и прошёл мимо с удивительным, знакомым лишь юности одной чувством тревоги и радости в груди. Тревоги от того, что с тобой только что произошло что-то неизвестное и приятное. А могло бы произойти, ты откуда-то всегда точно знаешь это, что-то многократно более приятное и неизвестное.

Теперь я не рву цветов. Кроме случаев, когда завариваю из них травяной чай. И ещё, пожалуй, знаю, что нужно делать с девушками. И чего не нужно тоже. Вот только времена те давно позади и незнакомки больше не приглашают меня к себе в гости с балконов домов. Да и эта общага, к слову сказать, давным-давно перестала быть рассадником разврата, а превратилась в обычный дом, где живут обычные люди. Которым некогда стоять на балконах, у них есть смартфоны, социальные сети, сайты знакомств, интернет и всякие другие дела. И от этого и радостно и грустно одновременно.

После «пентагона» и музыкальной общаги я пропарил вниз между двумя домами на Романенко 11 и 9. Справа, в девятом доме, жил мой школьный друг Лёха Р., а слева, в одиннадцатом, родители моего отца и другие школьные друзья — Дича и Диня.

Мы жили в этом доме с мамой, братом, отцом и его родителями-фронтовиками лет, наверное, десять. К тому времени, как я немного повзрослел, у нас появилась своя банда из Дини, Дичи, Лёхи Р., одноклассника Русика Б., мажора Ромы и меня. Мы играли в футбол, пускали кораблики из кленовых лепестков по лужам и ручьям, проигрывали и выигрывали друг у друга вкладыши и занимались всякими другими бессмысленными на первый взгляд вещами. Я до сих пор умею делать из этих лепестков штук пять видов корабликов.

Именно в этом доме, в квартире №№ меня среди ночи однажды напугали глиняной маской чёрта, после чего я начал заикаться. Потом родители долго водили меня к разным врачам, но безуспешно. А вылечить от заикания смогла колдунья, жившая на Мелентьевке, что и привело меня к первому знакомству с магией, сверхъестественным, а может быть даже с Богом. Это было весьма непродолжительный временной отрезок жизни с ощущением присутствия обоих родителей, которые доброжелательно

относятся друг к другу, и совместно участвуют в моей жизни. Может быть, если бы мы вчетвером так и жили с родителями отца, все бы старались вести себя много лучше в их присутствии, как никак — дед был бывшим КГБ'шником, и наша семья просуществовала бы на десяток-другой лет подольше. Впрочем, валар моргулис.

Помню, как стояла багряно-алая осень, и мы шли втроём на Мелентьевку. Заикаясь, я погружал свои ноги в золото опавшей листвы, а потом поднимал листья в воздух движением ноги и улыбался, радуясь тому, что у меня есть семья, и нет других забот, кроме заикания. Это чуть ли не единственное сентиментальное воспоминание моего детства, связанное с отцом. Хотя в той маске было что-то действительно жуткое, я бы и сейчас мог испугаться, покажи мне её среди ночи при правильном освещении.

Потом мы с родителями ненадолго переехали на пару домов повыше, в квартиру родной сестры моей мамы и её (сестры) мужа, а дальше — на Динамо, где и прошла моя взрослая юность. В последние годы жизни в этой квартире я купался в любви юной девы, а взаимоотношения моих родителей прошли стадию полнейшего декаданса, после чего и вовсе перестали существовать.

После пересечения автомобильной дороги на Романенко я пропарил по этой крохотной романтической аллейке с винтажными фонарями и волшебным светом от них. Особенно волшебным становится свет во времена снегопадов, туманов или дождей. Я и сейчас нередко залипаю под этими фонарями, рассматривая картины мира, обработанные фильтрами с преломлением света в различных видах осадков и испарений.

Дома стоят, разумеется, всё на той же Орловской, их на аллейке три, они двухэтажные и построены в середине двадцатого века немцами, которые имели несчастье оказаться в России во время войны. Ну а что, а *la guerre — comme a la guerre*. Множество подобных домов по городу уже снесены и заменены бездушными квадратными многоэтажками, но именно эти, Орловские двухэтажки, пока здравствуют, как и немецкие дома на проспекте и улице Калинина.

В верхней из трёх двухэтажек находится штаб единой России, я там бывал однажды, перед тем как в первый раз ехать на Байкал. Напротив — находится детская поликлиника. У поликлиники была пара десятилетий тотального декаданса, когда казалось, что там вполне могут обитать привидения. В девяностых на обломках разрушенной и брошенной Империи, позади такого же брошенного и разрушенного здания детской поликлиники, стояли здоровые мусорные баки. Из этих баков мы добывали использованные шприцы и иглы для разных подростковых перестроечных забав, типа брызгаться водой в соседа на паре. У нас ведь не было игрушек и гаджетов. Чья-то светлая голова тогда догадалась искать в больничных мусорных баках использованные шприцы и иглы. О том, что мы могли чем-

то заразиться от этих игл, никто не думал. Советские дети без страха и упрёка. Впрочем, никто не заразился. Несколько лет назад детскую поликлинику восстановили под какую-то предвыборную кампанию, и теперь она снова жива и здорова. И Империя, к слову, похоже, тоже поправляется.

В среднем доме располагалась, располагается, и, надеюсь, будет располагаться музыкальная школа. Я до сих пор время от времени останавливаюсь послушать играющих там прекрасных людей. Иногда бывает, конечно, играет какой-нибудь трэшак, от которого бежишь подальше или хохочешь, типа фальшивой ламбады на баяне. Но в основном это здание и люди в нём вызывают исключительно тёплые, положительные эмоции.

В нижней немецкой двухэтажке — простой, банальный жилой дом с мебельным магазином, выходящим на улицу Инструментальщиков. Одно время там жила прикольная низкая собака, которая выскакивала из окна первого этажа на крышу пристроенного к дому сарая и носилась по ней. Выглядело это очень мило и комично.

Между средним и нижним домами в пешеходной аллее в девяностых была ямка. Во времена обучения в младших классах школы в нашем арсенале имелась одна странная забава с этой ямкой. Мы со школьным другом Виталей М. заваливали впадину снегом и маскировали её так, как будто там ровная дорога. Потом прятались за колоннами, которые раньше были у нижнего дома. Сейчас колонн уже нет, потому что какое-то хитросделанное существо обнесло их уродливой серой стеной из цемента, расширив тем самым свою жилую площадь, попутно отняв у дома и всего этого микрокосма его уникальную античную привлекательность. Почему-то все остальные подобные немецкие двухэтажные дома в нашем городе не имеют колонн, так что это был единственный в своём роде, крафтовый, представитель гражданского строительства военного времени. Есть, разумеется, античный дворец культуры автомобилестроителей. Но на то он и дворец.

Когда кто-нибудь проваливался в эту ямку-ловушку, мы смеялись и убегали. Вот пишешь, и думаешь — дети с гоблинским переводом. Хотя высота ямки была небольшой, может быть сантиметров 15-20 и вряд ли кому-то мог быть причинён какой-либо осязаемый вред от проваливания, но пользы точно никакой не было. В моём детстве было много таких мелких бессмысленных вредительств. Кидаться бумажными бомбочками-оригами, наполненными водой, с балкона. Воровать всякие болты-гайки с завода в дни открытых дверей. Плеваться в людей с крыш и балконов рябиной из трубок, спиленных со спинок металлических советских кроватей, и всегда обмотанных синей изолентой. Зачем осуществлялось действие сие? Наверное, чтобы приятнее было держать это заморское духовое оружие в руках, да и изоленты в каждой семье было в избытке.

Зачем было переводить рябину, когда её могли бы кушать птички? Зачем было дразнить беззащитных перед изошрённой детской фантазией взрослых? Может быть, нам было просто скучно, ведь у нас не было телефонов, компьютеров, интернета. У многих не было вообще никаких игрушек. У меня было два танка — зелёный металлический и белый пластмассовый, похожий на фашистского тигра. Его мне купила ещё прабабушка. Мне повезло, у меня были не только танки, но и прабабушка, светлая ей память.

Но я считаю, что дело было не в скуке и не в отсутствии игрушек. А вот в чём? Неужели мы были просто глупее и злее современных детей? Может быть, дело во множественных амнистиях 80-90х, когда мою страну заполонили толпы непонятного содержания людей, когда в каждом районе, в каждом дворе обязательно была своя банда и все со всеми дрались, воровали и занимались прочей неведической деятельностью. Перманентно.

И всё-таки мне кажется, что дело здесь не только в лавине освобождённых заключённых. В идеологическом, ментальном, духовном кризисах страны, возникших ввиду поражения в холодной войне? Спустя пару-тройку лет все станут ходить в кепках с надписью «уса», считать, что спортивные штаны «адидас» с тремя полосками это очень круто, а собственная Родина — отстой. Удивительное время абсолютной, тотальной, парадоксальной глупости. Когда дома стояли банки натурального вкуснейшего вишнёвого и грушевого компота, а мы чуть не до драки делили всякие «юпи» и «инвайты». Все вокруг пили, курили и наркоманили. Если ты ничего не употреблял, то автоматически попадал на дно списка. Тотальная коллективная посадка, обработка и сбор картошки с полей. «Ножки буша». Те самые напитки из порошков — «юпи», «инвайты» и самый «вкусный» — «зукко». Миллион одинаковых боевиков на видеокассетах. «Санта-Барбара» и лежащий по три реальных года в коме Сиси Кепвел, богатые, которые, тоже плачут, косинус с черепашками ниндзя, эфир 2 с десятью одинаковыми песнями каждый вечер. Сколько ж нужно мне вина, чтоб из памяти прогнать дым сигарет с ментолом. Даже в песнях все бухали и курили. ЗОЖ, духовное развитие. Нет, не слышал.

А с другой стороны все читали. Много. Даже самые отстающие ученики. Все знали основы естественных наук и математики. А те обкуренные, упитые троечники-двоечники делали в письменных работах столько же ошибок, сколько сегодняшние отличники. Логика? Нет, не слышал. Какой-то противоестественный эгрегор правил бал девяностых и нулевых. Впрочем, мало ли противоестественных эгрегоров правят бал сейчас?

Как я уже писал, почти всю эту артериальную улицу я левитировал, оглядывая прожитую здесь жизнь. Перешёл с левитации на шаг я лишь после пересечения улицы Инструментальщиков, между домами, где жили

ещё двое моих одноклассников — Ольга С./Х. и Димон Ч. Миасс — очень маленький город. Возле магазина с печеньем и конфетами, откуда до моего подъезда остаётся идти примерно минуту, я сделал несколько шагов, удивился тому, насколько это неудобно и проснулся.

После интенсивного катания на коньках возникает немного похожее удивление от того, насколько энергозатратна ходьба по сравнению со скольжением по льду. Если можно ориентироваться на энергозатраты при перемещениях во сне, то левитация — самый энергосберегающий способ преодоления расстояний из тех, что были опробованы мной эмпирически.

Yann Tiersen — Penn ar lann

Yann Tiersen — Lok gweltz

Metallica — To live is to die

Kansas — Dust in the wind

#Chapter 30

13.11.2016

Второй сон с левитацией

Сегодня мне во второй раз за неделю снилось, что я левитирую.

В прошлый раз мизансценой для левитации послужила летняя Орловская улица, в этот — небольшой, залитый потоками белоснежного света зал. Помещение отдалённо напоминало зал для занятий физкультурой в школе, где я учился. Потолок был высоким, и на нём не было видно ни одного источника света. Словно сам потолок обладал способностью продуцировать это совершенное, цвета свежевывающего январского снега, излучение.

Играла какая-то ненавязчивая музыка, которую я не запомнил, хотя, как правило, именно музыка наиболее прочно оседает в утренней памяти. Больше на тот момент в зале никого не было, и я танцевал под эту музыку по кругу один. Музыка становилась всё быстрее и быстрее, и мои танцевальные движения также становились всё быстрее и вынужденно проще. Настал момент, когда я перестал успевать преодолевать силу трения обуви о паркет и делать различные па в такт музыке, и полетел. Не как летают птицы — широко расправив величественные крылья, подставляя их под ласкающее дыхание попутных ветров, а как-то, банально, что ли, — почти вертикально и перпендикулярно поверхности пола. Голова была чуть впереди ног, может быть сантиметров на 20-30, всё тело образовывало прямую линию. В динамике это движение постепенно превратилось из танца в круговую левитацию вдоль стен танцевального зала. Весь полёт продолжался минут, наверное, около двадцати.

Далее в зале появились студент Мамаев с девушкой, и я плавно перестал левитировать. Вместо левитации я стал бегать вокруг зала, постепенно ускоряясь и время от времени подпрыгивая. Ощущение лёгкости тела осталось, поэтому бег становился всё быстрее и быстрее. Прыжки также становились всё выше и дальше. В какой-то момент я стал доставать руками изучающий свет потолок в верхнем экстремуме прыжка, сначала кончиками пальцев, а затем и всей ладонью. Потом музыка стала плавно затихать, а вместе с ней стал затухать и мой бег.

Когда музыка кончилась, Мамаев сказал, что потолки здесь не такие уж и высокие. Я ответил, улыбаясь, что всё может быть. Типа — you can try to repeat, homie.

Yann Tiersen – Pern

#Chapter 31

27.11.2016

Сон 1. Добрый волшебник, летающий на красных санях

Это был красивый, насыщенный цветами и событиями многосерийный сон с просыпаниями и засыпаниями. Главным его героем был добрый волшебник-филантроп, который, помимо сотворения различных чудес, в ходе своей жизнедеятельности всячески старался помогать всем жителям города, в котором жил и я. Причём помощь, оказываемая волшебником, не зависела от социального статуса, благосостояния или кармического благополучия горожанина. За это абсолютно все жители города отвечали волшебнику исключительно искренней любовью и поддержкой.

Город из сновидения не был современным. В нём отсутствовали многоэтажки, напротив — все дома были невысокими. Построены (а верней сложены) они были из натуральных необработанных материалов — камня, глины, соломы, песка и бог знает, чего ещё. У каждого дома присутствовал сад или дворик, что наполняло город пространством, зеленью, воздухом и светом. Дома были разноцветными, исключительно теплыми для взгляда, даже симпатичными и радостными. Светило и грело приятное умеренное летнее солнце. В городе присутствовало несколько характерных строений, по форме и высоте выделявшихся среди остальных. На ум приходят слова ратуша и костёл, наверное, это они и были.

Передвигался волшебник по воздуху. Он летал на удивительных красненьких, идеальных с точки зрения аэродинамики, санях. В один из дней своей обычной сновидческой жизни весь город знал, что волшебник улетел по своим делам на группу не слишком удалённых звёзд и вернётся

лишь через несколько дней. Неожиданно горожане увидели, как волшебник слишком рано и слишком быстро возвращается из своего межзвёздного путешествия. Его сани перемещались по воздуху какими-то некрасивыми дискретными движениями, из-за чего людей охватило беспокойство. Затем сани остановились, и волшебник выпрыгнул из них, раскрыв в воздухе парашют. По ощущениям было слишком высоко для прыжков с парашютом. Может именно это помешало герою сна долететь до земли живым и здоровым, а может враги, перехватили его во время падения. Как бы то ни было, я увидел, как он прыгает с остановившихся в воздухе саней, потом небольшой фрагмент фазы парения с парашютом, а затем волшебник исчез. На следующее утро кто-то нашёл на земле летающие сани.

Несколько последующих дней в романтическую закатную пору на соседнем с городом холме в лучах заходящего солнца появлялась палатка. Палатка была белой и походила на лекарскую. Она располагалась строго на экстремуме пологого холма и всю ночь светилась чем-то таинственно-жёлтым изнутри на фоне огромной, цвета тысячелетнего серебра, луны, а под утро исчезала. Когда светало, и горожане не боялись выходить за стены города, никто не мог найти никаких следов жизнедеятельности таинственной палатки. Затем на город опускала свой парчовый саван ночь и история повторялась.

Через несколько дней выяснилось, что волшебника нашли мёртвым поутру на том самом холме, где появлялась и исчезала палатка. Местный староста? бургомистр? попросил меня поиграть на фортепиано на похоронах (видимо я был городским музыкантом). Я согласился, потому что также с исключительной теплотой относился к волшебнику-филантропу.

Во время похорон я играл на классическом чёрном идеально настроенном фортепиано на городской площади что-то нейтрально-печальное. В голове тем временем пульсировали мысли, из-за чего, а вернее из-за кого всё-таки погиб это прекрасный человек. Церемония подходила к концу, я вышел из-за фортепиано и тоже попрощался со своим хорошим товарищем.

В финале похорон происходило сожжение. Был сложен огромный погребальный костёр, сверху которого кротко и безразлично лежал волшебник. Пока костёр горел, все, кто желали, имели возможность сказать пару слов о погибшем. Желали почти все горожане, и слова были исключительно светлыми и тёплыми.

В одной из фаз сна я был этим волшебником. Мне сложно хронологически выделить этот эпизод, потому что всё время сна я непрерывно был другим человеком — жителем города, музыкантом. Тем не менее, в одном из отрезков сна я был именно волшебником и летел по своим делам в саях. Когда я пролетал над каким-то ночным, светящимся миллионами разноцветных огней, городом с башней, похожей на Эйфелеву,

мне позвонил городской староста и сказал, что ему срочно нужна помощь. Верней сначала я долго не мог расслышать, что он хочет сказать, ведь телефон отнюдь не был сотовым и был вообще непонятно каким. Его не было видно, т.к. он был встроен в волшебные красненькие сани. И этот встроенный в сани телефон отказывался качественно передавать слова старосты, пока я парил над ночным Парижем. Видимо город создавал какие-то помехи для данного вида связи. Когда же я вылетел за пределы города, то смог отчётливо услышать, что старосте срочно нужна помощь. Я удивился, но сказал: «Ок, скоро буду», после чего ускорился (переключил невидимую передачу). Но так и не долетел.

И из сознания волшебника, и из сознания жителя я подспудно чувствовал, что неизвестные недоброжелатели замышляют против меня/волшебника-филантропа какую-то комбинацию злоумышленных действий, но данный ребус так и не был разгадан.

Сон 2

Под утро мне приснился сон, в котором я парился в бане. Баня была деревянной, исключительно искренней и аутентичной. Она представляла собой деревянный дом в зимнем, с сугробами в человеческий рост, лесу из густых разлапистых ёлок. Рядом было озеро и ещё одно деревянное здание, служившее жильём. Неподалёку находилась прорубь для того, чтобы нырять после парения. И я нырял. Парился и нырял. Снова парился и снова нырял. И так до бесконечности.

После парения пришла пора спать во сне, а вслед за сном в сновидении наступил следующий сновидческий день, который был наполнен заботами и делами по хозяйству. Все дела были на улице, а на улице был мороз. Стало быть, все дела были на морозе. Кроме того, все дела были интенсивными и крайне энергозатратными. После обеда я пришёл в баню уставший и замёрзший, потому зашёл в парилку прямо в одежде. Не во всей конечно — в термобелье. Потихоньку я согрелся и разделся догола. Совсем скоро температура тела стала подниматься, и вот уже вновь пришла очередь нырков в прорубь. После новой серии «париться-нырять» я вновь пошёл спать (во второй раз в этом сновидении).

Проснулся, опять же в сновидении, я с мыслями о том, что проснулся слишком рано от голосов каких-то людей. Я обнаружил себя в комнате, похожей на больничную палату. По соседству было трое молодых, лет двадцати, парней, которые рассказывали друг другу о том, как круто они парятся в бане. Я встал, выключил свет, сказал, что время — пять утра, и это самое подходящее время для того, чтобы спать, а те, кто с этим не согласен — пусть перемещаются в любое другое место, где не будут тревожить меня. Я был рассержен и был не против вломить какому-нибудь из этих парней. Они немного подумали и решили не связываться с психом.

После этого я снова уснул во сне, и это была уже точка негредо той отдельно взятой ночи сновидений.

Борис Гребенщиков – Серебро Господа моего
Борис Гребенщиков – Я не могу оторвать глаз от тебя
Аквариум – Город золотой
Yann Tiersen – Enez nein
Yann Tiersen – Penn ar lann

#Chapter 32
Сон 30.11.2016
Вуду-вампиризм

Сегодня мне снилась череда снов и каждый раз, просыпаясь, я думал: да ну, какая-то ерунда. Но один сон не оставляет меня на протяжении всего дня, посему опишу его вкратце, чтобы освободиться.

Мне снилась высокая блондинка лет 30-35. Она была симпатичной спортсменкой, и имя её было то ли Ирина, то ли Оля. У нас были дружеские отношения. Волосы у женщины были белыми как снег и абсолютно прямыми. Фактически, каждая отдельно взятая волосинка выглядела как геометрический отрезок. Волосы были приятной длины, сантиметров на 20 ниже плеч. Глаза были светлыми, то ли голубыми, то ли серо-зелёными.

Мы с женщиной часто общались, и время от времени я наблюдал такую картину: её энергетический кокон открывался, и из него выливалась струйкой сантиметра два-три в диаметре, как из крана с водой, энергия. Вскоре струйка исчезала, и кокон восстанавливал свою целостность. Меня заинтересовал этот феномен, и я взялся его расследовать, чтобы помочь знакомой женщине-спортсменке перестать служить донором для какого-то неизвестного вампирёныша.

В ходе расследования выяснилось, что у спортсменки есть поразительно молодая бабушка. При нашей с ней встрече, в свою очередь, обнаружилось, что у молодой бабушки есть тряпичная кукла-копия спортсменки Оли-Ирины. В эту куклу бабушка-вампирика вставляла соломинку и высасывала из неё, как из банки с томатным соком, густую красную жидкость.

Я спросил бабушку, зачем она так поступает с родной внучкой, ведь именно кровное родство облегчило вампирке доступ к жизненной энергии моей знакомой посредством техники Вуду. И именно кровное родство обеспечило максимальную совместимость принимаемой субстанции-энергии. Бабушка без тени сомнений ответила, что ей очень нужна эта энергия, а внучка, дескать, итак жива-здоровая и вообще спортсменка. Так что ей не повредит. Вот такие они, вампирские бабушки-эгоцентрики.

Kansas – Stand Beside Me

#Chapter 33

Сон 21.12.2016 (garbage chapter)

В этом сне мне случилось быть отъявленным подкаблучником. Прямо таким пробитым омежкой, которого круглосуточно пилит альфачка-жена. Не дай Бог конечно так жить.

Мы были студентами и сидели в аудитории. В роли сварливой жены была бывшая студентка по фамилии Пендикайнен. Она методично пилила меня. Потом пилила ещё. Догоняла, и снова пилила. Почему-то мне было наиболее комфортно просто молчать и терпеть, не отправляя свои танки в атаку.

Я дописывал выпускную квалификационную работу, и в ней зачем-то нужно было сделать три разные аннотации-резюме, в которых описывалось, чем именно эта работа должна привлечь внимание потенциального работодателя. С некоторыми листами моей выпускной работы что-то произошло (again), и я попросил свою жену дать мне три листочка. Она дала, но её листы были такими мятыми, как будто из них недавно делали какое-нибудь особенно изощрённое оригами. Я сказал спасибо, дорогая, за листочки и задумался о том, что теперь с ними делать. Жена вышла и сзади кто-то сказал: «Фух, слава богу, она ушла, я думала, что сдохну от её нытья». Я обернулся и увидел бывшую одноклассницу Наташку П., которая очень красноречиво посмотрела на меня взглядом: «Ну ты и лошара». Я подумал: «Эх... а ведь и правда, и как всё это вообще могло случиться».

Далее был ещё один сон, в котором фигурировали географические объекты: «*Турецкий залив*» и «*залив Пржевальского*».

Radiohead – Lucky

#Chapter 34

25.01.2017

- Что с тобой сегодня, друг?
- Я чувствую, что моя личность умирает.
- ... И?..
- И мне грустно.
- А что такое личность?
- А что такое умирание?

- Умирание — это когда ты даже приблизительно не знаешь, что будет дальше, но изо всех сил стараешься верить, что произойдёт... ммм... ну, допустим, что-нибудь вроде тотального, комплексного очищения. Что там тебя ждёт что-то лучшее, чем есть сейчас. По крайней мере, что-то менее тревожное. Если метафорично, то я бы назвал умирание бокалом вина, основные ингредиенты купажа которого есть надежда и отчаяние.
- Что за странная версия посмертия.
- Какая уж есть, так что насчёт личности?
- Личность это..., пожалуй, иллюзия иллюзии.
- Ха, то есть ты грустишь из-за того, что теряешь иллюзию иллюзии?
- Скорее от того, что разговариваю сам с собой и сам себя называю другом.
- Но ведь друг — это лучше, чем враг, не прав ли я?
- У меня нет врагов.
- У кого нет врагов, у того нет и друзей.
- Сомнительное утверждение.
- Кто знает?
- Наверное, именно это и делает меня грустным.
- Не грусти, друг.
- Тебя ведь даже не существует.
- Как и тебя.
- Почему?
- Потому что твоя личность умирает, ты же с этих начал.
- Но я вовсе не то, что есть моя личность. Следовательно, я вовсе не то, что умирает.
- Наконец-то до тебя дошло.
- А что есть я?
- А вот это, мой друг, вопрос на миллион.
- Я — медведь.
- Йаар!

#Chapter 35

03.02.2017

В одной из фаз этого сна я находился на шоу, похожем на comedy-club. Место было в центре зала, но не у сцены, и даже не близко, может быть в рядах пятнадцатых-двадцатых. В помещении царил приятный полумрак.

На сцене постепенно сменялись номера, и вот один армянин, помоложе, представил выход другого армянина, лет 40-45. Армянин в возрасте вышел на сцену и начал шутить. Было заметно, как он волнуется: руки тряслись и голос подрагивал. В один из моментов армянин «в возрасте» стал вглядываться во что-то в зале и приближаться к краю сцены.

Наконец он дошёл до самого края и замер, напряжённо вглядываясь во что-то или в кого-то в первых рядах. И завис. Просто перестал двигаться, шевелиться и может быть даже дышать. Это продолжалось несколько минут, в зале начало подниматься недоумение, и в этот момент вышел первый армянин, помоложе. В руках он держал горящий факел и громко объявил, что в зале отключили электричество, таким образом, шоу вынужденно подошло к концу. Хотя лампы под потолком и горели мягким белым светом, почему-то все приняли эту причину как уважительную, и дружно начали расходиться.

В этот момент я вспомнил, что пришёл на шоу в джинсах и рашгарде, но в начале выступления снял с себя всю одежду, кроме трусов-боксеров и остался в них одних, после чего закутался в шерстяной клетчатый тёплый и уютный плед, в котором и просмотрел всё шоу.

Когда большинство людей разошлось, я вылез из-под пледа, натянул на себя джинсы с рашгардом и зачем-то пошёл к сцене. Там стоял молодой американец, и я сказал ему что-то типа «Hi, dude, did you like the show?» Он ответил «Yeah». Потом я спросил что-то типа: «What do you think about the situation with frozen man and a... (я попытался вспомнить или придумать как сказать факел) ... and a burning stick?» Да-да, именно так я вербально изобразил факел. Американец ответил что-то типа: «Hah, may be dollar has grown too fast and by this reason show was finished earlier than it was planned, because paid time on TV also finished earlier then it was planned». Я засмеялся, и сказал ему: «You are funny». На что он добродушно улыбнулся и молвил: «I know».

#Chapter 36

04.02.2017

Все Божьи дети умеют танцевать (this is my favorite chapter in this book)

Закрой глаза.

Что ты увидишь там, в этой, каждый раз такой новой, пустоте глазниц?

Как ты думаешь, что происходит, когда фотоны, эти крохотные клетки Божественной благодати, перестают преломляться в роговице и кристаллике, когда они не долетают сквозь океаны световых лет и твоё собственное море стекловидного тела до сетчатки твоих изумительных глаз? Что происходит, когда твои нейроны, палочки и колбочки остаются без этой перевёрнутой пиццы, без этого бесконечного топлива для всегда голодного двигателя хищника твоего ментального процесса.

Как ты думаешь, что произойдёт, когда Шпенглеровский зрительный мир перестанет существовать?

Я уверен, что то, что ты видишь с закрытыми глазами — это и есть квинтэссенция тебя. Квинтэссенция всего, что ты называешь своим миром. А вовсе не наоборот.

Может быть в этот раз, как и во многие другие, слишком многие другие, ты увидишь лица людей, которых любил и утратил навсегда. Лица, наполняющие твою душу безмолвными оглушительными криками отчаяния. Безмолвные крики всегда самые оглушительные.

А может быть, ты увидишь лица любимых и родных. Те лица, что заставляют твои уставшие глаза улыбаться, излучая и возвращая назад, своему создателю, потоки кристально-чистого медового света.

Может быть, ты увидишь космические путешествия миллионов и миллионов звёзд на появившемся из ниоткуда небосводе. Эти путешествия всегда наполнены какой-то совершенной, необъяснимой гармонией. Лично я нередко гляжу в эти звёздные калейдоскопы.

А может быть ты, напротив, любишь смотреть в бездну микромира, изучая и кристаллизуя точки, клетки, атомы, одиноко проявляющиеся в занесённых чёрными навьюженными сугробами полях твоих закрытых глаз.

Может быть, в этих плотно закрытых глазах ты увидишь ноты ненаписанных тобой песен. Ненаписанные песни всегда самые прекрасные.

А может быть, вместо нот, ты познаешь величие тишины, которую можно обнаружить только высоко-высоко в горах. Только там, в горах, чьи вершины любят одеваться в белоснежные шапки ледников, по ночам исключительная, непередаваемая, неопишуемая тишина. Я надеюсь, ты когда-нибудь познаешь и её.

Что происходит с тобой и твоей вселенной, когда ты закрываешь глаза?

Что происходит, когда я, закрывая глаза, вижу в этой вселенной правды тебя?

Что происходит, когда ты, закрывая глаза, видишь в этом океане искренности меня?

Что происходит, когда мы видим в этом первозданном, ничем и никем неиспорченном мире друг друга?

Ты знаешь ответ. Ты всегда знаешь все ответы.

А затем, когда ты открываешь глаза, всегда бывают несколько мгновений, когда ты смотришь на новый мир своими обновлёнными глазами. Ты видишь новые оттенки привычных цветов, новые пятна и блики света на привычных объектах, ощущаешь новые запахи и вкусы. Но всё это будет длиться лишь несколько крошечных несущественных мгновений. Тех самых несущественных мгновений, в которые ты обретёшь способность видеть своими собственными глазами, а не глазами тех, кто создал этот техногенный мир из серых кубиков вокруг тебя. Не глазами

тех, кто создал этот скучный материальный мир из тоскливо-примитивных бесконечно повторяющихся формализованных описаний.

Я уверен, что только в эти незначительные мгновения ты смотришь на мир своими собственными глазами.

В свою очередь, когда ты закрываешь глаза, то смотришь на мир своей душой. А душа, как известно, не ведает, что такое ложь.

Я буду стараться каждый раз, когда ты будешь видеть своей душой меня, отвечать тебе тем же, потому что душам особенно одиноко, когда на другом конце провода тишина, и это не должно быть так. Никогда.

Но ты, безусловно, знаешь это, потому что ты знаешь всё. Так же, как и я, ведь все Божьи дети знают всё.

Все Божьи дети умеют танцевать.

Сплин – Аделаида

#Chapter 37

20.02.2017

Ревность

Снов сегодня было много, впрочем, в основном ничего примечательного, но один запомнился.

Я пришёл с улицы домой в квартиру на пятом этаже на Динамо-сити. Была зима, и дома меня встретил приятный тёплый воздух с запахом жизни. В другие сезоны этот домашний запах не бывает таким приятным, но зимой, когда ты заходишь с мороза, а пахнет какими-нибудь свежее испечёнными пирожками, всегда как-то радостно и тепло становится на душе.

Итак, я пришёл домой к приятному тёплому запаху жизни. В квартире находились брат Вовка и мама. Я поздоровался со всеми и зашёл в зал. В зале было темно, и я включил свет. В этот миг с балкона кто-то незнакомым голосом истошно закричал: «Занято, за-ня-тоооо!» На балконе было темно и холодно, и сквозь эти темноту и холод увидеть того, кто кричал, было невозможно.

Я выключил свет и вышел из зала в замешательстве, зашёл на кухню, где маман попросила подать ей что-то из холодильника и сообщила, что батя где-то бухает. Вовка тоже был чем-то занят. Я опять пошёл в зал, и сцена повторилась.

Мне очень хотелось узнать, что за зверь поселился у нас на балконе, поэтому я подошёл к стеклу двери на балкон, пытаюсь разглядеть кричащего, но увидел лишь слова, написанные пальцем на стекле балконной двери: «Что происходит?», «Что он здесь делает?», «Что теперь

делать?» А где-то неподалёку прозрачными буквами был написан ответ: «А ничего не делай, бухай». Такие дела.

Я выключил свет и пошёл на кухню. С кухни, если высунуться в окно по пояс, можно было увидеть весь балкон сбоку. В этом случае ничто крупное не могло укрыться от взгляда наблюдателя. Исходя из этих соображений, я высунулся в окно на кухне и увидел взлохмаченного чувака в пижаме, рукава которой были покрыты застёжками, как на смирительной рубашке. Существо кричало всё истошней и истошней и, очевидно, было глубоко неадекватно. Открывать балкон, чтобы впускать его в квартиру, никто не хотел. Мы решили вызвать то ли полицию, то ли «дурку», чтобы его забрали.

В этот момент я начал просыпаться, но перед тем, как окончательно сменить планы реальности, я успел спросить, что это за существо и что значит этот сон. Ответ был: «Это — ревность».

Проснувшись, я сначала подумал: причём здесь ревность, и вообще: «твой голос на мамин совсем не похож». Но чем больше я думал об этом, тем больше понимал и внутренне соглашался с тем, что это она и есть.

Ревность всегда поселяется где-то на задворках сознания, в неудобном тёмном, холодном углу, и сумасшедшим истошным голосом параноика без устали кричит бессмысленные слова, наполненные кристальной чистотой безумия. Безумия индивидуального, целесообразного лишь для самой ревности и того, кто ею одержим.

Несчастный, заражённый этим видом ментальных паразитов, постепенно становится параноиком-изгоем, который отпугивает окружающих своей негативной, абсолютно деструктивной энергетикой, выжигающей и разрушающей даже самую чистую, светлую и преданную любовь.

С одной стороны, ревность и её носитель действительно заселяются на жилплощади ревнуемого объекта — в его сознании постоянно маячит эта тень, кричащая «Здесь занято, занято!» Но место для ревности и её носителя — холодный тёмный зимний балкон, надёжно закрытый и изолированный от остальной жилплощади. Да, ревность живёт вместе с объектом обожания, но живёт лишь серой холодной тенью. Тогда, как объект может развлекаться сколько угодно и с кем угодно, закатывая ежедневные вечеринки, да хоть оргии в других комнатах, кухне, ванной. А ревность, хоть она как бы и живёт с объектом обожания, но способна лишь беспомощно созерцать тени тех, кто приходит и уходит. Более того, сама она также, в конце концов, становится лишь тенью. Незримой, холодной, неприятной, нелюбимой.

Эпилог

Друзья мои. Не отождествляйтесь с ревностью, не заселяйте своё сознание тенями и сами не становитесь ими. И, превыше всего, берегите

то, что излучает в окружающий мир свет и тепло, подобно великому солнечному сердцу нашей вселенной. Конечно же, я говорю в этих строках о любви. Берегите её, как в себе, так и в других — людях, животных, неорганических сущностях, не так уж важно, где и в какой форме вы её повстречали.

Потому что любовь — это то, что наполняет наши жизни светом, теплом, смыслом.

Любовь — это то, что вращает нашу Землю, и мириады вселенных где-то там, в загадочной бесконечности.

Любовь — это смысл нашего рождения и пребывания на этой прекрасной планете.

Главный вопрос и главный ответ.

Начало пути и его конец.

Любовь — это имя верховного Бога, не по структуре, фонетике и синтаксису, но по своей сути.

И в контексте данного сна: любовь — это ревность наоборот.

#Chapter 38

17.08.2017

Поезд Красноярск-Миасс. Прощание с Сибирью, Саянами, Ергаками и Сундуками

Деревья — это язык земли.

Птицы — это язык неба.

Цветы — это язык радости.

Дорога — это язык поиска.

Какого поиска? Поиска себя, друзей, любви, свободы, счастья. Поиска утраченного или отвергнутого Бога.

Дорога — это процесс.

Дорога — это храм.

Секта узников свободы. И уж кого-кого, а адептов этой секты я всегда безошибочно узнаю из тысяч и тысяч стационарных искателей.

Подобно шрамам, покрывающим тела и лица бойцов всех мастей от бандитов до телохранителей, путешествия оставляют свои следы на телах путешественников, делая их стройными и выносливыми. Шрамов, впрочем, на них тоже, как правило, в избытке.

Ещё большим изменениям подвергаются глаза странников. Они, впитывая всё новые и новые виды, ситуации, культурные феномены, рассветы и закаты, ночные небеса, усыпанные звёздами самых разных широт, подобно заготовкам контурных географических карт, покрываются

узорами древних храмов, рынков, городов, стран, материков, морей и океанов. Вглядываясь в глаза странников, ты каждый раз погружаешься в новые вселенные, попутно читая в них многотомные философские трактаты, исполненные утончённой, изысканной космологией, теологией и аксиологией.

С другой стороны, истории оседлых жителей нашей прекрасной планеты, беззащитных перед влиянием различных эгрегоров, трансконтинентальных корпораций, масс-медиа, шоу-бизнеса, религиозных и политических конфессий, увы, всё чаще и чаще напоминают рекламные буклеты, напичканные брендами и клише всех мастей, а также мудростью статусов в социальных сетях.

Но, пожалуй, самым существенным деформациям в скитаниях и лишениях путешествий подвергаются даже не ментальность и воля, но прежде всего душа. Эта тонкая нить, связывающая нас с Создателем. Душа истинного странника способна охватить своей любовью и обогреть души не только друзей и родных, но также души случайных прохожих, кошек, собачек, коровок, птичек, бабочек. Души странников являются их главным достоянием, потому что они могут согреть своей любовью весь мир. По крайней мере, ту его часть, которая ещё не утратила способность к волшебству бескорыстного взаимодействия на Божественном языке любви.

Эпилог

Сон — это язык желания. Страх и отчаяния. Надежды и мечты.

Время — это язык вечности.

Деревья — это язык земли.

Птицы — это язык неба.

Пикник – Ночь

Aashiqui – Sun raha hai na tu

#Chapter 39

25.08.2017

Космос

Начался сон с того, что я вышел из здания, похожего по расположению и архитектуре на здание с «Пятёрочкой» напротив «ДК Автомобилестроителей», только это был жилой дом. Выйдя из подъезда, я оказался на остановке. Это была всё та же остановка, но на ней присутствовали дополнительные сооружения, а на месте связного была большая барная стойка, за которой сидели люди и ждали общественный транспорт. А что, отличная идея.

Я вышел, заинтересовавшись каким-то уличным феноменом. Впрочем, не обнаружив ничего интересного, собрался возвращаться домой, и даже успел открыть дверь в подъезд, когда молодая привлекательная русоволосая девушка с волосами до плеч и белой тонкой шеей, сидевшая за барной стойкой, обратилась ко мне: «Значит, Маргариту мы больше не замечаем, да?»

Она сидела в профиль и была не очень похожа на себя — волосы из цвета воронового крыла стали тёмно-русыми, глаза из чёрных превратились в карие, фигура стала стройней, кожа побелела, в манерах появился небрежный аристократический лоск, и всё же это была она. Да я и знал не так много Маргарит в своей жизни, чтобы долго раздумывать, но дело было вовсе не в имени, дело было в нашей божественной сути — единственной и неповторимой душе. Это была её душа, и она была мне знакома.

Маргарита Г. повернулась ко мне и внимательно посмотрела своими большими серьёзными глазами. Она сидела на высоком стуле, благодаря чему визуально выросла и в момент обращения выглядела чуть ли не выше меня. Взгляд её был наполнен серьёзностью и искренней нежностью. Я подошёл к ней улыбнулся и поцеловал её — сначала в лоб, потом в обе щёчки и в конце ритуала — в косточки у оснований пальцев на обеих руках. Душа была наполнена какой-то иррациональной, искренней нежностью к этой девушке.

Во время последнего поцелуя сложно было не заметить изящное кольцо на её безымянном пальце, я понимающе улыбнулся и кивнул глазами, дескать: «Хорошая девочка». Она тоже понимающе улыбнулась в ответ и сказала, что хочет прогуляться. Мы не спеша пошли по проспекту в сторону ул. Победы, и она рассказала, что растит с мужем его дочку от прошлого брака, дочке семь лет, не общались мы 4 года, а замужем она 2 года. Фамилия у неё теперь Мусина, муж её преподаватель в университете, даже аббревиатуру назвала, что-то там с ИС (может даже ГЦСИИССА, бренд одного из институтов в Екатеринбурге, кватерную версию которого я однажды принял за заклинание вызова демона перекрёстка).

Дойдя до улицы Победы, мы свернули вниз, в сторону военкомата, где к нам присоединилась другая женщина. Она была мне незнакома, но, судя по диалогу, была подругой Маргариты и не знаю, из вежливости одной или нет, но сказала, что наслышана обо мне. Я сделал удивлённое лицо, вроде: «Вот ничего себе».

Я шёл и думал, что бы такое интересное рассказать Маргарите, и она, включив эмпатию, спросила: «Что нового?» Я рассказал, что летал в Индию, угонял от Индийского ГИБДД'шника на байке, потом лазил на Ирмель, потом по горам и перевалам-двойкам в Ергаках, ну и, в общем, в этом году больше ничего интересного. Когда мы спустились до улицы 8 июля, я поинтересовался, куда мы собственно идём, на что Маргарита ответила: «В тайгу». Я приподнял бровь и спросил: «В сказочную?» Все засмеялись. Удобно, что в свидениях даже над несмешными шутками всегда смеются.

У военкомата к нашей компании присоединился ещё один мужчина, но он и женщина в этом сне играли второстепенные, проходные роли, поэтому их лиц я не запомнил. Далее началась какая-то пересеченная местность, препятствия, сыпучка, но, в конце концов, мы всё преодолели и оказались в военкомате.

Здание было заброшенным, полуразрушенным, кругом пыль, грязь, обвалившаяся штукатурка, битые стёкла. Декаданс. Я подумал: «Вот ничего себе, сказочная тайга». Мы поднялись на второй этаж, где оказалась более-менее приличная комната — среди пыли и грязи стояли стол, чистый диван и фортепиано со стулом перед ним. Стол был покрыт толстым слоем пыли, девчонки достали откуда-то тряпки и стали его протирать. Я сел за фортепиано и стал играть «Лунную сонату». Маргарита сказала мне, что заходила ко мне на стену в вк и там один Бетховен. Потом она добавила, что ей особенно нравится «Аве Мария». Я ей ответил, что это не Бетховен, а то ли Бах, то ли Шуберт, а она подошла ко мне и сказала, что это не важно, при этом её левая ладонь мягко легла на моё правое плечо. Я повернулся, встал со стула, мои глаза оказались прямо напротив её глаз, и спросил: «А что же тогда важно?» Она безапелляционно ответила одними губами: «Это».

Вот уж не поспоришь, так не поспоришь. И голос тихий такой, ласковый, тёплый. Я пристально посмотрел на неё. Молодые черты лица, новообращённые карие глаза, тёмно-русо-каштановые волосы, причёска до плеч, вроде бы и новая, а в то же время старая. И ну очень знакомая, наверное, ещё со времён Булгаковского Мастера, Маргарита. Наши руки оказались вместе, прижатыми ладонь к ладони, и окружающий мир начал деформироваться. Собственно, отсюда началось волшебство.

Сначала растворились мужчина с женщиной, затем мебель с пылью, само здание военкомата, звуки, запахи, тела. Не было никаких там объятий, поцелуев, консумации, только её руки в моих. А после исчезли даже руки и

прикосновения и остались только карие бесконечные глаза, её в моих, и мои в её. Я смотрел в неё и видел себя, она же видела во мне себя. Удивительные мгновения, наполненные кристальной, нерушимой гармонией, невероятной законченностью, целостностью, логичностью.

Затем в её карих зрачках стали проявляться карие же хороводы звёзд, одна за другой, десятки, сотни, мириады, пока постепенно не сформировалась целая Вселенная с созвездиями, млечными путями, кометами и всеми прочими атрибутами. Вселенная, наполненная жизнью, смыслом, любовью. Карий цвет к этому моменту тоже исчез вместе с глазами. И я от начала и до конца этого акта творения и рождения осознавал, что она видит в моих глазах те же самые процессы.

И, в конце концов, я был всей вселенной, только что созданной и всегда существовавшей одновременно. И эта вселенная всеми своими органами, всеми своими ресурсами была обращена к её вселенной, а её вселенная — к моей. Чувствовать себя вселенной и смотреть в другую родственную вселенную — это как выиграть в лотерею диалог с Богом. Неописуемо, как сказала бы собака, глядя на баобаб.

Жаль, что только во сне все смеются над несмешными шутками.

Юлиана Караулова – Внеорбитные
Ely Bruna – The final countdown
Europe – The final countdown

#Chapter 40

12.09.2017

Имя Бога

Ом Намах Шивайя

Сегодня под утро я увидел кучу всяких странных снов. Затем, размышляя о них, а также о том, какие социальные задачи мне нужно решить в ближайший световой день, я зашёл в ванную, чтобы почистить зубы, помыться и совершить все остальные ежедневные гигиенические процедуры. И тут, в этот, такой бытовой и несакральный момент, меня посетила странная мысль — почему я до сих пор не знаю имени Бога? Почему никто его не знает?

Почему мы зовём его разными именами, а чаще всего вообще не по имени, но безлично — Бог, god, gott, dios, deus, dieu, dio?.. Не так уж мы и различаемся между собой. Наши органические тела, потребности, языки, синтаксис и даже образ космологического, феноменологического и фундаментального мышления иррационально похожи.

И всё же многие называют Его по имени.

Шива, Вишну, Кришна, Рама, Брахман, Род, Сварог, Перун, Один/Вотан, Фреир, Яхве, Аллах. Сколько имён, столько ключей. А ведь ради этих ключей многие и многие миллионы представителей рода человеческого готовы пытаться и убивать других представителей одного же рода лишь за то, что они зовут Его другими именами, за то, что их ключи не совпадают.

Фанатики — люди, лишённые воли и разума. С другой стороны, именно они зачастую могут услышать имя Бога или ангелов, ведь вся их энергия направлена на служение и поддержание одного единственного, избранного эгрегора. Многие из них не обслуживают эгрегоры алкоголя, сигарет, более тяжёлых наркотиков, секса, эго. Какое сумасшедшее количество энергии высвобождается у них, какие горы можно свернуть с её помощью. Как жаль, что люди, лишённые воли и разума не имеют потенции, чтобы выбирать направление течения этих рек, ведь они (реки) могли бы лить свои потоки на мельничные колёса созидания, творения, добра, жизни, взамен слепого поклонения и угнетения грязных еретиков из других культов.

Недавно в «Игре престолов» я услышал от персонажа красной жрицы Мелисандры, заживо сжигающей людей во славу своего светлого бога Рглора, что есть всего лишь два Бога — жизни и смерти.

Добро и свет против зла и тьмы, вечный дуализм, вечная полярность. Ангелы против бесов, демонов и чертей. Рама против Раваны. Кришна с Арджуной и другими Пандавами против Дурьодханы с братьями. Очень простая и логичная, казалось бы, схема. Без одного — нет другого, и баста.

Без Севера нет Юга. Без Ланистеров — Старков. Без Мориарти — Шерлока. Без инь — янь. Без упадка — роста. Без декаданса — ренессанса. Есть в этой концепции определённая коварность и привлекательность простоты амбивалентности космологического мироздания.

Но, откровенно говоря, я не сторонник подобной полярной космологии. Я абсолютно уверен, что добро может и должно существовать без зла, созидание — без разрушения. А если ещё больше усилить данную позицию — то я абсолютно уверен, что творение добра, созидание, развитие, любовь к природе и творцу — единственная рациональная модель поведения, которая не противоречит общей идее развития вселенной.

Впрочем, глава сия о Божьем имени.

Казалось бы, чего проще — спросить у создателя, как его зовут, да так и называть. Вот только он, скорее всего, не ответит. Почему? Потому что он не говорит словами. Он говорит, но без помощи этих лингвистических нагромождений, он говорит изнутри тебя. Хотя с большинством людей он вообще не говорит, исключая священные моменты рождения и смерти. Почему? Не любит взрослых людей? Иногда и вправду сложно полюбить эти паноптикумы из эго, страхов и комплексов. С другой стороны — ведь

это же его дети, и, казалось бы, — как можно не любить своих детей. Что это за родитель такой.

Я считаю, что родитель — уникальный программист, который создал базовую среду, операционную систему. Написал внутри неё набор прикладных программ, которые позволяют ему отдыхать от бесчисленных просьб и жалоб его творений, благодаря чему он может позволить себе не слышать и чаще всего — не слышит. Например, кто-то убил человека, изнасиловал желанную женщину, обидел слабого — получи соответствующее наказание от кармического программного обеспечения в дальнейшем. А если не успел, то дети получают. Если они не успели — внуки, и так далее. А заодно и ты сам в последующих своих формах жизни. Сделал добро — молодец, не нарушил законы вселенной. Творить добро — это не подвиг, но норма жизни, единственный способ соответствовать своему прямому предназначению и воплощать волю создателя, эволюционировать, а вот зло — есть отклонение от его воли, отклонение от базовых, основополагающих законов вселенной, а за попытки препятствовать воле создателя положено наказание. У разных сект наказания разные, но смысл не меняется — попадёшь в ад, родишься в нижних кастах, «а если туп, как дерево — родишься баобабом, и будешь баобабом тысячу лет».

Эту идею про операционную систему мне косвенно подсказала девушка Юля Ф. из Москвы на великом острове Ольхоне. Мне видится, что это отличная, очень удобная, наглядная модель описания управления людьми при помощи кармической PLM (product lifecycle management) среды и причинно-следственного инструментария.

И всё же многие люди говорят с ним. Пусть даже не с ним, но с его помощниками, более высокоразвитыми сущностями по сравнению с нами. Опять же, казалось бы, чего сложного — спросить, как его имя у ближайших его адептов. Но на деле — это почти невозможная задача для современного человека — прийти туда в полном осознании и не забыть свой вопрос, ведь там так много чудес, и даже пребывание в компании высших — это такое огромное, неопишное, неизмеримое чудо. А мы, увы, отнюдь не избалованы зрелищами чудес.

Но если всё-таки умудриться спросить его апологетов или даже Его самого об имени, Он назовёт его, так же, как и ангелы назовут свои имена, если попросить. Потому что в тех измерениях ложь не существует и вопрос будет лишь в том, достаточно ли возможностей человека прийти туда, задать вопрос и услышать ответ.

Вся штука в том, что если человек, в конце концов, услышит его имя, то он никогда не скажет его другим, потому что это будет его личный ключ к создателю, его огромное персональное достижение. При помощи этого ключа он сможет обращаться за поддержкой в точки экстремумов своей жизни и раскрыть этот ключ другим людям, не прошедшим свои

собственные пути к Богу, будет преступлением против законов равновесия этой вселенной.

Подобно тому, как дон Хуан обращался к Мескалито: Абутон или Ануктал, утверждая, что эти имена — его персональные ключи. Таким же образом ключи разных людей к создателю будут разными. Какими угодно, но разными, они будут индивидуальными, персональными, личными, необщественными ключами.

Об этимологии

С другой стороны, ведь слова — это всего лишь слова, если назвать корову скажем кроликом, рыбой или морковью, её структура и внешний вид, её сущность, функциональные возможности и кармическое предназначение от этого не изменятся. Откуда взялись наши языки и почему корова именно корова или скажем cow, а то и вовсе какой-нибудь там taugus, мы не знаем, и откровенно говоря, вряд ли когда-нибудь узнаем. Языковеды конечно предложат вам сто тысяч квазиинтеллектуальных этимологических версий, типа кров молока, или кровь матери, или там, спасибо, вики, с др.-инд. *sárvati* «разжёвывает». Но по большому счёту — а что это объясняет? Почему карвати — разжёвывает, а не сплёвывает, танцует стриптиз, поёт «шерри, шерри лейди», щёлкает семки. Слова — это всегда всего лишь слова, но вот мыслеформы и поступки, действия — это совсем другой коленкор.

Слова могут помогать нам настраиваться на позитивную стезю, они существенно облегчают процессы жизнедеятельности и взаимодействий внутри социальных групп, особенно на начальных этапах взаимоотношений и особенно во взаимоотношениях внутри других стран и культур. Но, в конечном счёте, когда мы придём к взаимодействию с Божественным, слова сыграют весьма скромные роли двадцатого плана в этом диалоге, на этой мистической мизансцене.

Об общепринятых именах

Если вы попадёте в Индию или заведёте диалог с русским человеком, неоднократно бывавшим в ней, то наверняка встретитесь с феноменом Шивы. Шива — основная действующая Божественная фигура современной Индии, главный её покровитель и исполнитель желаний. Я слышал десятки рассказов о том, как самые разные люди просили Шиву о действительно необходимых им в определённые моменты жизни вещах, таких как еда, кров, логистика, деторождение. После чего, не имея никаких материальных средств для достижения данных целей, не тратя денег, либо уже отчаявшись получить искомые блага, люди получали еду, кров, перемещения по стране без платы, возможность продолжить свой род. И всё это — лишь благодаря адресным обращениям к Господу Шиве, благодаря одной лишь его

милости. Этот феномен был бы удивительным в любой другой стране, но только не в Индии. Ведь Индия — это страна, где незнакомые люди улыбаются друг другу, широко распахивая не только свои улыбки, но и сердца. Здесь связь с Божественным промыслом до сих пор сильна, и в этом основная заслуга, и основное величие страны и людей, её населяющих. А вот вне Индии феномен Шивы, покровителя и исполнителя желаний, активировать очень и очень сложно. Такая специфика.

Подобно этому, можно заходить в храмы любых стран, и если паства благочестива, места «намоленные», а то и вовсе построенные на древних «местах силы», то в них намного легче услышать голоса высших. Но это не будет означать, что сие есть плоды произнесения «единственно правильных» имён. Обращения к этим же самым именам в других святилищах уйдут в небытие. Почему так? Потому что эти общественные имена Богов и пророков имеют силу лишь в соответствующих местах и ареалах.

Так, если вступить в эгрегор Иисуса, и обращаться к имени Христа в подходящей местности, он тоже сможет реально помочь. Его профиль, правда, существенно отличается от Шивы, и он вряд ли даст вам кров и еду за просто так — не та конъюнктура, а вот, скажем, избавить от хлопот с поселившимися в вашем доме неорганическими сущностями, которые могут быть полезными, нейтральными или весьма вредными — пожалуйста. Также эгрегор Христа весьма силен в целительстве, особенно если это связано с разными проклятиями и приворотами. Почему так — опять же конъюнктура такая.

Вы спросите, почему я так уверенно рассуждаю о Шиве и Христе — что ж, я сам был неоднократным свидетелем их благодеяний. Это одни из достаточно легкодоступных в наше время чудес. Конечно и для того, чтобы увидеть эти чудеса, осознать и принять их, нужно обладать определённым потенциалом, запасом свободной (не растрачиваемой каждую секунду нашего бытия) энергии, а также определённой чистотой и пустотой, но увидеть чудеса от этих двух благодетелей вполне реально для большинства современных людей. А вот узнать имя ангела или Бога, или даже просто вступить с ними в контакт — это воистину подвиг.

Однажды ко мне в Челябинске подошёл адепт свидетелей Иеговы и попытался завербовать меня в свою секту, обещая то, что взамен я смогу услышать слова какого-то их священнослужителя от другого священнослужителя, а тот, первый священнослужитель, якобы единственный, кто может слышать голос Бога.

Я засмеялся и спросил его, почему он не может спросить Бога о своих целях напрямую, раз уж он до сих пор их не обрёл. Его ответ меня удивил. Он сказал, что человек может слышать только демонов...

Насколько же это смешно и грустно одновременно. Мне стало жаль всю эту тусовку, вынужденную поклоняться людям, поклоняющимся

другим людям, которые поклоняются какой-то сущности, которая наделила свою паству возможностью слушать либо друг друга, либо демонов. Отличная альтернатива, детка.

После десяти минут вербовки дядька вскочил с лавки с дёргающимся глазом и стремительно умчался обслуживать своих господ. Если бы он был сильнее и смелее, то, безусловно, попытался бы наказать меня за то, что я посмел предложить ему попробовать самому обращаться к ангелам и Создателю за помощью в решении сложных вопросов. И так как мы разговаривали о религии и истории, я попутно задал пару-тройку элементарных дополнительных вопросов по исторической теологии, чтобы проверить интеллектуальный багаж своего собеседника, который уже самонадеянно собирался примерять на себя роль ментора. Багаж оказался нулевым, и собеседник промахивался на 500 лет с версией о дате принятия христианства на Руси, не мог даже примерно назвать первую заповедь ни иудаизма, ни христианства, предложив единственную версию — «не убий». Печальные дети печальной секты. Когда я его спросил, какую цель он преследует, предлагая поведать незнакомым людям о боге и религии, не владея при этом ни минимальной теоретической базой, ни, минимальным же, эвристическим опытом, он просто обиделся. Было немного жаль его, но что я мог поделать — человек сделал свой выбор и выбрал своего хозяина, как и все мы. Ведь все мы, так или иначе, выбираем свои пути и своих благодетелей.

Как сказал любимый мною персонаж Карлоса Кастанеды дон Хуан — дорога имеет ценность лишь в том случае, если это дорога с сердцем, все остальные дороги — мало того, что ведут в никуда, так ещё и в нагрузку энергетически опустошают путника, следовательно — принципиально ошибочны. Если решаешь, идти по той или иной дороге, или нет, друг мой, всегда задай себе перед началом путешествия лишь один вопрос: «Имеет ли эта дорога сердце?» Если нет, то такое путешествие принесёт тебе одну печаль. Если да, то возможно это именно то, что нужно.

Дорог с сердцем Вам, дорогие друзья. И мне.

Кто любит, тот любим,
Кто светел, тот и свят.
Пусть ведёт звезда тебя
Дорогой в дивный сад.

Б. Гребенщиков

Гран-КуражЪ – Новой надежды свет

Пикник – Ночь

Аквариум – Город золотой

#Chapter 41

1-17.12.2017

Прыжок в бездну

Шло такое время года, когда уже слишком холодно для того, чтобы беспечно гулять по улице в майке и лёгких брюках или шортах, но ещё недостаточно прохладно для того, чтобы облачаться в латы из шапки, шарфа, куртки и тёплых ботинок. Если ориентироваться на Южный Урал, то это мог бы быть август-сентябрь или май-июнь. Действие происходило в мегаполисе, наполненном устремлёнными в небо skyscrapers. Было такое чувство, что это русский город, может быть центральная часть одного из областных центров. Хотя архитектурно город больше походил на современные Дубай или Санью.

Я поднялся на лифте на верхний этаж одной из высоток. Всё, что встречалось вокруг, было стерильным, идеально чистым, без вкуса и запаха, как будто лифты, дороги, подъезды каждый день мыли с мылом современные мегаполисные трудолюбивые шудры.

В квартире меня ждала Даша К. из Е. Она встретила меня в дверях, там же подарила мне одно дружеское прикосновение с одной тёплой многообещающей улыбкой тёплых розовых губ и белоснежных мелких ровных зубов. Одета она была во что-то очень лёгкое из шёлка и кружева,

нечто между платьем и пеньюаром коричнево-чёрных тонов. Я зашёл внутрь, вымыл руки с мылом и осмотрелся. Квартира была небольшая и больше походила на гостиничный номер, чем на помещение, где каждый день живут люди, очень уж всё здесь было прибрано, лаконично, законченно и на своих местах. В центре единственной комнаты стояла большая кровать, у стены напротив, на низком комодке стоял большой плоский немой телевизор, по углам комнаты были расставлены уютные вертикальные светильники с мягким свечением, откуда-то лилась ручьями алтайских предгорий негромкая ненавязчивая музыка, на полу был постелен большой светлый ковёр, в воздухе висели ароматы каких-то неведомых экзотических цветов с утончённого востока.

Вишенкой на торте всего этого великолепия гармонии тепла и уюта, конечно же, была Даша. Она, то появлялась, то исчезала куда-то, снова появлялась и снова исчезала. Я прилёг на кровать и задумался о том, кто я такой, как я здесь оказался, что я здесь делаю или собираюсь делать, что это за город, что это за квартира. Когда появлялась Даша, ментальный поток угасал, и я любовался её точёным молодым телом, наслаждался запахами её кожи. Пил глубокими глотками свет её улыбок, и предвкушал, предвкушал. Очевидно, она отлично понимала, что в данный момент я нахожусь в её абсолютной власти и никуда не спешила.

В одно из исчезновений я осознал, что это сновидение и дал себе установку сменить модель поведения с участника процесса на наблюдателя с тем, чтобы иметь больше возможностей для анализа, а также с тем, чтобы увеличить глубину восприятия данной сцены. Забегая вперёд, скажу, что не справился с этой сложной задачей не поддавшись искушению момента, но попытаться в любом случае стоило.

Наконец Даша основательно, целиком, всей Дашей, пришла в точку пространства, где я полулежал на кровати, и стала танцевать передо мной в своём полуплатье-полупеньюаре. Изгибы её тела ритмично покачивались в такт музыке, но тоже как-то ненавязчиво, неакцентированно, уютно, и, в то же время, очень конкретно. Я наслаждался её красотой, самым танцем, гармоничностью, совершенством и завершёностью момента. Собственно, во время танца Даши и умерла установка не вовлекаться в процесс. Покачивая тем, чем обычно покачивают девушки, когда хотят выглядеть максимально сексуально, она подошла ко мне и медленно поцеловала в губы тёплым, долгим, наполненным страстью полуденного зноя и нежностью подснежников весенних альпийских лугов поцелуем.

Во время поцелуя я приоткрыл глаза и посмотрел в широко распахнутые Дашины очи. Она, заметив это, немного прикрыла их с хитрой полуулыбкой, и в этот самый момент какая-то тень сомнения промелькнула в моей голове. Я увидел в её полуприкрытых, наполненных счастьем и гармонией глазах какое-то странное отражение, отблеск, отголосок, тень

чего-то мне неведомого и незнакомого, пугающего, чуждого, кхтонического. Моё тело замерло и стало алертным, вопреки общей расслабленной дружелюбной атмосфере тепла и романтики. Я взял Дашу за руку и спросил, что её беспокоит. Она ответила: «Ничего, Ясенька, всё прекрасно», после чего подарила мне ещё один страстный поцелуй, ещё более горячий и многообещающий, чем предыдущий, лёгким танцем проскользила по ковру, вскочила на подоконник и вышла в открытое окно.

Когда её стройные, спортивные девичьи ноги лёгкой ланью скользили по ковру, я заметил, что откуда-то из коридора появилась чёрная кошка, которая пробежала по Дашиным следам и прыгнула за ней в открытое окно.

Каким-то образом часть моего восприятия практически мгновенно оказалась у открытого окна, однако не помню, чтобы я вставал с кровати. Впрочем, во сне это вполне в порядке вещей. Глядя вниз из распахнутого окна, я увидел, как кошка превратилась в чёрную тень, наполненную упругой, плотной, вибрирующей, светящейся фиолетово-чёрным светом субстанцией.

Тень быстро вращалась, извиваясь вокруг тела летящей навстречу валар моргулис Даши. Неидентифицированная теневая сущность (смерть? ангел-хранитель? энергетический паразит?) постепенно ускорялась, истоньшалась и удлинялась, как будто иллюстрируя собой пространство и время теории относительности Пуанкаре-Лоренца-Эйнштейна при скоростях движения, близких к скорости света. По сути это был танец. Танец величественный и непостижимый, наполненный высшей, абсолютной, божественной, трансцендентальной гармонией.

Моё осознание в эти моменты разделилось на два потока — один я горевал о неминуемой потере любимой женщины, второй — восхищённо созерцал неорганическую пляску вибрирующих теней вокруг летящей в ночи Даши.

Когда всё закончилось, я пошёл в ванную, наспех умыл лицо холодной водой, взял какую-то верхнюю одежду, то ли кофту, то ли пиджак, захлопнул дверь и сбежал по лестнице вниз уже без помощи вмиг опротивевших стерильных лифтов.

На земле вокруг моей героини уже толпилось штук двадцать каких-то неопределённых людей. Я с болью в левой груди посмотрел в последний раз на её прекрасное, изломанное падением, угасающее молодое тело и пошёл прочь. Завернув за угол, я проснулся и встряхнул головой, сбрасывая с себя полуночный кошмар, словно собака, что сбрасывает с себя нежелательную влагу, и хриплым полуспящим-полуосознанным голосом вслух прошептал вопрос, который занимал на этот момент всё пространство моего ментального бытия: «Зачем она это сделала?»

Теперь же, когда я пишу эти строки, находясь в тёплом помещении в окружении жужжащих системных блоков, а за окном такие недружелюбные -27 по Цельсию, меня волнует и занимает лишь один вопрос. Один —

потому что я вроде как знаю, что с Дашей сейчас всё в порядке, по крайней мере, она меня в этом уверила, иначе было бы как минимум два. Вопрос состоит в том, что это была за сущность, трансформировавшаяся из чёрной кошки в упругих фиолетово-чёрных, вибрирующих, перенасыщенных энергией первородного хаоса, змей.

Mitsuda Yasunori – With the wind

Kaleo – Way down we go

#Chapter 42
Сон 18.12.2017
Дубль

Основная сюжетная линия данного сновидения происходила в Индийском городе Тош (Тоши) штата Химачаи Прадеш. Верней внешне это был вполне себе русский город, с низкими, не выше трёх этажей, домиками. Они были разнообразных оттенков желтизны, но не болезненной, а вкусной, тёплой, красивой солнечно-лимонно-янтарной желтизны. Солнца на небе видно не было, но свет разливался повсюду праздничным киселём. Этот Химачаевский свет из сна был мягким, рассеянным и тёплым.

В городе было очень много зелени. На самом деле много. Я бы даже сказал, что город буквально утопал в ней. Зелень была достаточно безлика: какие-то кусты, скруглённые подстриженные деревья викторианской внешности и неопределённого сорта, густая высокая трава повсюду. Этаким город-парк.

О том, что это именно Индийский Тош я просто знал. Обычное прямое знание из ниоткуда. В пользу теории географического позиционирования сна в предгорьях Гималаев явно свидетельствовал лишь белоснежный острый клык, распарывающий небо на две части — до и после него. Подобно этому, Хан Тенгри распарывает небо над солнечной Киргизией на две части. А может быть устремляет невидимый поток сконцентрированной энергии куда-нибудь в созвездие Большого Пса. Почему бы и нет.

Этот пик время от времени приковывал к себе всё доступное мне внимание и в какой-то момент я спросил у вселенной, какова высота этой священной горы. Ответ был 6606 метров над уровнем чего-то. Моря? Следующим моим вопросом был — на какой высоте находится сам Тош. Ответ был 5500. Вряд ли это соответствует реальным числам в географических атласах, но кто может с уверенностью сказать, что там происходит с географией в сновидениях, какие там метры, уровни моря, какой там век или тысячелетие. Другими словами — не слишком операбельная инфа.

В один прекрасный момент этого индийского сновидения я вышел на небольшой пустырь между несколькими двух-трёхэтажными лимонно-янтарными домиками. На почти идеально круглой площадке росло необычное дерево, которое настойчиво призывало меня забраться на себя. По форме ствола и кроны оно, пожалуй, было похоже на дуб. Почему бы и нет... друиды, Дуглас Монро, Англси — приветтики.

Так вот — священное дерево друидов повелело залезть на себя. Пришлось подчиниться, а что ещё оставалось делать. Сначала я залез на повелевающий дуб как-то не особо волшебным, можно даже сказать банально. А вот после — повис, удерживаясь двумя руками за ствол, ноги

при этом висели абсолютно параллельно земле, а тело было вытянуто в струну. Затем я отпустил одну руку, держась другой за ствол, слегка скрючив кисть, подобно лапе атакующего котохищника. Далее я стал постепенно разгибать державшиеся за ствол пальцы, и в конце трюка касался дерева тремя, двумя, и, наконец, лишь одним из них.

В экстремуме я касался дерева кончиком слегка согнутого указательного пальца, и этого было достаточно для того, чтобы висеть параллельно земле. Напряжение в мышцах при этом отсутствовало. Радикально, принципиально, абсолютно.

Внешне эта позиция выглядела требующей чудовищной концентрации энергии на кончике слегка загнутого внутрь крючком пальца руки. Внутренне эта позиция потребляла энергии меньше, чем шавасана. В один из моментов меня посетила мысль, что, может быть, это не я вишу на дереве, но дерево висит меня.

Это состояние невероятного контроля над телом, его положением, равновесием, состояние идеального баланса поглотило меня на неопределённое время: я брался за дерево двумя руками, одной рукой, потом снова разжимал пальцы по очереди и пытался адаптироваться к этому новому свойству летучей невесомости своего тела. Время от времени меня посещали мысли, что это какая-то другая вселенная, где правят бал другие законы, другая гравитация, другое «же», которое вовсе не обязано быть равно 9,81. Но все эти ментальные заморочки казались кощунственно несущественными по сравнению с волшебством параллельного земле висения.

Меня попытался отвлечь какой-то парень, который рубил ветки с окружающих деревьев-кустов и собирал их в подобие веников-шалашей. Ветки были тонкие, яркие, дышащие какой-то отчаянной отфотошопленной, HDR'овской зеленью. Выглядел парень как-то совсем обычно и неприметно, но я осознал, что он пытается мне помешать и мысленно прогнал его прочь.

После того, как позиция висения на одном-двух пальцах стала достаточно привычной, я увидел, что в одном из домов напротив, есть окно, которое выходит на крышу пристроя. И в это окно время от времени выбегает кто-нибудь из живущего в квартире семейства... лис!

Одна из лисиц была белой. Не белоснежно белой, но слегка сероватой. Это как если положить рядом два естественных сугроба свежеснежавшего снега, один из города, а второй из леса. Безусловно, они оба будут белыми, но второй всегда будет белее. Так вот, белая лиса была такого же цвета, как сугроб из города. Остальные члены лисьего семейства были либо рыжие, либо рыжие с чёрным.

Одна из лис была намного больше других, остальные — как две моих кошки (хотя это как ещё посмотреть, кто чей) в длину, и такие же, как

кошка, может быть чуть больше, в высоту. Ритуал выгуливания лисиц происходил так: одна лиса выглядывала в окно, потом выходила на крышу пристроя, делала там пару кругов, принюхиваясь к пропитанному лимонным светом воздуху, и возвращалась в квартиру. Потом лиса менялась, и сцена повторялась. Когда на крышу вышла крупная альфа-лиса, я сконцентрировал всё своё внимание на ней. Зрительная концентрация заставила тело лисы удлиниться и как будто сплюснуться, голова же, напротив, стала в несколько раз больше. При этом весь лисий организм был нестабильным, расфокусированным, заблёрненным, а сама лиса по конфигурации напоминала более змею, хотя все остальные атрибуты были лисьи — аккуратные пушистые лапки, пушистый же хвостик с белой кисточкой, треугольные острые ушки на непропорционально большой макушке. Когда я переводил взгляд на что-то другое, а потом снова возвращался к большой лисе, фокус восстанавливался. Прямо как в рассказах старого доброго Карлоса.

Дальше я опять завис в позиции эмоционального, телесного и ментального привыкания к удлиняющемуся лису и фокусированию-расфокусированию феноменологического восприятия окружающего мира. К тому моменту я уже был уверен, что большой лис — это именно лис, самец.

И тут произошёл большой когнитивный взрыв — я осознал, что что-то тут не так (или наоборот так). Моё тело способно висеть на одном пальце абсолютно параллельно земле. Лисы превращаются в змей. Дубы повелевают людьми.

И в момент, когда это осознание взорвалось внутри моей головы, я увидел двух себя одновременно. Один я мирно спал в заснеженной декабрьской вселенной печального Южного Урала. А второй я висел, а по сути — левитировал, едва касаясь кончиками пальцев ствола волшебного дуба, в залитом рассеянным лимонно-солнечным светом Индийском предгималайском Тоше.

Одновременно с этим пришло осознание, что я волен выбирать, где проснуться, проявиться. Возник какой-то иррациональный испуг, и я трусливо выбрал уютную гавань безопасного привычного Миасса. С другой стороны, тот второй тоже я, только немного другой, или может быть даже совсем другой, но всё равно я, сейчас висит на волшебных предгималайских дубах и лицезреет волшебных, живущих в квартирах, лис.

После того, как я открыл свои изумлённые глаза в ослепительной темноте декабрьской уральской ночи, мне сразу вспомнилась лунная дорожка, по которой шли Иешуа Га Ноцри и Понтий Пилат с верным псом Бангой. Иешуа говорил, как и в день своей казни, что трусость — один из самых ужасных человеческих пороков. Пилат, в свою очередь, возражал ему, утверждая, что это не просто один из пороков, но, несомненно, самый страшный из них. Кто любил, тот и распял.

Это был первый сон, в котором я осознал свой дубль, и в моём словаре даже близко нет таких слов, чтобы описать чудо этого экзистенциального, всеобъемлющего безумия, кристальной ясности новой версии неорганического? сознания и всепоглощающей, тотальной, сверкающей красками экстраординарной яркости, амбивалентной дуальности обновлённого, неведомого бытия.

Екатерина Болдырева – Маргарита
The handsome family – Far from any road

#Chapter 43

31.12.2017

Подсознание

Подсознание. Кто обитает, что существует там, в этих ультрафиолетовых глубинах кхтонического бытия, прекрасного первородного, первозданного хаоса?

Демоны ли поют свои разухабистые песни во время оргий и шабашей. Ангелы ли распространяют сияние своей божественной благодати. А может быть это программная среда, управляющая нашей экзистенциальной перманентностью, или безликий бездушный робот, нажимающий на кнопки и дергающий за рычажки. А то и вовсе какой-нибудь менеджер низшего звена, обслуживающий одного из эгрегориальных колонизаторов. Космическая сущность, питающаяся свежесжатым соком наших эмоциональных, чувственных реакций на искусственные раздражители; светом наших ментальных, эмоциональных, астральных тел.

Всё может быть, зависит в основном от приёмника. Для меня одним из основных источников этого космического шума из небытия является всемогущий создатель, автор моей проекции здесь, в этой точке, линии, поверхности пространственно–временного киселя.

И именно этими безусловными, имманентными реакциями на феномены повседневной жизни, он высказывает мне своё одобрение или порицание. Одобрение или порицание по поводу действий, мыслей, выводов, поступков, моральных и аксиологических ориентиров, отношений с людьми, дистанции между ними и мной, общего направления движения и градиента этого движения.

Другим вопросом, мелькавшим в моей голове на этой неделе, был вопрос, откуда у всех и нас есть любимые цвета, числа, музыка, фильмы, книги, времена года, имена. И эти предпочтения очень слабо зависят от социальной среды, ареала, климата, семейных и родовых установок. Это какие-то «пасхалки», выданные нам с программным обеспечением при

рождении, вместе с аппендиксом, копчиком и зубами мудрости. Наука скажет нам, что всё это атавизмы и мракобесие индивидуализма. Но крупица Бога во мне до боли в ушах, подобно Шклярскому, смеётся над безумием этих выводов.

Допустим, часть предпочтений ещё можно объяснить генетикой — например, тем, кто живёт на севере, нравятся тёплые цвета из-за тоски по экваториальному солнцу. Любимые имена могут путешествовать через жизни. Предпочтения могут быть так или иначе связаны с родовыми или кармическими миссиями. Но любовь к тем или иным числам, формам, шрифтам и другим феноменам, неотягощённым маркетинговой составляющей, абсолютно иррациональна. Иррациональна она, впрочем, только в тех начальных условиях, где мы — это мы, тоналы, авторы своих реакций. Таким образом, если допустить, что мы — это вовсе не мы, что аксиологически и эстетически-обусловленно на феномены окружающего мира реагирует, в общем-то, непонятно кто/что, то иррациональность тает в тумане.

Так многие горы живут в постоянном тумане, и все бродяги знают, что горы где-то рядом, но никто не знает точно, где. Также никто не знает, сможет ли он взобраться на эти горы и даже сможет ли вернуться живым и здоровым домой. Подобным образом адекватность и логическая очевидность антропных аксиологически—эстетических реакций проявляется посредством разотождествления. Когда есть туман, всё возможно и иррациональное становится рациональным. Когда тумана нет, и мы это только мы, человеческие создания обречены блуждать в потёмках, ослепленные гордыней и невидящие ничего вокруг, подобно зашоренным боевым лошадям. Только вперёд, как можно быстрее, напрямик навстречу своей смерти. А для чего ещё нужны боевые лошади.

Другими словами, чтобы начать видеть и осознавать, сначала необходимо сойти с ума и принять множественность себя как осознающего существа. Когда ум потеряет свой перманентный критический квазиконтроль над экзистенциальностью, туман начнёт потихоньку рассеиваться и цели наших путешествий по тропам жизней, подобно прекрасным вершинам величественных гор, подпирающих небеса, постепенно явят нам себя во всём своём великолепии.

Кстати, с новым годом, друзья. В лесу родилась ёлочка. Вот пусть там и растёт.

#Chapter 44

12-18.02.2018

Происхождение видов. Начало

Итак, пришло время и мне, широко закрыв глаза, броситься в эту бездонную пропасть теологических, космологических и экзистенциальных рассуждений, о том, что мы есть, откуда взялись и чего нам делать на этой отчаянно-великолепной планете, которую многие и многие мыслители почему-то называют местом, где базируется ад. Что же, Богу — Богово, кесарю — кесарево.

Необходимо добавить, что всё нижеизложенное — не плод какого-либо озарения или ченнелинга, не сиюминутный продукт, но результат многих и многих лет поисков. Поисков ментальных, когнитивных, физических, сновидческих, медитативных. Поисков, полных наслаждений и страданий, надежд и отчаяния, душевного вдохновения и смятения, решимости и страха, веры и её отсутствия, побед и поражений, и один только Бог ведает чего ещё.

Даже сей опус я вынашиваю уже около месяца, делая многочисленные заметки в тренажёрке, дома, в гостях, на работе и до сих пор у меня нет более-менее чёткой структуры данного сочинения, но дорога в тысячу миль, как известно, начинается с одного шага, так что в путь, мой дорогой читатель/дорогая читательница.

И, да, обычно бывает наоборот — я просто сажусь и пишу главу целиком, потом перечитываю, правлю. Потом ещё одна итерация, и ещё пара-тройка. Но в этот раз всё совершенно иначе.

Первый бард у эльфов я.

Страна моя лежит под светом летних звезд.

Многие зовут меня Мердин, но в конце концов каждый

Будет называть меня Талиесин.

Я был пастухом и обошел всю землю.

Я ночевал на сотнях островов и был гостем у сотен королей.

Я обитал в сотнях городов.

Один год и один день я был скован цепями.

Я был свирепым буйволом и желтой антилопой.

Я был на море кораблем.

Я был пеной морской.

Я был каплей в воздухе.

Я путешествовал на высоте орлиного полета.

Я был деревянным сошником.

Я был топором в руке.

Я был пятнистой змеей, лежащей на холме.

Я был волной, разбивающейся о берег.
Я плывал по безбрежному морю...
Девять месяцев я был маленьким Гвионом в утробе Каридвен.
И, наконец, я стал Талиесином.

Я был у трона того, кто решает.
Я стоял высоко на белом холме.
Я был многословен, пока не получил дар речи.
Я стал учителем всего разумного.

Я сам построил башню Нимрода.
Я — тетраграмматон.
Я — чудо, чье происхождение неведомо.
Я буду на земле до рокового дня, и никому неизвестно,
Плоть моя из мяса, или же я рыба,
Тот самый друид, из пророчеств Артура.

21 урок Мерлина. Д. Монро

Кто не понял своего прошлого, будет вынужден пережить его снова.
Будда

Душа не рождается и не умирает. Она никогда не возникала, не возникает и не возникнет. Она — не рождённая, вечная, всегда существующая и изначальная. Она не гибнет, когда погибает тело.

Бхагавадгита. Махабхарата

Сансара (санскр. — странствование) — в индуизме и буддизме — представление о текучести и непостоянстве всего живого, единая цепь переходов из одной телесной оболочки в другую, круговорот рождений и смертей, трансмиграция, метемпсихоз. Душа может пребывать в теле человека, животного, растения, а ее переселение происходит в соответствии с законом кармы (воздаяния). Цель спасения человека — освобождение от перерождений и достижение мокши (осознания душой того, что она — часть божественной души) и нирваны.

Атеистический словарь

Сансара — одно из основных понятий индуистской религии и философии, закон перевоплощения души (в ортодоксальных брахманистско-индуистских системах) или личности (в буддизме) в цепи новых рождений (в образе человека, Бога, животного, растения и т. д.).

Словарь-справочник по философии

Существующие в настоящее время на Земле виды растений и животных появились как следствие непрерывных изменений, продолжавшихся миллионы лет.

О происхождении видов путем естественного отбора. Ч. Дарвин

В начале — сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один.

И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. [И стало так.] И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом. [И увидел Бог, что это хорошо.] И был вечер, и было утро: день второй.

И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. [И собралась вода под небом в свои места, и явилась суша.] И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо. И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя [по роду и по подобию ее, и] дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так. И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду [и по подобию] ее, и дерево [плодовитое], приносящее плод, в котором семя его по роду его [на земле]. И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день третий.

И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной [для освещения земли и] для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов; и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так. И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды; и поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю, и управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы. И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день четвертый.

И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной. [И стало так.] И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что это хорошо. И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле. И был вечер, и было утро: день пятый.

И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так. И создал Бог зверей земных

по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что это хорошо. И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют! они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями] и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте! над рыбами морскими [и над зверями] и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею!] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле. И сказал Бог: вот, я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; – вам сие будет в пищу; а всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому [гаду,] пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, дал я всю зелень травную в пищу. И стало так. И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой.

В начале (первая книга пятикнижия). Ветхий завет

— Но позвольте узнать, как же я вас пропишу? У вас же нет ни имени, ни фамилии.

— Это вы несправедливо. Имя я себе совершенно спокойно могу избрать. Пропечатал в газете и шабаш.

— И как же вам угодно именоваться?

— Полиграф Полиграфович.

— А фамилию, позвольте узнать?

— Фамилию? Я согласен наследственную принять.

— А именно?

— Шариков.

Собачье сердце. М.А. Булгаков

#Chapter 45

12-18.02.2018

Происхождение видов. Часть 1

Ехал как-то господин В. из Оренбургской губернии в губернию Иркутскую в компании незнакомых ему до сей поездки людей. Основную компанию В. составляла семейная пара С. в возрасте слегка за тридцать с непоседливой дочкой Машенькой лет десяти. Семья С. возвращалась с Минеральных вод, и была в отличном состоянии духа и тела. Также время от времени к беседе подключались набожная госпожа Ф. лет 45-50 и

помятый мужчина неопределённого возраста с изрядным запахом перегара, который представился Яшкой: «Яшка я, бесфамильный, аки кот».

Как часто случается в пути, речь заходила о моде, о погоде, о политике, о судьбинушке народной, полной лишений и невзгод, другими словами — о чём угодно, лишь бы скуку дорожную разогнать.

Неожиданно для всех участников дискуссии, речь зашла о сотворении мира. Каждый высказал суть взглядов своих и мнений. Госпожа Ф., разумеется, описала картину сотворения мира во шесть дней. Семья С. была взглядов таких: дело наше простое — жить как следует, а уж Бог рассудит, как ему надобно. Господин В. говорил пространно и непонятно о переселении душ и прочем и, в частности, о том, что Бога, если постараться, можно увидеть и услышать и, дескать, он, В., сам имел подобный опыт.

Тут в компанию втиснулся Яшка и с вызовом заявил: «Вот вы тут всё про Бога мелете языками, а я утверждаю — я, Яшка, произошёл от безяны, и баста! А сторону мою — Чарльз Дарвинович держит, а также Марксов с Энгельсовым, а это — не кто-нибудь, но самые, что ни на есть, умнейшие люди времени нашего, современного».

Госпожа Ф. охнула от неожиданности, нахмурилась и отвернулась к окну. Семья С. всем составом, включая умницу дочку, примирительно заулыбалась и постаралась увести разговор в иную сторону. В. же и вовсе промолчал.

Яшка этим не удовлетворился и подсел вплотную к В. со словами: «Потрудитесь парировать, милсдарь, али вы испужались Дарвинова авторитету». Господин В. Внимательно посмотрел на Яшку и увидел в нём жёлтые с красными прожилками страдающие глаза, лицо, раньше срока постаревшее и осунувшееся, двойной трясущийся подбородок, мятую затасканную рубаху, грубость, злость, отчаяние. Жаль ему стало Яшку, и отвечать вовсе не хотелось, потому он сделал последнюю попытку уйти от разговора, пожав плечами и слегка помотав головой — дескать, отстань, мил человек. Яшка громко засмеялся и, победно сложив руку в кукиш, продекламировал: «Фиг вам, а не райские кущи, так наука говорит, а против науки не попрёшь. Сказано — от безяны, стало быть — от безяны. Так-то!»

Тут уж В. не выдержал и ответил: «Никто здесь, голубчик, и не спорит с тем, что Вы произошли от обезьяны». Яшка, почувствовав неладное, даже икнул от неожиданной смены курса ветра, но предпринял очередную попытку к доминированию в этой беседе: «Вы же, вот, тут всем нам давеча вешали лапшу на уши, дескать общаетесь с Богом, и вот та особа тоже в кущи собралась. Душа, сердце, Бог — а вот нет ничего, одна африканская безяна нас породила и всё тут. Шим-пан-дзе!»

Господин В. кротко улыбнулся, после чего задумчиво и довольно отстранённо ответил: «Мы — суть то, что говорит нам наше всезнающее сердце. И все деяния наши и помыслы, все чувства наши в первостепенную

очередь должны быть обусловлены именно тем, что идёт от сердца, от души. А уж после сердца — нормами моральными, семейными, социальными, национальными, соображениями государственной, общественной, личной выгоды и всем остальным. Таким образом, любезный Яшка, раз ваше сердце говорит вам, что вы произошли от обезьяны, стало быть — так оно и есть».

Помятый Яшка осклабился и захохотал. Хохотал он очень искренне, громко, отчаянно. Просмеявшись и продышавшись, он пролаял: «А ты, стало быть, нет!»

«Ну, разумеется, нет», ответил с тёплой, дружелюбной улыбкой В.

Семья С. с госпожой Ф. захихикали, осознав победу своей команды, а Яшка обиженно ретировался с видом, говорящим: «Это ещё не конец, рано радуетесь, господа хорошие».

Мораль — на самом деле никто не хочет происходить от обезьяны, даже Яшка. Так почему же существует, а в определённых кругах и занимает главенствующее положение теория эволюции органических видов. Итак, эволюция или креационизм?

Теория видов

В природе существует постепенное усложнение видов от одноклеточных форм органической жизни до венца эволюции — человека. Антропогенез максимально формализован, ближайшими предками человека «разумного» утверждаются австралопитеки, а до них — шимпанзе, гориллы и орангутанги. Также теория эволюции органических видов называется дарвинизмом, в честь своего основателя, коим является весьма и весьма интенсивно разрекламированный (сильнее из деятелей науки, пожалуй, только Эйнштейн и Фрейд), основоположник данной теории — англичанин Чарльз Дарвин. Сей отрок туманного Альбиона учился в Кембридже на пастора, после чего отправился в качестве естествоиспытателя-натуралиста в кругосветное (а не какое-нибудь там местечковое) путешествие по миру на корабле Бигль. Насмотрелся Чарльз в этом путешествии, в том числе на берегах Патагонии, Австралии и Африки, на различные проявления природы, после чего придумал, написал и опубликовал труд с сокращённым названием «происхождение видов», больше тысячи экземпляров первого тиража которого, как утверждают англо-саксонские статистики, были раскуплены всего за три дня.

Основная суть сего труда в том, что естественный отбор — есть основной движущий фактор межвидовой эволюции. Органические виды эволюционируют от простых к сложным, изменяясь, благодаря механизмам, ориентированным на повышение эффективности внутривидового выживания. Именно благодаря естественному отбору существуют кошки, собаки, лошади, бабочки, птицы, водоросли, деревья, люди. Все мы связаны

генетически и произошли друг от друга путём постепенного совершенствования — эволюции.

Надо заметить, что сам Чарли вовсе не был атеистом. Так в одной из поздних редакций происхождения видов он писал: «Есть величие в этом воззрении, по которому жизнь с её различными проявлениями Творец первоначально вдохнул в одну или ограниченное число форм; и, между тем как наша планета продолжает вращаться, согласно неизменным законам тяготения, из такого простого начала развилось и продолжает развиваться бесконечное число самых прекрасных и самых изумительных форм».

Таким образом, человек, который является символом материалистической теории эволюционизма, даже названной в его честь дарвинизмом, недвусмысленно манифестирует акт креационизма прямо в труде всей своей жизни, который сейчас позиционируется как библия антикреационизма. О, этот дивный, новый мир. Ну а что, люди же не особо любят читать, как говаривал персонаж одного советского мультфильма — «и так сойдёт».

Впрочем, Дарвин также высказывался против христианства, несмотря на то, что учился на пастора. В частности, в его автобиографии можно найти такие строки: «И в самом деле, вряд ли я в состоянии понять, каким образом кто бы то ни было мог бы желать, чтобы христианское учение оказалось истинным; ибо если оно таково, то незамысловатый текст (Евангелие) показывает, по-видимому, что люди неверующие — а в их число надо было бы включить моего отца, моего брата и почти всех моих лучших друзей — понесут вечное наказание. Отвратительное учение!»

На самом деле и у меня в разное время были примерно такие же мысли по поводу авраамических религий и их шантажа паствы угрозами депортации в ад в посмертии в случае плохого поведения здесь, в этом мире. Но я никогда не сомневался в существовании Бога, даже тогда, когда знаки его были скрыты от меня.

Подобным образом, разочарование в христианстве, а точнее — в конкретном антропном печатном труде христианства, Дарвином — далеко не обязательно означает отсутствие у него веры в Бога. Но было истолковано сие высказывание именно так.

Также я множество раз в различных источниках читал (впрочем, не уверен, правда это или нет) о том, что в конце жизни Чарли много болел и вновь обратился в лоно церкви, и, более того, вновь стал преданным и прилежным адептом христианства.

Как бы там ни было, опираясь на слова самого Дарвина и факты его жизни нетрудно увидеть, что он не был таким уж однозначным сторонником материализма и противником креационизма, как принято считать. И, более того, даже в пору расцвета своей теории о происхождении видов он открыто манифестировал в главном труде всей своей жизни акт

изначального божественного творения. Плюс к этому его отношения с религией также вовсе не были такими уж однозначными, как нас (по крайней мере, меня) учили школьные учебники по биологии. Таки образом, один из главных апологетов атеистического материализма на самом деле вовсе им не является. Является же он обычным человеком, пытающимся, в силу своих возможностей, постичь истину. В том числе среди антропных интерпретаций систем божественного знания.

Evanescence – Hello
Кипелов – Потерянный рай
Daniel Cavanagh – High hopes
Kansas – All I wanted
Nightwish – 7 Days to the wolves
Маврин – Пророк
Delain – Lullaby

#Chapter 46

12-20.02.2018

Происхождение видов. Часть 2

Итак, в конце прошлой главы сего труда мы пришли к тому, что Дарвин вовсе не атеист и не материалист.

У меня есть ещё одна мысль по поводу теории органической эволюции и прикреплённой к ней официальной теории антропогенеза. К моему удивлению, я ни разу не встречал её аналогов в литературе. Может быть, впрочем, не ту литературу читал. Сейчас поясню, о чём идёт речь.

Скажем, стоит перед среднестатистическим человеком задача описать своё видение теории Дарвина. Описание будет выглядеть примерно так: все живые существа эволюционируют от одноклеточных и других простейших форм жизни через постепенное усложнение до высших уровней — млекопитающих, приматов, людей.

Теперь заглянем в индуистскую эволюционную модель живых существ. Согласно ей, все живые существа эволюционируют от форм с низким уровнем сознания — камней, одноклеточных, через промежуточные стадии — растения, деревья, насекомых, пресмыкающихся к формам с развитым сознанием — млекопитающим, людям и дальше — полубогам, богам.

Теперь взглянем на Лестницу Фионна, отражающую подобную эволюцию сознания в кельтской друидической традиции: пена морская, лосось, змея, пастух, бард, друид, сверхчеловек. Подобная схема эволюции встречается и в других древних культурах.

Что произойдёт, если мы с достаточным уровнем невовлечённости взглянем на описанные образования? Собственно, мы увидим, что Дарвин — индуист.

Разница только в том, что каждая система оперирует переменными в соответствии с уровнем своего ментального и духовного развития. Уровень развития Дарвина, его друзей-натуралистов, большей части Европы того времени — грубая конкретная осязаемая материя. Уровень развития людей, живших на территории Индостана (сами индусы на севере Индии называют их Ариями, честное слово, я сам проверял, на месте) во время создания вед, упанишад, Махабхараты, Рамаяны — сознание, духовность, степень соответствия Божественному замыслу.

Таким образом, если посмотреть незамутнённым взглядом на дарвинизм и индуизм, то нам ничего другого не останется, как увидеть одну и ту же теоретическую базу, одну и ту же картину. Разница лишь в уровне развития адептов. Дарвинизм и его теория видов — картина мира двумерного таракана, ползущего по полу, космология индийских Ариев — многомерная картина орла, парящего в огненно-багряном океане закатного неба над одним из восхитительных пляжей Индийского океана. Кто прав — таракан, или орёл? Очевидно, никто. Каждый прав в силу особенностей своего физического, ментального и духовного развития.

Таким образом, мы пришли к тому, что теория происхождения видов Дарвина — суть теория эволюции и реинкарнации душ, которые метафорически воспроизводят колесо сансары, лестница Фионна и другие метафизические конструкции, описывающие, в том числе, индоарийские представления о посмертии.

Несколько слов об обезьянах

Прав ли был Яшка, когда говорил, что он произошёл от обезьяны? Я считаю, что многие люди действительно недалеко ушли в развитии от обезьяны, то есть можно сказать, что подобно Яшке от неё и произошли. Не верите? Загляните в какой-нибудь модный клубешник после полуночи, прогуляйтесь ночью по Паттайской walking-street, посмотрите на поглощение хомо сапиенсами безлимитных еды и напитков где-нибудь в шарм-эш(эль)-шейхе, посмотрите на русских, накрашенных, как на свадьбу, одетых в свои лучшие платья девчонок и тётенок, вешающихся на арабов на курортах Турции, Египта и Туниса.

Меня поначалу поражали подобные поведенческие феномены. Казалось бы, ну ладно американские и европейские дедушки в Паттае отжигают на старость лет с местными проститутками. Так ведь и наши, родные, славянские тела существуют на уровне развития обезьян и свиней, да ещё так, что никаким басурманам не снилось.

Казалось бы, мы все являемся носителями единой аксиологической матрицы, продуктом единой пространственно-временной, религиозной, языковой, национальной и общекультурной среды. Так почему же мы все получились такими разными? Ответ на этот вопрос парадоксален и банально прост.

Люди не одинаковы. И люди не равны. Можете закидывать меня своими либеральными голубыми камнями, но, что бы вам там не говорили квазидемократические СМИ, учебники, фильмы, книги — нет, нет и нет! Люди даже примерно не одинаковы и не равны. Бомж не равен врачу. Вор — учителю. Убийца — спасателю. Хороший врач — плохому. Президент — алкашу, рассуждающему о политике. Проститутка — космонавту. Тот, кто сажает деревья — тому, кто их рубит и продаёт. Тот, кто помогает животным — браконьерам, охотникам, скорнякам и гламурным кисам, которые гордо носят трупы лис на своих изящных плечах. Все они существуют, у всех из них есть свои права и обязанности, роли, карма, достижения, поражения и победы, но они не одинаковы и не равны.

Ещё с детства я с удивлением замечал, насколько отличается даже форма черепа у разных людей, особенно у разных рас. И это не отличие формы яблока от формы ранетки, но отличие формы яблока от формы трекингового ботинка. Естественно, такие люди не могут называться одинаковыми, идентичными, эквивалентными. Прошу заметить, что это вовсе не означает, что люди с одним набором физиологических особенностей должны или могут притеснять других людей, с другими наборами. Упаси Боже, нет! Суть не в том, что одни должны, к примеру, править и отдыхать, а другие — подчиняться и работать, суть в том, что люди просто разные, и поэтому они не могут быть равны, как яблоко не может быть равным карандашу.

И это надо чётко понимать, потому что без этого вы так и будете пытаться примерять образ мышления, эмоции, реакции, поведение всех окружающих людей на несчастные собственные эквиваленты. А это приведёт только к появлению различных диссоциативных расстройств, противоестественных контаминаций, всевозможных страхов и комплексов, а также общему принципиальному непониманию своего места в этом мире.

Люди не одинаковы и не равны. Ни внутри групп, сформированных единой национальной, языковой, географической, трудовой или любой другой средой, ни, тем более, вне этих групп.

Я понимаю, что многие и многие начнут плевать на меня после этих слов. А где-нибудь в старушке Европе или США и вовсе могли бы в суд подать, а то и в тюрьму посадить за то, что негров назвал неграми, а воров ворами. Тем не менее, это правда, которую я не могу и намерен скрывать.

Следует ли из этого, что люди, которые ведут себя как обезьяны — произошли от них? И да, и нет. То, что подобные шаблоны поведения являются оперативно доступными и наиболее очевидными, то есть

наименее энергозатратными формами бытия, говорит о том, что ментальность их носителей максимально близка к условно обезьяньей.

Это может происходить лишь в нескольких случаях. Либо это конкретная физическая генная память (например, такое могло бы произойти при генетическом моделировании путём смешения человеческих и животных генов), либо память виртуальная, архетипическая память предков (это могло бы произойти при переселении душ в ходе реинкарнаций). Я больше склоняюсь ко второй теории, хотя и первую не отвергаю. По сути это означает, что подобные люди действительно совсем недавно были обезьянами, и не стоит пытаться заставлять их слушать, понимать, играть классическую музыку. Их кредо — какой-нибудь «хип-хоп» или «унцаунца». Это нормально, здесь нет никаких поводов для беспокойства.

Это вовсе не значит, что данный человек плохой или хороший, лучше или хуже конкретно тебя, мой дорогой читатель/дорогая читательница. Просто он ведёт себя согласно своей природе, природе своих ближайших предков.

В индуизме есть отличное правило, регулирующее все антропные коммуникации — «взаимодействуя с людьми, помни правила трёх «Н»:

- не ты их создал такими;
- не тебе их судить;
- не тебе их переделывать.

Воистину.

Иногда я и вовсе прихожу к заключению, что такого вида, как человек вообще не существует, не говоря уж про всякие там хомо, хомо сапиенс, хомо сапиенс сапиенс и т.п. То есть каждый отдельный человек — даже не представитель вида. Почему я так, казалось бы, огульно и легкомысленно разбрасываюсь подобными крамольными сентенциями?

Дело тут вот в чём. Во-первых, абсолютно каждый человек наделён характерным набором расовых, языковых, физиологических, интеллектуальных и других особенностей и способностей. И эти наборы могут отличаться даже куда более масштабно, нежели отличаются между собой подобные наборы представителей разных видов. Описанные особенности регистрируются безо всякого труда и являются очевидными.

Но это не единственная причина заявлять о вневидовом положении человека. Вторая, и, возможно, основная причина в том, что абсолютно каждый человек с рождения наделён камерой-обскурой из миллионов и миллионов архетипических артефактов, к которым ни он, ни его родители на первый взгляд не могут иметь никакого отношения. Дополнительно к этим артефактам архетипов прилагаются «пасхальные яйца» в программном обеспечении, которые встречаются у любого представителя человечества любой эпохи. Эти «пасхалки», в том числе формируют систему ценностей человека, образ мыслей и поведение вне зависимости от среды, в которой

происходит его становление. Сюда же можно отнести и подсознание, вместе с матрицей ссылок для взаимодействия с высшими. А бывает и низшими. А ещё бывает — не пойми какими, типа призраков и прочих неорганических существ.

Все эти особенности даже близко не являются продуктом видовой деятельности. И именно подобные «пасхальные яйца» в программном обеспечении заставляют детей, казалось бы, духовно развитых писателей, музыкантов, художников подхватывать какие-нибудь неизлечимые болезни во время смены пятисотого безымянного полового партнёра, умирать от передозировки в каком-нибудь отчаянно-общественном туалете, наедаться всякой дряни до блевоты, воровать, грабить, насиловать, убивать.

Эти же «пасхальные яйца» в нашем программном обеспечении могут привести и к тому, что ребёнок бомжей-наркоманов станет новым Буддой или Иисусом. Подобные феномены невозможно объяснить, оперируя лишь антропными терминами, потому что наше программное обеспечение — это не продукт внутривидовой деятельности.

Есть, разумеется, и разделы программного обеспечения, сформированные средой обитания. Однако повторюсь, подавляющее большинство разделов антропного программного обеспечения не являются продуктом внутривидовой деятельности. И именно в области вневидовой деятельности начинается всё самое интересное, поскольку это уровень божественного/внеземного/трансцендентного сознания, остальное — лишь примитивные комбинации шестерёнок.

Далее мне бы хотелось немного поговорить о *теории* заселения планеты Земля людьми посредством генных манипуляций, производимых высокоразвитыми расами, прилетевшими сюда из других районов пространственно-временной матрицы мироздания.

#Chapter 47

12-20.02.2018

Происхождение видов. Часть 3

На днях я посмотрел антинаучный американский фильм, который называется «звёздное вещество». Суть его — в том, что одноклеточная форма жизни прилетела на Землю в куске льда, использовавшем в качестве межпланетного транспорта комету. Ну а дальше — эволюция, шимпанзе, австралопитеки, и, здравствуйте, человек «разумный». Такая гадость эти их заливные квазинаучные фильмы. Почему гадость? Потому что откуда-то, непонятно откуда, в далёкой вселенной возникла жизнь. Потом в эту планету случайно, ну а как ещё-то, фильм ведь научный, попал какой-нибудь астероид. Потом обломки этой планеты полетели странствовать по галактикам, и, в конце концов, этот обломок с генным материалом,

обязательно почему-то одноклеточным, но устойчивым к сверхнизким температурам, радиации и способный обходиться без пищи неопределённое количество времени упал как бы случайно именно на Землю. Ну а дальше — миллион случайных генных рекомбинаций и межвидовых переходов, и, здравствуйте вам, хомо сапиенс сапиенс.

Кто не понял: научный фильм о том, что произошёл миллион случайных беспричинных событий с ничтожными долями вероятностей, в результате чего ты, дорогая читательница/дорогой читатель читаешь эти строки. А могли бы вместо глаз у тебя быть русалочий хвост, вместо мозга — дополнительный желудок, а вместо речевого аппарата — симпатичный брачный танец.

Но только, если бы это всё способствовало выживанию в диких джунглях лучше, чем душевная тоска об утраченном диалоге с Создателем и забавная тяга к музыке, рисованию, поэзии. Без них ведь, как известно, в джунглях — никуда. Такой фильм. Отличные спецэффекты, хороший бюджет. Экскурсия в сверхсовременную лабораторию, где атомы расстреливаются из сверхмощного лазера. В лабораторию, где в сутки тратится годовой ресурс электроэнергии всей Африки. Хотя, зачем Африке электроэнергия? В Африке хорошо тестировать новые вирусы, оружие, да отрабатывать приёмы разжигания гражданских войн. С другой стороны, хорошо хоть, что не в России. Резюме к фильму — здравый смысл мёртв, да здравствует зомбиленд. Зато научный. И спецэффекты крутые.

Итак, возвращаясь к заявленной тематике о заселении людьми Земли при помощи высокоразвитых братьев, и почему я вообще всерьёз рассматриваю такой «рен-тв'шный» вариант развития событий, а также сам феномен существования иных цивилизаций.

Дело тут в первую очередь в том, что практически все народы, расы и более-менее крупные страны содержат в своей истории предания о том, как из космоса к ним прилетели люди/создания/боги. Как правило, боги прилетали с каких-нибудь спрятанных за безумным количеством световых лет, звёзд/планет/галактик с завораживающе красивыми названиями. Причём они прилетали не только на местные дискотеки, клеить земных самочек, но и в каждой легенде/мифе/предании зачем-то обязательно учили наших низкоуровневых предков различным ремеслам, наукам и сельскому хозяйству, полезным, а иногда и попросту необходимым для выживания.

А то и вовсе передавали навыки выращивания съедобных растений вместе с семенами пшеницы, риса, маиса. Многие люди считают и открыто манифестируют, что данные растения вообще не способны размножаться в природе без помощи человека, т.е. не могут существовать вне антропоной среды. Я не могу соглашаться или не соглашаться с ними в силу полного отсутствия знаний в соответствующей области. На интуитивном уровне — я был бы не удивлён, если бы это отчасти оказалось правдой.

Тем не менее, память предков — это данность, с которой нельзя не считаться. Причём речь здесь идёт о большинстве северных народов Евразии, коренном населении обеих Америк и Африки, ну и, конечно же, Индоарийских, Египетских и Шумерских народах, которые оставили столь однозначные и многочисленные свидетельства о данном феномене в своём культурном наследии.

Для начала неплохо бы понять, зачем вообще высокоразвитым цивилизациям понадобилось заселять Землю. И тут нас встречают две основные теории инопланетной колонизации.

Во-первых, считается, что есть те, кто оставил свой генофонд в чистом виде. Их цели могли быть обусловлены тем, что им просто негде стало жить (войны, природные и вселенские катаклизмы, причины по типу тупиков техногенных цивилизаций, необратимые негативные экологические деформации). Также цели могли быть обусловлены, скажем их планами относительно сохранения среды планеты Земля (похоже на лёгкое фиаско), либо планами эволюционной помощи расам с более низкими уровнями развития.

Во-вторых, многие авторы открыто заявляют о своей уверенности в том, что есть ещё одна группа пришельцев, которая оставила свой генофонд не в чистом виде, но разбавила его генофондом животных с Земли (всякие неандертальцы, кроманьонцы), либо использовали для этих целей существ из низкоразвитых человеческих рас. Целями этих людей обозначаются в основном добыча разнообразных ресурсов — нефти, золота, платины и т.д. с прекрасной изобильной планеты Земля. Нередко в качестве целей также обозначаются победы в войнах с помощью антропного «зерг-раша», либо противостояние другим пришельцам, обосновавшимся на планете Земля, причём не только военное, но и на уровнях существования альтернативных культур с собственными ментальными, астральными и эгрегориальными полями. Само же смешение генофонда преследует, прежде всего, цель понижения уровня сознания, чтобы плодить не конкурентов, но обслуживающий персонал. Не слишком приятная теория, не правда ли.

Какие существуют доводы в пользу инопланетного заселения Земли. Во-первых, оно исчерпывающе объясняет существование различных рас на Земле — европеоиды, негроиды, монголоиды, южно- и центрально-американские индейцы как продукт комбинаторики изначально нетождественного генетического материала. Возможно, здесь имеет место различное функциональное назначение создаваемых рас, либо разные исходные гены инопланетных создателей и вторая генная группа от землян/животных. Также, вероятно, имеет место что-нибудь вроде научного натурального эксперимента.

Допустим, одни расы ориентированы на то, чтобы добывать ресурсы, другие — воевать, третьи — эволюционировать, четвертые — размножаться, пятые — созидать, шестые — разрушать. Вроде бы всё

логично, но как-то слегка подташнивает. Говорит ли это о правдивости данной теории — кто знает?

Второе обстоятельство, говорящее в пользу данной теории — наша остаточная «ненаша» память, в том числе о прошлых жизнях, возможность обращаться к массивам данных, существующих вне антропной среды, способности выражать свои чувства с помощью музыки, живописи, ну и, наконец, те самые пасхалки в программном обеспечении. В данном случае эти архетипические матрицы — память о наших неземных предках их образе жизни, способностях, ценностях.

Итак, основные теории нашего появления здесь, в этом прекрасном уголке вселенной таковы: постепенная эволюция из одноклеточных до приматов и далее до хомо, хомо сапиенс, хомо сапиенс сапиенс; акт генетического творчества инопланетных высокоразвитых существ, материал при этом мог быть земной, внеземной или частично внеземной; акт божественного творчества, промысла, креационизм.

Первые два в общих чертах уже были рассмотрены, таким образом остался один — последний. И тут я прихожу в замешательство от того, что на самом деле, мне на удивление мало, что есть сказать про последнюю теорию.

Если не обращать внимания на разные критерии Пропперов, которыми любят оперировать атеисты, и всякую подобную квазинаучную софистическую ерунду, то это самая очевидная из теорий нашего проявления на этой планете. Она с лёгкостью объясняет большой взрыв, и межвидовую эволюцию (хотя существует мнение, что ни одного межвидового перехода наукой так и не было зафиксировано). Существование инопланетных творцов и множество рас со всем их разнообразием. Многообразие людей внутри социальных, национальных, государственных и прочих образований в соответствии с личностными задачами в данном воплощении. Все «пасхалки» в нашем программном обеспечении, все трансцендентные возможности, как способы, уровни и ссылки для взаимодействия с создателем.

Собственно, в последнем случае практически повторяется история с инопланетными создателями, с той лишь разницей, что высокоразвитые сущности приводятся к своему очевидному экстремуму, ведь если существуют высокоразвитые, низкоразвитые и прочие сущности именно в плане духовного и ментального развития, то очевидно существует источник и предел всего этого экзистенциального кипиша.

При этом надо понимать, что я не имею в виду ни одно конкретно взятое Божество из какой-либо конкретной религии. Я не знаю, почему-то это не является очевидным для миллионов, а то и миллиардов людей, но религия — это не Бог. Даже близко не Бог. Церкви и храмы — это не Бог. В них бывает легче выйти с ним на контакт, это правда. Впрочем, бывает и

наоборот, когда место, изначально предназначенное для общения с Богом, настолько захламлено различными формами формалистического безумия, эго служителей, всякими эгрегориальными ступорами и тормозами, различными астрально-ментальными заморочками паствы, что выйти на связь там, где это должно быть легче всего, становится фактически невозможно.

Священнослужители — это обычные люди, с обычным, как правило, среднестатистическим, характерным для текущей пространственно-временной матрицы набором пороков. У кого-то их больше, у кого-то меньше. Есть светлые, есть тёмные; есть наполненные, есть пустые, есть наполненные таким, что лучше бы были пустые; есть умные, есть глупые; есть развитые, есть дегенераты. Всё как у других людей. В любой из религий очень много человеческого, небожественного, потому что даже самые развитые антропные приёмники трансцендентного знания — всего лишь приёмники, которые вносят 99 процентов своего земного искажения в любую трансцендентную информацию. Это искажение обусловлено общепринятыми на данный момент времени космологическими конструкциями, уровнем развития/упадка науки, религии, морали, а также коллективным и личностным лингвистическим и метафорическим богатством пророка, либо контактёра.

Это всё настолько банально, что неудобно даже писать об этом. Но поскольку для миллионов и миллиардов людей существует только один Бог с единственным правильным именем; единственные правильные церкви с уникальным правильным обслуживающим персоналом; единственные правильные книгопечатные источники божественного откровения, то я вынужден об этом писать.

Важно также то, что абсолютно все наши контакты с Божественным, трансцендентным носят ярко-выраженный нагвальный характер. Вроде бы и вот оно, что-то настоящее, стоящее, фундаментальное. А выразить — никак. Только посредством метафор, мифов, символов, проекций, которые позволяют лишь прикоснуться к вечности. Это как инструкции по умению ходить, плавать, ездить на велосипеде. Пока не научишься — никакие слова не помогут. А после того, как научишься — мало того, что все инструкции становятся бесполезными, так ещё и попробуй, объясни, как ты это делаешь. Просто переставляешь ноги, и идёшь; крутишь педали, и едешь; открываешь рот, и говоришь.

Можно сколько угодно расплыться, описывая и детализируя механизмы на уровне моторики, органов, мышц, тканей и так дойти до клеточного строения наших тел, но это ничем не поможет тому, кто ещё не приобрёл данных навыков, лишь впустую потратит его временные и энергетические ресурсы.

Five finger death punch – M.I.N.E.

Dry kill logic – Paper tiger
 Evanescence – Wash it all away
 Antimatter – The immaculate misconception
 Disturbed – Stricken
 Anette Olzon – Shine

#Chapter 48

12-20.02.2018

Происхождение видов. Часть 4

Итак, продолжим. Далее я хочу сделать небольшой обзор данной проблематики, исходя из критерия полезности принятия отдельно взятым человеком теорий креационизма, либо материалистической эволюции для социума/нации/государства/планеты/вселенной и для него самого в плане психологической стабильности, развития и самореализации, а также общего психического комфорта проживания. Я считаю это оправданным, т.к. при массовом выборе неэффективной стратегии антропного поведения страдает не только каждый индивидуум, но, что гораздо хуже, и сама планета Земля, не говоря уж о государственных, национальных, социальных и иных конструкциях.

Поскольку каждая теория подразумевает набор допущений, то я сразу оговорюсь, что не буду рассматривать экстремумы, а именно — религиозных, коммунистических и других фанатиков, поскольку путь фанатика — это путь мертвеца, мёртвого сознания, так сказать: «non cogito, ergo non sum». А идти к смерти — значит не идти в никуда, поскольку смерть предопределена правилами игры. Из всех правил, разумеется, бывают исключения, но в данном случае они настолько микроскопичны, что можно пройти мимо них дальше по дороге экзистенциальных рассуждений. Хотя исключения порой бывают важнее и интереснее правил.

Итак, возьмём человека А, который не верит в высшие сущности, перерождения, саму душу, трансцендентальность, Бога и т.п. и человека В, который, напротив, верит. Далее рассмотрим влияние их космологических взглядов на собственные жизни, жизненный цикл общества, развитие/стагнацию/деградацию государственной и национальной составляющих.

Человек А убеждён, что нет никакой души, жизни после смерти материального тела, кармы, Бога, ада,рая и других трансцендентных проявлений, которые, так уж вышло, в настоящем цикле развития человеческих ценностей, органов чувств и систем знаний не могут быть проверены путём непосредственной регистрации большинством хомо сапиенс.

Соответственно, всё, что А может сделать в данной системе измерений — прожить свою собственную, единственную, уникальную жизнь с максимальной эффективностью. Звучит вроде бы неплохо. Но, поскольку субъект исключительно материальный и уверен, что никакой совести, морали, и законов воздаяния в виде кармы, рая с адом, не может существовать в принципе, то его жизнь сводится к актам потребления, ограниченным лишь законодательной базой и эффективностью исполнительных, как правило — федеральных, институтов внутри государства/штата/области.

Так, в эмирате Шарджа (ОАЭ) законодательные и исполнительные структуры в лице суда шариата и судьи кади? сформировали образ крайне законопослушного и аккуратного гражданина. Во время моего пребывания там я неоднократно слышал истории о том, как туристы подбрасывали кошелек на дорогу, отходили в кусты/кафе и наблюдали. За час, два, три (у кого сколько терпения) мимо кошельков равнодушно проходили сотни и тысячи местных. Сейчас уже нет, но не так давно там за поднятие такого кошелька просто отрубали руки.

Захотите ли вы жить без руки за то, что подняли чужую вещь с земли? Вот и я нет. Да и никто не захочет. Сейчас руки не рубят, но в тюрьму посадить могут. Легко посадят в тюрьму и за банальное прилюдное употребление алкоголя, наркотиков, прикосновение к местной женщине, неуважительное отношение к полицейскому, фотографирование всяких правительственных и военных объектов и т.д., и т.п.

Пример подходит конечно не идеально, т.к. Эмираты — глубоко религиозная страна и в дополнение к суду, за тобой там присматривает ещё и Аллах, который накажет после смерти похлеще любого шариата, но я бывал в других мусульманских странах, которые существуют в рамках существенно менее жёсткого законодательства и могу с уверенностью утверждать, что страх в ближайшем будущем потерять руку или сесть в тюрьму лет на десять дисциплинирует людей намного и намного лучше, чем страх быть наказанным после смерти трансцендентальной сущностью.

Итак, если в дальнейшем мы рассмотрим человека А, живущего в либеральном обществе с гуманными законами, гуманными тюрьмами, оснащёнными интернетом, телевидением, библиотеками, спортивными залами и всем остальным. Человека, не отягощённого моралью и совестью, не запуганного суровыми законами по типу шариата, человека, убеждённого в своей уникальности и неповторимости, то мы получим типичного современного европейского/американского (и, к сожалению, всё чаще — славянского) потребителя.

Если обобщить цели и задачи человека А, можно сказать, что он живёт ради создания метафорической цепи из актов потреблений максимальной длины. Чем больше звеньев, чем выше их себестоимость/цена/престиж, чем они изощрённей, а зачастую —

извращённой, тем круче. Huge. Awesome. Таким образом, цель жизни А в экстремуме — сформировать цепь потребления бесконечной длины, прожить жизнь, полную наслаждений всех возможных видов.

Формально, многие из современных представителей данной группы людей верят в Бога, ведь они носят на шее кресты и называют себя католиками, православными, ортодоксами, униатами, протестантами и бог знает кем ещё. Но по моим наблюдениям, чем больше и дороже крест на шее, тем больше жизнь его носителя похожа на альманах восьми смертных грехов. Почти сто процентов из них попросту не знает даже заповедей своей религии, не говоря уж об исторических, космологических, теологических и других составляющих.

А если отбросить ещё и крест, который всё же обозначает какую-никакую связь с создателем, и подразумевает какое-никакое наказание за плохое поведение, то останется общество абсолютных эгоцентриков, озабоченных лишь тем, чтобы вкушать как можно больше максимально вкусной еды, иметь максимальное количество максимально привлекательных сексуальных партнёров (и хорошо ещё, если хотя бы противоположного пола, совершеннолетних, не ближайших родственников, живых, да и вообще людей), обладать максимальным количеством материальных благ для удовлетворения своего эго, таких, как: машины, дома, всякие супергаджеты, сверхдорогие часы, сверхдорогая одежда, яхты, самолёты и т.п. При этом, поскольку нет страха наказания после смерти, да и при жизни наказание не факт что будет, а также, что важно, если будет, то не особо суровым, то такие методы достижения обозначенных целей, как кража, грабёж, и даже убийство с изнасилованием представляются лишь как мероприятия, ведущие к максимальной самореализации, связанные с определённым риском. Ну а что, кто не рискует, тот ведь не пьёт шампанское, правда? Такие у них поговорки.

Насколько полезна такая версия человека для государства, общества, нации, планеты Земля? Да ни насколько. Это антропный вирус, паразит, разрушающий среду своего обитания. Рак. Гепатит. СПИД.

И самым настоящим дефицитом иммунитета в данном случае будут: дефицит религиозности; сильной и строгой законодательной, судебной и исполнительной форм власти; конструктивных, позитивных нематериальных и неиндивидуальных мотиваторов (об этом чуть позже).

Результатов работы данных вирусов в истории предостаточно. Одним из самых показательных примеров действия такого вируса, на мой взгляд, является древний Рим с его Калигулами, Неронами, Марками Крассаи, Гаями Юлиями Цезарями, Марками Антониями, Гнеями Помпеями и Октавианами Августаи. Империя, потреблявшая максимальное количество хлеба и зрелищ, утопавшая в крови рабов, отрыганной еде, которую не в силах были вместить весьма и весьма прокачаные желудки римлян,

семязвержениях ежедневных оргий, эфирном мраке тумана криков толпы, жаждущей увидеть очередную смерть очередного проигравшего гладиатора.

Разумеется, не я это всё изобрёл, поэтому придуманы и существуют различные методы регуляции социального, национального и государственного иммунитета. Так, в СССР, при господствующей политике атеизма, человеку с детства внушалась система ценностей, призванная, в том числе, заменить религиозные. И некоторые из этих ценностей были довольно позитивными в перспективе развития государственного института.

В качестве примеров можно привести готовность гражданина СССР к перманентному самопожертвованию и самоотречению во имя общества, предприятия, города, государства. Велась широкая пропаганда здорового образа жизни и массового спорта, выделялись значительные материальные ресурсы для проведения соответствующих мероприятий. И никакого допинга с родченковым — кому он, нафиг, нужен в любительских-то соревнованиях по типу «кожаного мяча».

Вот, кстати, яркий пример современного антропоного вируса. Человечишки без Родины, религии, пишущего порнорасказы под псевдонимом коллеги, открыто продающего отчизну, занимающегося контрабандой наркоты, делающего одну за другой пластические операции из-за страха за свою жизнь, лишённую всяческого смысла. А что на другой чаше весов — гордость за то, что у него есть хороший дом в Америке и автомобиль последней марки. А вот если бы он верил в Бога, или хотя в товарища Сталина, то надо ли говорить, что всё было бы совсем по-другому.

Что там ещё из позитивного в СССР? ГТО, интеллектуальное развитие детей и молодёжи, даже духовное развитие, вспомните миллионы бесплатных секций и кружков по всей стране, вспомните фортепиано «Элегия» и «Победа», которые сейчас по всей стране продаются по 500-1000 р. на всяких «авито», я сам купил такое фортепиано за 500 р., а отдал и вовсе без платы. Почему отдал? Потому что взамен купил себе синтезатор, удобный, лёгкий, всегда настроенный, что поделать — время и технологии движутся вперёд. А ещё у нас в городе всё очень и очень плохо с настройщиками клавишных.

Но речь сейчас о том, что одна лишь себестоимость такого фортепиано в настоящее время — тысяч тридцать-пятьдесят рублей, не меньше, а сколько их создал СССР и продал своим жителям по цене на порядки меньше себестоимости для того, чтобы советские дети могли развиваться духовно через музыку. А я настаиваю на том, что музыка — один из самых прекрасных инструментов для духовного развития из всех, доступных в современном мире.

Сколько секций, кружков и соревнований было организовано для того, чтобы советские дети и, в чуть меньшей степени, взрослые могли развиваться интеллектуально и физически без всякой материальной платы, сколько книг было напечатано и продавалось буквально по копеечным ценам. Недаром ведь СССР была самой читающей нацией. И где всё это сейчас?

Вам может показаться, что я здесь рекламирую и идеализирую свою бывшую страну. Скорее немного ностальгирую. Если откровенно, то я предпочёл бы жить в современное время, в современной России тому, чтобы жить в СССР. Здесь я могу путешествовать по дальним странам, могу, в частности, писать данные строки, не нарушая при этом никаких законов, могу слушать музыку, какую захочу и читать книги, какие захочу. Но было в той стране и много конструктивного. Деструктивное тоже было, но про него все пишут сплошь и рядом, поэтому я писать не хочу. Отмечу лишь, что понимаю, что оно существовало.

Итак, СССР на определённом этапе удалось сформировать достаточно позитивный образ человека на первый взгляд нерелигиозного (без веры в высшие силы), человека, построившего мощнейшую империю и выигравшего сложнейшую, пожалуй, за тысячелетие, а то и два, войну.

На самом деле это конечно не совсем так. Так уж получилось, что наш арийско-славянский генотип предрасположен к конструктивному образу жизни, развитию, росту. Ему чужды англо-саксонско-романская жадность, стремление доминировать над всем и вся, стремление ко всем формам порабощения, от физического, до ментального, аксиологического, виртуального. Да какого только рабства не придумали изобретательные англосаксы, от банального заковать целые континенты в кандалы и заставить прислуживать себе в прошлом до пятидесяти оттенков БДСМ в наши дни. Таким образом, позитивный генотип — основная причина достаточно удачного на определённом этапе эксперимента по формированию полезного, сознательного, созидającego образа, шаблона гражданина.

Вторая причина в том, что наша национальная составляющая религиозна. Просто вспомните, как все кинулись креститься после отмены запрета на религию. Некоторые могут сказать, что это дань моде, но как бы не так. Первыми крестились все советские бабушки и дедушки, которым на моду было класть с большой колокольни. Да и во времена СССР было множество полулегальных церквей, а почти в каждой семье всё у тех же бабушек-дедушек обязательно была пара-тройка молитвенников на всякий случай. Я отнюдь не идеализирую православие, но, религиозная составляющая в СССР, пусть и минимальная, но была. И сейчас, даже самые гламурные девчонки — зачем-то время от времени постятся, а в их новостных лентах между потоками всяких фэшн и лакшери то и дело

мелькают посты про церковь, православие, Бога. А всё потому, что такой генотипический и архетипический фон. Я не идеализирую подобную веру с религиозностью, и прекрасно понимаю, что по сути это всего лишь поверхностный формализм, но получается, что даже в самых заблудших современных славянских душах до сих пор жива тяга к Богу. Сюда же можно отнести и уголовников с их набитыми куполами и прочей церковной атрибутикой.

Третья причина — государство на место пантеона богов/святых воздвигла пантеон партии, а на место верховного бога выдвинула идею вождя. Поговорите с бабушкой или дедушкой лет от 80-85, если вам посчастливится таких найти. Вы будете очень и очень удивлены тем, насколько сильно они до сих пор любят Сталина и Ленина. Несмотря на всю антипропаганду Иосифа Джугашвили. Несмотря на то, что кто-то из этих двух наверняка приложил свою руку к тому, что эта бабушка или дедушка потерял отца/мать/дядю/тётю и т.п.

Моя бабушка потеряла отца, который воевал на двух войнах, попал в плен и за это был сослан после войны куда-то в Сибирь, откуда уже не вернулся. Это родной отец. И, тем не менее, она очень любит Сталина, который лоббировал данный закон. Когда-то я испытывал к нему массу негативных эмоций и очень сильно не понимал бабушку. Наверное, тогда я и сам был жертвой тотальной антипропаганды одного из самых эффективных руководителей моей страны.

Как бы то ни было, но, в конце концов, холодная война была проиграна, а атеистическая империя была полностью разрушена, и на закате её люди поголовно потеряли веру вообще во всё: в себя, в будущее, в прошлое, в страну, в Бога, вследствие чего воровали, бухали и всячески деградировали с ужасающим градиентом.

Пусть многословно и достаточно путано, но влияние отсутствия веры в трансцендентальные формы проявления бытия/небытия на полезность индивидуума для социальных, национальных и государственных образований было худо-бедно рассмотрено в данной главе.

К сожалению, вред для социальных образований — это не самое плохое, к чему приводит повышение количества людей без веры. Больше всех страдает наша мать, планета Земля, которую нещадно сверлят для того, чтобы выкачать из неё всю нефть, взрывают и копают, чтобы добыть из неё все полезные ресурсы, загрязняют воду, воздух, землю, уничтожают леса и целые виды растений и животных. Изменяют климатические условия огромных регионов, а всё потому, что нечего и некого бояться. Наверное, хомо менеджерус думают, что одноклеточные снова оперативно эволюционируют в исчезнувшие виды деревьев и животных, а планета способна залечить какие угодно раны. Главная же причина всех экологических бед — в том, что основная цель жизни большинства современных людей типа А, наделённых властью — потребление.

Человек В, очевидно, даже если не станет органической частью экосистемы планеты, то, как минимум, будет не так откровенно вреден для неё. То же самое утверждение справедливо и в отношении общества/нации/государства, поскольку В руководит уже не алчность, но стремление соответствовать божественному замыслу, ну или хотя бы страх перед наказанием в виде отягощения кармы, понижения в касте, обращения в низшие формы жизни с менее активным сознанием, депортации в ад и т.п.

Именно поэтому меня всегда удивляли люди, тысячи и тысячи, миллионы людей, бездумно повторяющих, что религия, дескать, это опиум для народа. Я могу согласиться с тем, что многих формализованная религиозность действительно отупляет, но я настаиваю на том, что даже подобная примитивная религиозность всё равно накладывает позитивные ограничения на проявления таких пороков человека как жадность, похоть и т.д., таким образом, если принять утверждение, что религия — опиум для народа, то я утверждаю, что отсутствие религии — это героин для народа, и если уж на то пошло, то опиум не так опасен и разрушителен, как героин.

А если серьёзно, то религиозность это никакой не опиум, при условии достаточной конструктивности религии. Потому что всякие религии бывают, и, как известно, не все йогурты одинаково полезны. Некоторые йогурты открыто призывают уничтожать всех и вся, кто не принадлежит к богоизбранным йогуртам, попутно совершая жертвоприношения йогуртов, чтобы задобрить свою любимую версию сатанического бога.

Позитивная религия, напротив, становится созидательной силой, которая формирует не людей-потребителей, но людей, проецирующих и творящих любовь, добро, заботу, радость и другие формы светлой энергии.

Наиболее близкими к данному виду позитивных религиозных людей, я бы назвал многих из наших сибиряков, подавляющее большинство индусов, и, чуть в меньшей степени, других азиатов индуистско-буддистско-анимистской направленности. Светлые сущности есть везде, в любом городе, в любой стране, в любой религии, в самом отдалённом конце галактики, но по-настоящему много таких наполненных счастьем и светом людей я встречал только в Индии и Сибири.

Важная ремарка: в данной главе я отнюдь не призываю читателей отказаться от качественного секса, вкусной еды, курортного отдыха и т.д. Да что там говорить, я и сам большой любитель всего этого. Мысль была в том, что мы пришли сюда не только за этим. Что всегда нужно стараться не только получать, но и отдавать. Проявлять заботу по отношению к старшим, слабым, голодающим. Особенно — проявлять заботу по отношению к тем, кто не может за себя постоять; к тем, кто больше всего страдает от нашей жадности и жестокости — животным, птичкам, деревьям, целым лесам и водоёмам. Не брать больше того, что нужно; больше того, что может употребить твоя семья. А самое главное — не

забывать, что в каждом из нас есть душа. И хоть иногда задумываться, зачем мы всё-таки пришли на эту Землю.

В следующей части сего опуса я попробую менее многословно и более прозрачно раскрыть влияние наличия, либо отсутствия веры в бессмертие души/Бога на качество жизни отдельно взятого человека.

Two steps from hell – Victory
Lake of tears – Headstones
Dream evil – The Ballad
Махабхарата – Draupadi-Arjun theme
Мельница – Богиня Иштар
Johann Sebastian Bach – Air on a G string

#Chapter 49

12-20.02.2018

Происхождение видов. Часть 5

Поэт и владелец портсигара закурили, а некурящий Берлиоз отказался. «Надо будет ему возразить так, — решил Берлиоз, — да, человек смертен, никто против этого и не спорит. А дело в том, что...»

Однако он не успел выговорить этих слов, как заговорил иностранец: — Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус! И вообще не может сказать, что он будет делать в сегодняшний вечер.

«Какая-то нелепая постановка вопроса...» — помыслил Берлиоз и возразил: — Ну, здесь уж есть преувеличение. Сегодняшний вечер мне известен более или менее точно. Само собой разумеется, что, если на Бронной мне свалится на голову кирпич...

— Кирпич ни с того ни с сего, — внушительно перебил неизвестный, — никому и никогда на голову не свалится. В частности же, уверяю вас, вам он ни в коем случае не угрожает. Вы умрете другой смертью.

— Может быть, вы знаете, какой именно? — с совершенно естественной иронией осведомился Берлиоз, вовлекаясь в какой-то действительно нелепый разговор, — и скажете мне?

— Охотно, — отозвался незнакомец. Он смерил Берлиоза взглядом, как будто собирался сшить ему костюм, сквозь зубы пробормотал что-то вроде: «Раз, два... Меркурий во втором доме... луна ушла... шесть — несчастье... вечер — семь...» — и громко и радостно объявил: — Вам отрежут голову! Бездомный дико и злобно вытаращил глаза на развязного неизвестного, а Берлиоз спросил, криво усмехнувшись:

— А кто именно? Враги? Интервенты?

— Нет, — ответил собеседник, — русская женщина, комсомолка.

— Гм... — промычал раздраженный шуточкой неизвестного Берлиоз, — ну, это, извините, маловероятно.

— Прошу и меня извинить, — ответил иностранец, — но это так. Да, мне хотелось бы спросить вас, что вы будете делать сегодня вечером, если это не секрет?

— Секрета нет. Сейчас я зайду к себе на Садовую, а потом в десять часов вечера в МАССОЛИТе состоится заседание, и я буду на нем председательствовать.

— Нет, этого быть никак не может, — твердо возразил иностранец.

— Это почему?

— Потому, — ответил иностранец и прищуренными глазами поглядел в небо, где, предчувствуя вечернюю прохладу, бесшумно чертили черные птицы, — что Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже разлила. Так что заседание не состоится.

Мастер и Маргарита. М.А. Булгаков

Сегодня день всех влюблённых, названный в честь священника, незаконно осуществлявшего гомосексуальные браки в армии. О, дивный, либеральный, новый мир.

Итак, в прошлой главе я неумышленно поднагнал жути в образ материального атеиста по отношению к его полезности для экосистемы планеты и различных социальных образований. Тем не менее, я утверждаю, что погрешность может быть только в масштабировании проблемы, но не в её сути.

Здесь я бы хотел выразить свои мысли по поводу того, как принятие материалистического атеизма, либо путешествие по жизни рука об руку с божественным началом, влияет на само качество этой жизни, психоэмоциональный фон, возможности самореализации и эволюции отдельно взятого человека.

Итак, возьмём человека А, исповедующего материалистический атеизм. В какие начальные условия задачи он попадает при рождении? Он — голая бездушная материя, кусок мяса, который не контролирует ничего под этим небом (см. пролог). Самая большая его ценность — собственная жизнь, но поскольку мы не знаем, когда она закончится — через 5 секунд, 5 минут, 5 месяцев, 5 лет — то это априори дикий стресс.

Это как хранить все свои запасы (воду, пищу, деньги, фамильные драгоценности) у малознакомого соседа, или как купить дом и вместо себя оформить его на этого же соседа. Каждый миг неизвестно, что произойдёт со всеми твоими активами. Ведь вместе со смертью все активы обращаются в прах, а смерть неизбежна и непредсказуема.

Связь с предками А условная, генетическая, и, по большому счёту, с родней он связан также близко как с шимпанзе. Никакой связи со вселенной нет, она ведь только химические элементы и больше ничего. Основная цель — сохранение жизни на максимально длительный срок, получение чувственных удовольствий всех мастей (легко регистрируемых посредством гормональных индикаторов), ну и, конечно же, ежедневная, ежеминутная подпитка Сизифова камня с названием «эго». Духовное развитие — что это? Музыка, литература, живопись — зачем это? Интеллектуальное и физическое развитие — вроде бы неплохо, но не особо важно, т.к. расходует драгоценную жизнь, а рентабельность неочевидна. Если продлить картину на окружающих людей, то получится холодный эгоистический мир индивидуалистов. В этом мире А нужен кому-то только в ситуациях, где его можно каким-нибудь, возможно весьма изощрённым способом использовать. Пятьдесят оттенков, модного в этом сезоне, серого.

Довольно печально и то, что в этой картине, А не имеет ничего настоящего, одни лишь вещи, объекты, бездушные и материальные. Любовь — гормончики, дружба — взаимовыгодная эксплуатация, бизнес. Душа — что это? Бог — кто это? Вера, надежда — зачем это? Музыка, живопись, усыпанный звёздами небосвод, закаты, море, горы — просто физические объекты и не надо тут нести всякую свою романтическую чушь.

Насколько же скучно должно быть жить в таком мире, где ты знаешь всё заранее и наверняка, кроме самого главного. Да и какие перспективы? Перспектива собственно всего одна — покуражиться немножко и пойти удобрять землю. *Finita*.

У человека В, напротив, в каких бы Богов он не верил, всегда есть определённые надежды на следующую фазу — кто-то будет вечно есть, бухать и драться с Одином и компанией (так себе конечно перспектива, но на безрыбье и рак — рыба), у индуистов и буддистов — выйти из колеса сансары, у кельтов — подняться по лестнице Фионна, а за колесом и лестницей — отождествление с божественной сущностью, у авраамистов — попасть в рай, где можно жить в вечном блаженстве.

Какие в этом плюсы? Во-первых, всегда есть на что надеяться, это уже полдела. Во-вторых, позитивные личностные и общественные установки в текущей жизни: все ведут себя хорошо. Поезжайте в Индию, лучше всего на север — это, своего рода, рай на земле. Потому что там все поголовно верят в карму, каждый день общаются с богами по любому поводу, любят друг друга, а тебя любят ещё больше, особенно если ты счастливый обладатель белокожего арийского генотипа, ну и конечно если ты не адепт тьмы. Когда все ведут себя хорошо, излучают любовь, радость, не воруют, не убивают, не стараются поиметь тебя каким-нибудь образом — это уже само по себе создаёт очень светлый и приятный бэкграунд для жизни. Ну и попутно настраивает тебя самого на позитивный,

конструктивный лад. А в обществе материалистов, произошедших от обезьяны всё совсем по-другому.

В-третьих, смерть не выглядит такой уж трагичной, т.к. душа бессмертна, божественна, неразрушима. Кроме того, всегда есть чем заняться — ведь надо прокачивать духовность, ментальность, физику, а этим можно заниматься очень и очень долго, по факту — всю жизнь, и не одну, таким образом, появляется дополнительная цель, а цель это всегда плюс. Потому что без цели ощущаешь себя выпавшим птичьим пёрышком или опавшим осенним багряным листиком в урагане жизненных страстей. Для атеиста же смерть окончательна и бесповоротна.

В-четвёртых, вера в божественное начало придаёт глубинный смысл самой жизни, наполняет её многомерностью, тайной, светлыми ожиданиями, а в случае соответствия жизни человека божественному замыслу происходит синхронизация и создатель гладит его по головке, делая путешествие по жизни лёгким и праздничным. В случае несоответствия, правда, будет пинать. Но это тоже лучше, чем ничего, т.к. пусть грабельный, но какой-никакой индикатор. У атеиста же, в случае рассинхронизации со своим предназначением, а она неизбежна, есть только злобный подлый мир вокруг, где бутерброд всегда падает маслом вниз, твои тиммейты всегда раки и олени, и вообще ты весь такой бедный и несчастный, а мир такой жестокий и несправедливый.

По правде сказать, у меня было намного больше мыслей по этому поводу, да и сами мысли были красивее и стройнее, но что-то второй день подряд эпистоляр не заходит. Тем не менее, даже в этой, скудно нарисованной по клавишам ноутбука картине, несложно увидеть, что позиция материального обезьяньего атеиста зачастую деструктивна, мир его сер, скучен и предсказуем, что крайне негативно влияет на общий уровень комфорта жизни, а также психоэмоциональный фон индивидуума. Для общества, как уже говорилось ранее, он зачастую откровенно вреден.

И, пожалуй, самое важное в контексте данного, личностного раздела: внутренняя пустота, трансцендентальный вакуум делает тотально, неизлечимо несчастным как самого материалиста, так и всех его близких. Ну а доступные примитивные животные удовольствия отупляют разум и отравляют душу, приводя к неизбежной, комплексной деградации.

Таким образом, феномен материалистического атеизма условных маркса-энгельса-ульянова-троцкого имманентно деструктивен, и, в связи с этим, само его появление, а тем более существование на протяжении значительного периода времени вызывает вопросы.

Почему? Потому что все подобные искусственные деструктивные механизмы крайне энергозатратны, т.к. подразумевают интенсивную энергетическую подпитку извне. Кому может быть выгодно инвестировать

ресурсы в подобные эгрегорические формообразования? Я не знаю, но очевидно, что кому-то не слишком хорошему.

Delain – Lullaby

Delain – Frozen

Seether – Careless whisper

Chapter 50

12-23.02.2018. Происхождение видов

Эпилог

1. Отсутствие веры в Бога, душу, посмертие делает жизнь человека пустой, лишённой смысла, скучной, серой, неинтересной, заполняет бытие тотальным перманентным психологическим дискомфортом и страхом за своё здоровье/жизнь. Это на личностном уровне. На социальном уровне отсутствие видения иррациональной причинно-следственной связи в жизни-смерти-посмертии, снимает с человека всяческую ответственность за поступки, либо их отсутствие, мысли, фантазии, мечты в этой фазе органической жизни, что принципиально позволяет ему мошенничать, воровать, грабить, насиловать, убивать и, таким образом, в явной форме деструктивно влияет на все формы общественных образований. Поэтому, если выбирать, верить или не верить в трансцендентные сущности, исходя из критериев полезности, удобства, usability, то выбор в пользу веры очевиден.

2. Теперь по поводу выбора главенствующей секты. Я считаю и абсолютно убеждён, что набор характеристик, присущий создателю/божеству, выбранному в качестве фаворита, формирует наш собственный внутренний и внешний мир, качество и образ нашей жизни здесь и сейчас. Именно посредством воспроизведения этого набора характеристик верующий может отождествиться с божеством, т.е. эволюционировать до него.

Другими словами, если Бог — добрый, хороший, благородный, великодушный, созидатель. То исповедуй, проецируй, воплощай добро, благость, благородство, великодушие, и придёшь к нему. Соответственно, через противоположные качества и деяния происходит отдаление, разотождествление с божеством. Если твой бог — бог войны — ты воюешь. Разрушения — разрушаешь. Страданий — страдаешь. Таким образом, претворяя в жизнь качества, характерные для выбранного божества, ты приводишь себя к общему знаменателю с ним и, в конечном итоге, эволюционируешь всеми своими телами до его тел, проекций, форм, качеств, возможностей.

Исходя из этого, совершенно очевидно, что следует стараться выбирать позитивные формы божеств, которые занимаются созиданием, излучают добро, свет, теплоту, благородство, щедрость. Таким образом, и собственный внутренний и внешний миры станут намного лучше, богаче, приятней, полнее и банально комфортней.

В данном случае ты, моя дорогая читательница/дорогой читатель, выбираешь направление развития и процветания. Причём данное утверждение справедливо как для персонального, так и для различных социальных уровней, вплоть до уровня жителя планеты Земля. Жителя нашей прекрасной, необъятной и непостижимой вселенной.

Coldplay – Paradise
Anathema – Everwake

Вместо эпилога ко всей книге под номером 1.

Закрой глаза. Что ты увидишь там, в этой, каждый раз такой новой, пустоте глазниц?

Как ты думаешь, что происходит, когда фотоны, эти крохотные клетки Божественной благодати, перестают преломляться в роговице и кристаллике, когда они не долетают сквозь океаны световых лет и твоё собственное море стекловидного тела до сетчатки твоих изумительных глаз? Что происходит, когда твои нейроны, палочки и колбочки остаются без этой перевёрнутой пиццы, без этого бесконечного топлива для всегда голодного двигателя хищника твоего ментального процесса.

Как ты думаешь, что произойдёт, когда Шпенглеровский зрительный мир перестанет существовать?

Я уверен, что то, что ты видишь с закрытыми глазами — это и есть квинтэссенция тебя. Квинтэссенция всего, что ты называешь своим миром. А вовсе не наоборот.

Может быть в этот раз, как и во многие другие, слишком многие другие, ты увидишь лица людей, которых любил и утратил навсегда. Лица,

наполняющие твою душу безмолвными оглушительными криками отчаяния. Безмолвные крики всегда самые оглушительные. А может быть, ты увидишь лица любимых и родных. Те лица, что заставляют твои уставшие глаза улыбаться, излучая и возвращая назад, своему создателю, потоки кристально-чистого медового света. Может быть, ты увидишь космические путешествия миллионов и миллионов звёзд на появившемся из ниоткуда небосводе. Эти путешествия всегда наполнены какой-то совершенной, необъяснимой гармонией. Лично я нередко гляжу в эти звёздные калейдоскопы. А может быть ты, напротив, любишь смотреть в бездну микромира, изучая и кристаллизуя точки, клетки, атомы, одиноко проявляющиеся в занесённых чёрными навьюженными сугробами полях твоих закрытых глаз. Может быть, в этих плотно закрытых глазах ты увидишь ноты ненаписанных тобой песен. Ненаписанные песни всегда самые прекрасные. А может быть, вместо нот, ты познаешь величие тишины, которую можно обнаружить только высоко-высоко в горах. Только там, в горах, чьи вершины любят одеваться в белоснежные шапки ледников, по ночам исключительная, непередаваемая, неопиcуемая тишина. Я надеюсь, ты когда-нибудь познаешь и её.

Что происходит с тобой и твоей вселенной, когда ты закрываешь глаза? Что происходит, когда я, закрывая глаза, вижу в этой вселенной правды тебя? Что происходит, когда ты, закрывая глаза, видишь в этом океане искренности меня? Что происходит, когда мы видим в этом первозданном, ничем и никем неиспорченном мире друг друга?

Ты знаешь ответ. Ты всегда знаешь все ответы.

А затем, когда ты открываешь глаза, всегда бывают несколько мгновений, когда ты смотришь на новый мир своими обновлёнными глазами. Ты видишь новые оттенки привычных цветов, новые пятна и блики света на привычных объектах, ощущаешь новые запахи и вкусы. Но всё это будет длиться лишь несколько крошечных несущественных мгновений. Тех самых несущественных мгновений, в которые ты обретёшь способность видеть своими собственными глазами, а не глазами тех, кто создал этот техногенный мир из серых кубиков вокруг тебя. Не глазами тех, кто создал этот скучный материальный мир из тоскливо-примитивных бесконечно повторяющихся формализованных описаний.

Я уверен, что только в эти незначительные мгновения ты смотришь на мир своими собственными глазами. В свою очередь, когда ты закрываешь глаза, то смотришь на мир своей душой. А душа, как известно, не ведаёт, что такое ложь. Я буду стараться каждый раз, когда ты будешь видеть своей душой меня, отвечать тебе тем же, потому что душам особенно одиноко, когда на другом конце провода тишина, и это не должно быть так. Никогда. Но ты, безусловно, знаешь это, потому что ты знаешь всё. Так же, как и я, ведь все Божьи дети знают всё.

Все Божьи дети умеют танцевать.

